

The image is a book cover for 'The Horus Heresy: Primarchs'. It features a central illustration of Roboutek Guilliman, the Primarch of the Ultramarines, in his iconic blue and gold armor. He is holding a glowing sword in his right hand and has a golden ring with a skull emblem on his chest. The background is a dramatic, cloudy sky. At the bottom, there are two smaller Ultramarine figures in blue armor. The text is in a mix of English and Russian.

THE HORUS HERESY
PRIMARCHS

ДЭВИД АННАНДЕЙЛА

РОБАУТ
ЖИЛЛИМАН

ВЛАДЫКА УЛЬТРАМАРА

Задолго до пришествия Империи Ультрамар правил Роберт Жиллиман, последний король-воин Макрагга. Даже узнав о своем истинном происхождении как примарха, сына Императора Человечества, он стремится расширять владения и словом, и силой подчиненного ему единолично XIII легиона — Ультрамаринов. Теперь, столкнувшись с враждебной империей в мире Тоас, Жиллиман должен осторожно выбирать свое оружие — иначе его мечтам о светлом будущем никогда не будет суждено сбыться.

Вулканический пепел делает почву плодородной — известный факт, который, однако, может быть превратно истолкован. Акцент на положительном исходе способен притупить осознание первоочередной опасности. Если не принимать во внимание природу источника пепла, то этот пепел может осесть на уже мертвую землю. Ошибка в теории приводит к неверным практическим решениям. Наглядный тому пример — предательство консула Галлана. После него, даже несмотря на смерть консула Конора, началось объединение Макрагга. Я понял и ошибку Конора, и мою собственную. Мы недооценили возможные последствия срыва амбициозных планов Галлана. Мое возвышение произошло в обстоятельствах, когда амбиции перестали служить великой цели единения народа. Галланом двигало лишь честолюбивое желание сохранить власть прогнившей аристократии. Мой Отец дает Империи цель и тем самым — нерушимую силу. Этот принцип, будучи примененным ко всем общественным, культурным и военным формациям, обеспечивает сплоченность, что превосходит любые личные прихоти.

Робаут Жиллиман «О верности», 45.22.xiv

Одна империя пришла на Тоас, чтобы сокрушить другую.

Империя порядка и света приняла облик армады. Если бы во второй империи кто-нибудь поднял глаза к небу, то увидел бы ее приближение. Его взгляду предстал бы рой клинков, каждый из которых на самом деле был космическим кораблем длиной в тысячи метров. Крупнейший из них растянулся на целых двадцать шесть километров от носа до кормы — смертоносный меч размером с горную гряду. С поверхности Тоаса он казался бы продолговатой звездой, неумолимо надвигавшейся в окружении меньших сестер. Новое созвездие — предвестник войны — возникло на ночном небе.

Но никто во второй империи и не думал смотреть вверх. А даже если бы и нашелся кто-то особо пытливый, он бы все равно не осознал увиденное. Эта империя не заслуживала даже имени, и тем не менее она удерживала в железной хватке дюжину звездных систем. Одну за другой их вырвали из ее когтистых лап, и теперь от недостойной имени империи осталось одно лишь сердце. Сосредоточение силы. Источник заражения.

Никто в этой империи не видел занесенный над ней карающий меч рока. А если бы увидел, то ничего бы не понял. А если бы и понял, то наплевал бы. Такова была ее природа.

И уже одного этого было достаточно, чтобы приговорить ее к полному и безоговорочному уничтожению.

Примечание 73.44.liv: «Видимое присутствие лидера, особенно в определяющие моменты военной кампании, само по себе имеет большую важность. Тем самым он не только демонстрирует заинтересованность в достижении цели, но и подчеркивает личную значимость каждого, кто присягой поклялся выполнить поставленную задачу. Лидер, который не придает этому должного значения, заслуженно навлекает на себя поражение».

Робаут Жиллиман стоял за командной кафедрой на мостике «Чести Макрагга». Перед ним простиралось многоуровневое помещение размером с арену. Повсюду кипела деятельность, но спешка ничуть не сказывалась на спокойствии экипажа. Офицеры и сервиторы исполняли свои обязанности одинаково эффективно. Мостик гудел от работы машин и переговоров людей. Единый боевой механизм готовился к новой войне, и все его элементы функционировали безукоризненно.

Жиллиман пребывал на своем посту уже пять часов кряду, с самого вхождения в пространство системы. Он воочию видел подчиненных, а подчиненные видели его, как то и должно быть.

«В дополнение к 73.44.liv, — подумал он, — притворный интерес непозволителен».

Впрочем, поправку в рукопись можно внести и позднее.

А сейчас примарх наблюдал, как Тоас увеличивается в размерах и заполняет собой главный обзорный экран. Детальные планы поверхности, полученные в результате сканирования авгурами, наслаивались друг на друга, составляя целостную картину. Передовые соединения флотилии встали на якорь на нижней орбите, ожидая приказа о начале следующей фазы разведывательной операции.

— Новое сообщение от капитана Сирраса, — доложил Марий Гейдж.

— Подтверждает, что его разведчики готовы? — спросил Жиллиман.

Магистр-примус XIII легиона улыбнулся:

— Так точно.

— Теперь он связывается с тобой напрямую?

— Мы вместе воевали на Септусе XII в скоплении Осирис.

— В улье?

— Да, — кивнул Гейдж. — Вдвоем сумели выбраться на поверхность как раз вовремя, чтобы увидеть наш охваченный пламенем флот, угодивший в засаду псибридов.

— И он считает, что это дает ему право действовать в обход существующей цепочки командования? — поинтересовался Жиллиман.

— У Двадцать второго ордена все еще нет магистра, — напомнил ему Марий.

— Я помню. — Орки империи Тоас забрали жизнь Махона в одном из последних боевых операций по зачистке системы Аджето. — Я назначу нового магистра еще до высадки на планету. Но его нынешнее отсутствие не означает, что Сиррасу все позволено.

— Объявить ему официальный выговор? — уточнил Гейдж.

— Нет. Но передай, что если он еще раз попытается связаться с тобой, то следующим услышит уже мой голос.

Старый воин кивнул. Столетия тяжелой службы истерли черты его интеллигентного лица, выточив суровый, грубоватый образ. Магистр-примус отошел на несколько шагов, чтобы вызвать по воксу капитана 223-й роты.

— Подожди, — окликнул его Жиллиман, вспомнив примечание 73.42.xv: «Долг каждого солдата — выполнять приказ, не требуя объяснений, однако отдавать приказ без веских оснований недопустимо». — Сообщи, что сопоставление результатов сканирования еще не завершено. Пусть знает, что его не оставили прохладиться. Мы ищем для него достойную цель.

На обзорном экране возник новый слой топографических данных. Изображение Тоаса обрело четкость. Размытые очертания береговых линий сошлись в конкретные геологические образования. Проекция наконец стала похожа на реальный мир.

Тоас синхронно вращался вокруг голубой звезды и всегда был обращен к ней одной стороной. В результате на освещенной половине планеты царил настоящий ад, тогда как ее обратная сторона была скована вечной мерзлотой. Флот Ультрамаринов занял позицию над зоной терминатора^[12], где рассвет никогда не потревожит сумерки.

Внимательно изучая голографическую сферу, Жиллиман нахмурился.

— Приблизить северный тропик, — распорядился он.

Изображение указанной области увеличилось.

— Еще.

«Вот оно».

Западный регион крупнейшего континента с севера на юго-запад наискось пересекала горная гряда. Земли к востоку от нее почти на тысячу километров морщинились ущельями и бугрились косогорами. На западе же раскинулась огромная равнина, которая простиралась почти до самого побережья и там упиралась в узкую цепочку пиков поменьше. На западной окраине гряды примарх разглядел группу линий, расположенных чересчур равномерно для природных образований. Это были сооружения, своими размерами не уступавшие горам, к которым они прижимались.

— Показания о биомассах в этом секторе, — потребовал Жиллиман.

— Крайне высокая концентрация орков, мой лорд, — доложил авгур-мастер.

Учитывая благоприятный равнинный ландшафт и покатые склоны местных возвышенностей, этого следовало ожидать.

— Соотнести с данными по другим континентам.

— Выше, — подтвердил офицер.

— Ты видишь это? — обратился Жиллиман к Гейджу.

— Да, вижу. Дело рук человека?

— Сведения о Тоасе чрезвычайно обрывочны. Мне удалось найти лишь два упоминания о колонизации этого мира людьми.

— Они большие, — заметил Гейдж, указав на постройки. — Здесь явно была не просто колония.

Примарх согласно кивнул:

— Здесь была цивилизация.

Даже простое предположение уже несказанно радовало. Если на других планетах системы, отвоеванных у орков, когда-то и существовали человеческие колонии, сейчас от них не осталось и следа. И тот факт, что они объявились здесь, на планете, которой суждено стать полем решающей битвы против империи зеленокожих, виделся бесценным подарком судьбы. Если, конечно, развалины действительно остались после людей.

— Сообщи Сиррасу, что для него есть цель.

— На нижней орбите к высадке готовы разведчики Эвидо Банзора, — сказал Гейдж. —

Бойцы 166-й под началом капитана Иаса.

— Отлично. Отправь вниз обе группы. Пусть следят за позициями орков и особое внимание уделяют этим постройкам. Здесь начнется освобождение Тоаса.

— «Имея перед собой несколько путей, выбирай тот, в котором больше смысла», — процитировал магистр-примус.

— Примечание 45.xxx, — вспомнил Жиллиман. — Льстишь мне, Марий.

— Просто говорю правду, — отозвался Гейдж, не сводя взгляда с колоссальных руин.

— Капитан решил почтить нас своим присутствием, — прошептал Метон настолько тихо, что иначе как по воксу его невозможно было услышать.

Отделения продвигались к горному хребту. Орки были далеко — по крайней мере те, кого разведчики уже заметили, — но Метон всегда строго соблюдал воинскую дисциплину и не желал рисковать попусту.

— Теоретически — нашему капитану просто не терпится запачкать руки в крови зеленокожих, — сказал сержант Фокион.

— А практически — ваш капитан хочет, чтобы вы оба заткнулись, — отрезал Элеон Иас.

Каждый из них был по-своему прав. У него не было никаких серьезных причин покидать «Веру преторианца» и лично отправляться с разведчиками на задание. Однако это не шло вразрез с его служебными обязанностями, тем более что вылазку капитан согласовал с магистром Банзором. До Фокиона он несколько десятилетий служил сержантом и действительно хотел поскорее ощутить под ногами твердую почву. Но дело было не только в этом. Теоретически: невозможно заведомо точно предвидеть, каким окажется поле боя. Практически: при любой возможности собранные удаленно разведанные следует подкреплять личными наблюдениями. И сейчас Иасу было необходимо увидеть руины собственными глазами. Он хотел внимательно изучить место, которое станет эпицентром грядущей бури.

Разведчики 166-й роты крадучись пробирались вдоль западных хребтов горной гряды, заходя к развалинам с юга. Бойцы поддерживали постоянную вокс-связь с отделениями из 223-й, которые двигались с севера. «Громовой ястреб», высадивший обе группы, остался ждать на одном из выступов на восточном склоне горы. До сих пор Ультрамарины не вступали в контакт с противником — здесь не было ничего, что могло бы привлечь орков. Тесные бесплодные долины меж отвесных склонов им не по нраву — драться там не за что, да и толком негде. Из-за непредсказуемости и невероятной силы тектонических сдвигов скалистые цепи в данном регионе превратились в череду узких остроконечных пиков, издали походивших на огромные клыки.

Опасность подстерегала воинов на каждом шагу. Иас и его разведчики карабкались по практически отвесному горному склону. Выточенные силами природы складки гранитной породы отбрасывали длинные тени. Обе луны Тоаса находились в полной фазе и ярко светили в небесах, но горы укрывала пелена тьмы куда более глубокой, нежели простой ночной мрак. Даже обладая усиленным зрением и линзами с функцией ночного видения, Иас слепнул каждый раз, когда ему приходилось проникать глубоко в вертикальные расщелины. Он взбирался буквально на ощупь, просовывая пальцы в латных перчатках в трещины и хватаясь за выступы лишь тогда, когда был полностью уверен, что они не раскрошатся в пыль под его весом. До вершины оставалось еще далеко, но, сорвавшись в

крошечную тьму внизу даже с такой высоты, можно было гарантированно прощаться с жизнью.

И все же капитан радовался тому, что выбрался сюда. С каждым рывком вверх он все лучше узнавал Тоас. Теоретические знания превращались в практический опыт.

Как он и предполагал, хребет оказался очень узким и круто скошенным. Иас невольно представил, будто стоит на кончике зубца громадной каменной пилы. И удержаться на нем оказалось совсем не просто.

— Теоретически, — сказал Метон, — если мы загоним орков в эти горы, то разобьем их.

— Мы в любом случае их разобьем, — отозвался Иас.

Но разведчик был прав — любую армию, рискнувшую отступить вглубь гряды, суровые горы сожрут и не подавятся. А даже если кому-то из орков повезет уцелеть, им останется только бежать дальше на восток, где их поджарит беспощадное солнце.

Иас посмотрел вниз. Орки заполнили равнину до самого горизонта на западе. Сотни тысяч зеленокожих уродов из разных кланов толпились у подножия холмов и живым приливом накатывали на пологие склоны гор.

А еще ими кишмя кишели руины.

Отделение Фокиона вышло на позицию в нескольких километрах от ближайшей постройки, прямо над краем орды. Хриплый рев и злобное рычание громил гулким эхом отдавались высоко в горах подобно раскатистому реву могучего прибоя. На равнине оставалось еще множество орков, но основная их масса стремилась забраться повыше.

Не было никаких оснований считать, что зеленокожие достаточно умны и понимают, какая сила им противостоит — и тем не менее они готовились к битве. Методично разбирая по кусочкам их империю, Ультрамарины никогда не оставляли за собой выживших. Эти дикие звери не обладали даже самыми примитивными технологиями, не говоря уже о подобии систем межпланетной вокс-связи, и все-таки каким-то непостижимым образом они все знали. Некие коллективные инстинкты побуждали орков готовиться к скорому бою.

Иас переключил внимание на руины и, поднеся магнокль к линзам шлема, поймал сооружения в фокус. Все они были серьезно повреждены. Верхние этажи полностью обрушились, а в стенах зияли огромные дыры, открывая внутренности ураганным ветрам Тоаса. Но даже в таком плачевном состоянии постройки поражали своими масштабами и конструкцией из огромных блоков, вырезанных из горной породы. По примерной оценке Иаса каждый такой блок был крупнее «Громового ястреба», а колонны — тоже монолитные — высотой превосходили титан класса «Гончая».

Сооружения пострадали настолько сильно, что трудно было даже представить, как они выглядели изначально. Взгляду Иаса предстало нечто похожее на многоярусные пирамиды размером с небольшой город. Из-за головокружительной высоты каждого уровня террасы казались очень узкими, а сами здания походили скорее на вздымающиеся к небесам тяжеловесные башни, нежели обширные приземистые жилые блоки. Даже пребывая в полном упадке, архитектура сгинувшей цивилизации сохраняла грубые, агрессивные черты. И она не была чужой. При всем колоссальном масштабе сооружений форма сводчатых пролетов узнавалась безошибочно, а в стенах виднелись небольшие дверные проемы, через которые орки могли пройти, лишь пригнувшись.

— Зеленокожие потрудились на славу, — заметил Фокион.

— Теперь наш черед. — Иас опустил магнокль. — Когда-то этот мир принадлежал

людям. Да будет так снова.

Жиллиман собрал магистров в своих покоях. Двенадцать орденов прибыли, чтобы выкорчевать зеленокожую заразу с Тоаса. Одиннадцать магистров выстроились идеальным полукругом перед рабочим столом примарха Ультрамаринов. На совете присутствовали и два капитана — Гиеракс, старший офицер оставшегося без лидера Двадцать второго ордена, и Иас, который заслужил право находиться здесь теми сведениями, что он добыл на Тоасе.

Во всяком случае, именно так считало большинство офицеров. Жиллиман это знал и до поры не собирался раскрывать истинные причины оказанной Иасу чести.

За спиной примарха сквозь прозрачную стену из кристалфлекса виднелся Тоас. «Честь Макрагга», флагман флота Ультрамаринов, встала на якорь на геосинхронной орбите над обширной равниной у подножия горной гряды. С такой высоты руины было не различить, но если бы Жиллиман захотел обернуться и взглянуть на планету внизу, то безошибочно нашел бы взглядом то место, где они находились.

Он жестом указал на разложенные по столу инфопланшеты.

— Донесения от разведчиков неоспоримы, — сообщил примарх. — Люди когда-то называли Тоас домом. Они строили здесь величественные города. Та цивилизация пала, но человечество вновь вернет себе этот мир, и новые башни возникнут на месте старых. Кроме того, термографическая съемка и геосканирование авгурами выявили наличие под руинами обширной сети пещер и ходов.

— Известно, как глубоко они пролегают? — спросил Атрей, магистр Шестого ордена.

— Нет, — покачал головой Жиллиман. — В этой области также отмечены следы сильного радиационного заражения. Они затрудняют сканирование. Наверняка мы знаем только то, что туннели там есть. Все остальное — лишь догадки. Профанация теоретических разработок.

Примарх умолк. Все это время он краем глаза следил за двумя капитанами. Оба держались строго по уставу, неподвижно вытянувшись по стойке «смирно». Магистры орденов выглядели более раскрепощенными, поскольку понимали, что это помещение предназначено для совещаний, споров и свободного обмена мнениями. Именно здесь разрабатывались, преобразались и отвергались либо же принимались теоретические положения. В таких условиях неукоснительное соблюдение субординации становилось контрпродуктивным и лишь вредило тому, что примарх намеревался осуществить.

Хотя и Иас, и Гиеракс одинаково успешно изображали статуи, Робаут подмечал мельчайшие различия в их поведении. Иас терпеливо ждал момента, когда к нему обратятся. Всем своим видом он излучал спокойствие. Гиеракс, напротив, был готов взорваться в любую секунду. Он даже слегка наклонился вперед. Четко осознавая свое место и звание, капитан держал язык за зубами, но знание причин, по которым его вызвали, побуждало говорить.

Жиллиман избавил его от этой дилеммы.

— А что вы можете сказать, капитан Гиеракс?

«Давай, удиви меня, — подумал примарх. — Скажи что-нибудь, чего я не ожидаю».

— Заражение Тоаса орками серьезнее, чем где бы то ни было за всю войну.

— Это сердце их империи, — напомнил Жиллиман.

— Именно, — согласился Гиеракс. — И мы должны вырвать его одним ударом. В этих развалинах уже давно не осталось людей. Нет никаких причин сдерживать себя.

— Не сдерживать себя... — эхом отозвался Робаут, сохраняя нейтральный тон.

— Вторая рота разрушителей очистит Тоас от орков за день.

— И от всей остальной жизни тоже.

— Примарх... — хотел было возразить Гиеракс, но Жиллиман перебил его:

— Капитан, скажите, как вы планируете проводить эту чистку? Полагаю, не собираетесь разносить Тоас на куски, что исключает вариант циклонных торпед. Что тогда, вирусные бомбы? Вы действительно готовы зайти так далеко?

Гиеракс поначалу ничего не ответил, сохраняя совершенно непроницаемое, словно маска, которой чужды любые эмоции, выражение. Как и Гейдж, он вступил в XIII легион на Терре. Со временем грубоватое лицо Гиеракса покрыла паутина шрамов. Он словно носил на коже, затвердевшей подобно лавовым потокам, выгравированную историю военных походов легиона. И хотя его доспехи олицетворяли благородство Ультрамаринов, сам Гиеракс воплощал самую жестокую сторону войны. Среди воинов XIII легиона разрушители считались необходимым злом. Они вступали в дело, лишь когда ситуация требовала самых радикальных мер, сколь бы ужасными они ни были. Каждый такой момент тяжестью оседал в сердце примарха Ультрамаринов. Разрушители полностью оправдывали свое название. Они были кровью, что проливали клинки Великого крестового похода, но не являлись ни его детищем, ни его надеждой.

Наконец Гиеракс заговорил снова — громко, но без горячности. Он уже знал, что Жиллиман отвергнет его предложение.

«Ничего нового, — подумал Робаут. — Как жаль. Хотел бы я ошибиться...»

Гиеракс вдохнул полной грудью.

— Если потребуется, да, — сказал он. — Наша миссия...

И вдруг резко запнулся, поняв, что переступил черту.

Не ему решать, какой будет миссия Ультрамаринов.

— Продолжайте, — настаивал Жиллиман. — Говорите открыто, капитан. Без свободы слова эти покои потеряли бы львиную долю смысла.

Гиеракс благодарно кивнул:

— Теоретически — перед нами стоит цель полного истребления врага. Практически — самым эффективным способом достичь ее при минимальных потерях будет применение оружия разрушителей.

— Вы не придаете этому миру никакой ценности?

— После определенного снижения радиационного фона на планете можно будет развернуть добычу полезных ископаемых. А возможности для земледелия здесь и так чрезвычайно бедны. Что бы мы ни делали на поверхности, Тоасу от этого хуже не станет.

— Понятно.

Магистры сохраняли молчание. «Хорошо же они меня знают», — промелькнуло в голове Жиллимана. Командиры орденов прекрасно понимали, что в этом споре решается не только и не столько вопрос тактики.

— Капитан Иас, — перевел взгляд Жиллиман, — вы были на поверхности. Ваше мнение?

— При всем уважении, я не могу согласиться с выводами моего брата. — Лидер 166-й роты был моложе Гиеракса и родился на Макрагге. Он обладал более живым лицом с острыми чертами, а длинный синеватый шрам, протянувшийся от правого виска до нижней челюсти, придавал образу Иаса сходство с гордым орлом. — Тоас нельзя рассматривать

только с позиции промышленности. Здесь существовала развитая человеческая культура, и память о ней необходимо сохранить.

— Эта культура потерпела крах, — заявил Гиеракс.

— Верно, — согласился Жиллиман. — Но разве это означает, что ее следует вымарать из нашей коллективной памяти? Разве нам нечему у нее поучиться? Неужели народ, насмерть стоявший против орков, не заслуживает должного почтения? И битвы, которые он вел, разве не достойны быть воспетыми?

— Достойны, — признал Гиеракс.

— Достойны. — Жиллиман положил ладонь на перевязанную стопку листов пергамента на краю стола. — От летописцев на наших кораблях нет никакой тактической пользы. Они не помогают нам на полях сражений Великого крестового похода. Но то, что они делают между битвами, невозможно переоценить. Они ведут учет всех приведенных к Согласию миров. Они восхваляют наши победы и увековечивают память о погибших. Они исследуют вновь обретенные культуры, а ведь это, Гиеракс, плоть от плоти культуры нашего Империиума. Даже мертвые цивилизации являются частью истории. Они продолжают жить и после того, как последний человек рассыплется прахом.

Примарх обернулся к Тоасу. Планета выглядела укутанным мглой коричневатым шаром, но Жиллиман знал, что мир внизу полон жизни. Его атмосфера бурлила от сверкающих рядами молний ураганов. На берегах зеленела растительность. Тоас жил вопреки всем невздам, и даже орочья чума не смогла убить его.

— Орки забрали этот мир у человечества, — возгласил Робаут. — Мы вернем его обратно. И не дадим погибнуть его наследию.

— Но уровни радиации... — начал было Гиеракс.

Жиллиман вскинул руку.

— Я знаю — в районе руин они весьма высоки. Но стоит ли усугублять ситуацию еще больше? Мы пришли сюда, чтобы отвоевать Тоас и построить новую цивилизацию. Безусловно, она превзойдет все, что здесь было раньше, но тем самым мы почтим историю этого мира. — Примарх мягко улыбнулся Гиераксу. — Вы понимаете меня, капитан?

— Так точно, — безжизненным тоном произнес разрушитель.

«Хотелось бы верить в это», — подумал Жиллиман, разочарованный пуще прежнего. Гиеракс всегда был хорошим офицером, но ему мешала собственная ограниченность. Этим он символизировал назревающую в легионе проблему, с которой настала пора разобраться.

— Орден Немезиды готов к развертыванию по первому вашему слову, — доложил Гиеракс.

— Я нисколько не сомневаюсь в Двадцать втором, — цифровое обозначение в устах Жиллимана прозвучало как упрек, — и он будет участвовать в операции.

— Весь? — уточнил Гиеракс.

Примарх вскинул бровь, уловив нотки гнева в этом простом вопросе. Еще одно доказательство необходимости того, что он намеревался сделать. Он понял, что не зря пригласил сюда Гиеракса. Слова капитана лишней раз убедили Робаута в правильности его решения.

— Нет, — сообщил он, — не весь. В некоторых мерах нет необходимости.

Губы Гиеракса сжались.

— Всему должно быть верное место и время, — объяснил Жиллиман. — Сейчас момент неподходящий.

Гиеракс молча склонил голову, а примарх обратился к магистрам орденов:

— Вы все видели данные, собранные разведчиками 166-й и 223-й рот, — особо подчеркнул примарх заслуги воинов Гиеракса; Жиллиман только что сообщил капитану, что тот снова останется в стороне от боя, но хотел, чтобы он знал, насколько ценный вклад внес его орден.

— Высаживаемся на равнину? — спросил Банзор.

Примарх кивнул.

— Есть возражения?

— Никаких. Это хороший плацдарм. Орки занимают позиции выше, но наше появление вынудит их спуститься.

— Наверху для них тупик, — высказался Атрей. — Если мы загоним их обратно, им конец.

— Отступая, они не смогут оказать серьезного сопротивления, — задумчиво произнес Клорд Эмпион, командир Девятого ордена.

— Все зависит от того, решатся ли орки покинуть руины, — заметил Банзор.

— А когда зеленокожие упускали возможность хорошенько подраться? — риторически спросил Марий Гейдж.

— Ваша правда, — признал Банзор.

— А что если руины так важны для орков, что они решат держать оборону? — предположил Варед из Одиннадцатого.

— Маловероятно, — сказал Жиллиман. — Для орков это что-то неслыханное.

— «Неслыханное, невиданное, беспрецедентное, — подал голос Нас, цитируя “Аксиомы”, главу 17.vi, — все это способствует приспособляемости. Не надейся предугадать все неожиданности, но всегда будь к ним готов».

От дерзости собрата Гиеракс помрачнел еще больше, Гейдж изумленно вскинул бровь, а вот Жиллиман расплылся в широкой улыбке:

— Читаете мои мысли, капитан.

Он закончил инструктаж спустя несколько минут. Цели и стратегия были предельно ясны. Будущая атака не требовала большой точности или тонкой хитрости. Лев Эль’Джонсон или Фулгрим наверняка сочли бы ее пустой глупой затеей. Ангрон бы, наоборот, обрадовался грубой прямолинейности, хотя решение захватить и сберечь руины ему явно не пришлось бы по душе. Однако и специфика врага, и стоящая перед Ультрамаринами цель — все диктовало именно такую стратегию.

«Разница между доктриной и догмой — это пропасть между триумфом и поражением».

— Эвидо, — Жиллиман окликнул Банзора, когда магистры и капитаны уже выходили из покоев. — Будь добр, на пару слов.

Банзор вернулся и встал перед столом примарха. Гейдж остался на месте в сторонке, у кристалфлексовой стены. Жиллиман поведал ему лишь некоторые детали плана, и просьба к магистру Шестнадцатого ордена задержаться не на шутку насторожила Мария. Эвидо же выглядел просто озадаченным.

Когда двери захлопнулись, Робаут перешел сразу к делу.

— Что ты думаешь о капитане Иасе?

— В каком смысле?

— В общем. И, в частности, о его лидерских качествах.

— Умелый воин. Превосходный лидер.

— Его люди верны ему?

— Безусловно. Он не просто ведет солдат в бой. В свое время Иас успел поработать с каждым отделением роты, благодаря чему прекрасно знает, как они действуют и на что способны.

— Стало быть, в его вылазке с разведчиками не было ничего необычного?

— Именно так.

— Значит, он умеет приспосабливаться.

— И весьма успешно.

— А что насчет общего командования ротой? Я ценю умение работать с отделениями, но капитан не может просто играть роль гибкого и покладистого сержанта.

— Вам не о чем беспокоиться, примарх. 166-ю роту под его началом можно ставить всем в пример.

— Рад это слышать. Благодарю тебя, Эвидо.

Все еще недоумевающий Банзор удалился. У него были вопросы, но он не стал задавать их. Жиллиман еще не принял окончательного решения, а потому ему было нечего ответить магистру.

Примарх подошел к своему креслу за столом и взглянул на Гейджа. Оторопь уже спала с магистра-примуса. «Он догадался», — промелькнуло в голове Жиллимана. Впрочем, сейчас обсуждать свои соображения с Марием он не собирался. Для начала хотелось поразмыслить в одиночестве.

Гейдж хорошо знал своего примарха и все понимал, а потому поднял другую тему:

— Эти руины на Тоасе... Разве они действительно так важны?

— Ты считаешь, мне следует спустить Гиеракса с поводка.

Магистр-примус пожал плечами:

— За всю кампанию разрушители ни разу не ступали на поле боя.

— Обстоятельства не требовали их участия. Не такую войну мы ведем.

Гейдж на мгновение задумался.

— А будем ли когда-нибудь?

— При нынешнем составе рот, надеюсь, нет.

— При нынешнем составе? — переспросил Гейдж, но Жиллиман только отмахнулся.

— Позже. Отвечая на твой первый вопрос: да, руины действительно так важны.

— Почему?

— Из-за их символизма. Тоас станет кульминацией всей войны. Здесь мы окончательно разобьем империю орков. Освободим мир, который доподлинно в прошлом принадлежал людям. Еще один осколок вернется в лоно Империиума.

— От состояния планеты это не зависит.

Жиллиман искоса посмотрел на ветерана.

— С каких пор ты так рьяно защищаешь разрушителей и их методы?

— Я просто считаю, что нам не следует сбрасывать Гиеракса и его воинов со счетов.

— Я и не сбрасываю, но поступиться важностью символизма этих руин тоже не могу — сразу по двум причинам. Мы не разрушители, Марий. Отец не для того создавал нас. Я считаю важным сохранить город, пусть даже и вымерший. Особенно теперь.

— Когда один мы уже уничтожили, — после секундной паузы сказал Гейдж.

— Именно, — отозвался Жиллиман. — Потому что один мы уже уничтожили.

Монархия. Гордость Лоргара. Город, воздвигнутый ради восхваления Императора.

Город, разрушенный из-за обожествления Императора. Прекрасная обитель подлинных шедевров архитектурного искусства. Жемчужина Кхура, на которую покусился XIII легион. Ультрамарины взяли ее под контроль, выгнали людей из своих домов, а затем стерли опустевший город с лица планеты.

Жители Монархии не совершали никаких преступлений. Они всегда оставались верны Императору. «Верны иллюзии», — подумал Робаут. И виновны они были лишь в том, что поверили лжи Лоргара — лжи, в которую он сам свято уверовал. Выражение невообразимой печали и скорби на лице брата-примарха стоявшего перед Императором, до сих пор преследовало Робаута в воспоминаниях. Какая же, должно быть, чудовищная боль для сына — принять наказание от отца за то, что хотел угодить ему.

Ультрамарины уничтожили город и сломили дух его жителей для того, чтобы покарать Лоргара. Чтобы усмирить его гордыню.

В назидание всем.

Символизм.

— Я не перестаю задаваться вопросом, — признался Гейдж, — почему мы?

— Потому что Отец верил, что мы исполним Его приговор именно так, как Он того хотел. Скажи, ты бы доверил это кому-нибудь другому?

Гейдж неохотно покачал головой.

— Ангрону бы понравилось, — добавил Жиллиман. — Мы сделали то, что должны были. Мы действовали точно и беспристрастно. Мой Отец назначил взвешенное наказание.

Марий тяжело вздохнул:

— Когда мы ровняли Монархию с землей, мне так не казалось.

— И никому из нас.

Разрушение чудесного города подкосило Несущих Слово. В том и была цель преподанного им урока, но и XIII легиону он тоже дорого обошелся.

— То, что мы совершили, легло на нас тяжелой ношей. Мы приняли этот удар, потому что так было необходимо и потому что мы могли его вынести. Друг мой, теперь ты видишь, чем Тоас может стать для нас? — Вот он, символизм. Робаут коснулся пальцем инфопланшета и вызвал на экран пикты, которые сняли на поверхности Нас и разведчики 166-й роты. — Это место исполнено величия, Марий. Величия, за которое стоит бороться. Мы вернем этот город, и со временем здесь расцветет новая цивилизация.

— Мы снова станем творцами, — вторил примарху Гейдж.

— Тоас смоеет горечь Монархии с наших языков.

Произнося эти слова, Жиллиман развернулся в кресле и уставился сквозь кристалфлексовую стену на планету внизу. Он смотрел на равнину, куда скоро высадится легион, и не сводил взгляда с точки, где, как он знал, находились руины. Робаут старался думать о тех городах, которым еще только предстоит появиться, а не о тех, которых уже нет. Ничего не получалось. Оба образа кружились в его голове.

И тогда примарх задумался о силе символизма и об уже принятом решении.

Хотя при определенных обстоятельствах возвышение неизбежно, его никогда не следует таковым воспринимать. В противном случае последствия могут быть катастрофическими — предвзятость суждений идет вразрез с необходимостью строгих теоретических обоснований. Предопределенное невозможно оспорить. Таким образом, косные традиции зачастую лишены здравого смысла. В самых запущенных случаях пагубные последствия трудно даже определить, не говоря уже о том, чтобы исправить. Объективная реальность неверно истолковывается, искажается и отрицается. Возвышение всегда должно иметь под собой четкие основания, а его справедливость — представляться неоспоримой. Осознание неизбежности возможно лишь постфактум, при взгляде в прошлое, но никак не в ожидании будущего.

Зависть способна затмить любые принципы. Консул Галлан наглядно это продемонстрировал. По причине амбиций он увидел в моем возвышении знамение неизбежной беды. Будучи представителем старого порядка на Макрагге, он заостенел в своих убеждениях. Ни о каком взаимопонимании не могло идти и речи. Подобные взгляды создают благодатную почву для раскольничества и предательства. Ключом к решению проблемы является создание военной культуры, в которой они немыслимы. При такой культуре воины не просто видят, что награда дается по заслугам, — они принимают этот факт как несомненную истину, настолько же бесспорную, как истина самого Имперума.

*Робаут Жиллиман «Эссе о принципах командования»,
8.17.xxiii*

Хорошо хоть нас предупредили, — сказал Сиррас. — По крайней мере знаем, зачем мы здесь.

Гиеракс фыркнул. Сиррас был прав, но легче от этого не становилось. Шок никак не хотел отступать, чувство унижения все так же острыми иглами бередило душу. Вести ему сообщили несколько часов назад, великодушно избавив от позора быть захваченным врасплох прямо среди церемонии. И за это время рана уже успела нагноиться. Гнев словно оплел его прочным коконом и оскалился ядовитыми клыками.

Шеренги воинов Двадцать второго ордена XIII легиона выстроились по стойке «смирно» в просторном ангаре ударного крейсера «Каваскор». Здесь они ждали прибытия своего нового магистра.

Десять капитанов ордена Немезиды встали в линию перед огромными створками ангара. Гиеракс, служивший дольше остальных, находился в центре. Справа от него стоял Сиррас. Капитан 223-й роты был ветераном многих битв и заслугами практически не уступал Гиераксу, но выглядел при этом моложе на несколько десятилетий. Кожа туго обтягивала его череп, а коротко стриженные волосы были настолько светлыми, что казались почти прозрачными. Место слева от Гиеракса занял Лахес, капитан первой роты

разрушителей, сменивший на этом посту Фалариса, когда того повысили до звания магистра ордена.

— Почему он это делает? — спросил Сиррас; его орлиное лицо вытянулось от злости.

— Потому что такова его воля, — хмуро ответил Гиеракс.

Ему совсем не хотелось сейчас обсуждать чужое повышение. Другие капитаны сохраняли молчание. С того самого момента, как вести долетели до «Каваскора», он так ни с кем из них и не поговорил. Унижение ранило его слишком глубоко, и сейчас он не доверял самому себе, опасаясь, что не сможет сдержать гнев. Бесчестья с него и так хватит.

Взвыли сирены. Двери ангара вот-вот должны были открыться.

«Прибыл наш новый магистр», — подумал Гиеракс и лишь в следующее мгновение понял, что произнес это вслух.

— Им должен быть ты, — заметил Лахес.

«Я тоже так считал», — в этот раз Гиеракс придержал свой язык; он терпеть не мог, когда кто-то выпячивал свою уязвленную гордость, и никогда не позволил бы себе опуститься до такого.

— Им должен быть ты, — эхом отозвался Сиррас.

Створки ангара с грохотом пришли в движение. Пустотные щиты удерживали атмосферу корабля, пока «Громовой ястреб», названный «Копьем Масали», аккуратно заходил на посадку. Основные двигатели машины отключились, а вместо них полыхнули реактивные сопла вертикальной тяги. Окотив палубу потоками пламени, десантно-штурмовой катер мягко коснулся обозначенной площадки и застыл. Рокочущее эхо еще гуляло по ангару, когда опустилась передняя аппарель.

Гиеракс морально подготовился к церемонии. Ни одна мышца не дрогнула на его лице, ни единый звук не сорвался с губ. Но как бы он ни старался держаться достойно, внутри все клокотало. «Им должен быть я». Несколько последних часов он старательно отгонял прочь эту мысль. Именно в ней таились корни сведавшей его боли, и капитан запрещал себе принимать ее. Но она оказалась слишком сильна.

«Им должен быть я. Я горд. Я зол. И я имею на это полное право».

Изнутри «Громового ястреба» послышался звук тяжелых шагов. «Должно быть, это Гейдж, — подумал Гиеракс. — Магистр-примус явился, чтобы лично провести церемонию передачи командования. По своей ли воле? — Капитан надеялся, что нет. — Марий чертовски хорошо знает, какое это оскорбление. Не только для меня, но и для всей роты». В конце концов, Гейдж тоже был родом с Терры и все понимал. Не мог не понимать.

Но первым из пассажирского отсека показался вовсе не Гейдж. Это был Жиллиман. Магистр-примус вышел следом за примархом. Оба остановились у подножия аппарели.

По рядам воинов прокатилась рябь. У Сирраса перехватило дыхание. Возмущение Гиеракса сменилось замешательством. Гнев его никуда не делся. Капитан злился все так же сильно, как и на борту «Чести Макрагга». Но когда перед тобой стоит примарх, и аура его величия наполняет весь ангар, на него злиться невозможно.

Гиеракс чувствовал себя окончательно сбитым с толку. Решение Жиллимана привело капитана в ярость. Но он не мог гневаться, глядя прямо примарху в глаза.

«Он — величайший из нас. Все мы исходим от него».

Такова правда. День, когда он впервые узрел Жиллимана, Гиеракс помнил ярко и отчетливо. Тогда на него словно снизошло величайшее откровение. Когда Император отыскал своего утраченного сына, Гиеракс уже давно сражался в составе XIII легиона.

Десятки лет безупречной службы, отмеченные множеством славных побед... и непонятным, непроходящим чувством внутренней пустоты. И лишь когда Жиллиман предстал перед Ультрамарином, эта пустота исчезла. Гиеракс ощутил небывалую целостность — как в себе самом, так и во всем легионе. Он смотрел на отца и лидера, впервые в жизни по-настоящему осознавая себя Ультрамарином. Жиллиман возвышался над всеми ними. Война заострила его лицо, а цепкий взгляд выдавал пытливый ум. Он явился им живым идолом, принявшим человеческий облик, но воплощавшим в себе нечто несравнимо более великое.

Гиеракс мысленно переживал этот момент каждый раз, когда воочию видел примарха. И вчера, на «Чести Макрагга», и сейчас — снова и снова он испытывал благоговейный трепет, и сердца его наполнялись радостью. Поэтому он не знал, что делать со своим гневом.

Который никак не хотел отпускать его.

— Легионеры Двадцать второго ордена, — заговорил Жиллиман, — вас постигла утрата, но вы стойко продолжаете сражаться.

О, и это тоже правда — только вот с одной поправкой. Не всем из Двадцать второго дозволено воевать так, как они умеют лучше всего. На протяжении большей части кампании разрушители были вынуждены сидеть сложа руки на корабле. Лишь однажды примарх разрешил магистру ордена Фаларису отправить их в бой против окопавшихся орков на бесплодной луне Агригентум V. «Где мы не смогли бы причинить никому вреда», — подумал Гиеракс. Но в целом рота практически не участвовала в боевых действиях и получила статус резервной. Горькая ирония заключалась в том, что Фаларис погиб вовсе не на поле брани. Один из орочьих кораблей — громадина настолько несуразная, что Гиеракс невольно задался вопросом, понимают ли вообще зеленокожие, что такое пустота космоса, — врезался прямо в надстройку «Каваскора». Судно, в котором камня было больше, чем металла, разлетелось на кусочки и буквально разворотило мостик ударного крейсера. Ремонтные работы там не завершились до сих пор. Управление кораблем распределили между вторичными командными постами, расположенными в разных отсеках. При столкновении экипаж понес большие потери. Вместе с дежурившими на мостике в тот момент смертными офицерами погибло еще четыре капитана. Среди них был и Фаларис.

Как старший офицер Гиеракс курировал назначения новых капитанов. Фактически на его плечи легли обязанности командира ордена. До него старшим капитаном был Фаларис, который впоследствии стал магистром. Процесс передачи мантии лидерства в Двадцать втором давно стал традицией, и она еще ни разу не навредила ордену. Воинов связывали тесные узы братства. Они видели особый смысл в самобытности и даже отчужденности своего ордена, и это помогало им стойко сносить чувство бессилия, порожденное вынужденным бездействием.

А теперь традиция была нарушена — грубо и бесцеремонно.

— Сила Тринадцатого легиона есть сила его воинов, — продолжал Жиллиман, — всех и каждого. Вместе мы больше, чем просто армия. Мы — единое целое, которое зависит от каждого отдельного элемента, но превосходит всех нас без исключения. — Примарх выдержал паузу, а затем повторил: — Без исключения.

У Гейджа дернулся левый глаз — мимолетное движение, но Гиеракс его заметил. Первого магистра что-то не на шутку тревожило.

«Ты не хуже нас знаешь, кто теперь магистр. Что же тебя так удивило? Что еще ты услышал за словами примарха?»

— Вы все знаете принципы и правила, которым я учил вас, — напутствовал

Жиллиман. — Естественно, с течением времени они преобразуются. Война изменчива, и мы должны уметь подстраиваться под ее реалии. Теория, опирающаяся лишь на слепую уверенность и не прошедшая проверку, бесполезна. Практика, ставшая ритуалом и существующая лишь по привычке, ничего не стоит.

«Так вот в чем дело, — понял Гиеракс. Примарх решил преподать ордену урок. — Но почему тогда это больше похоже на наказание? Разве мало их мы уже вынесли?»

— Наш легион умеет приспосабливаться. Так было и так должно быть всегда. Эта истина лежит в основе любой теории и практики. Мы должны претворять в жизнь то, во что верим, иначе эта вера ничего не значит. Любой изъясн может привести к справедливому поражению.

Жиллиман вновь умолк и осмотрел собравшийся орден. Гиеракс почувствовал на себе его взгляд. «Он видит всех нас насквозь». Нет, это невозможно. «Нас здесь так много, а он один...» И тем не менее Гиеракс не сомневался. «Он видит нас. Он знает нас».

«Но если он знает нас, — возник вопрос, нахлынули сомнения, — то зачем он это делает?»

«Он только что сказал, — ответил себе Гиеракс. — Он хочет, чтобы мы поняли».

«А я не хочу понимать. Не могу».

— Легионеры Двадцать второго ордена, — объявил Жиллиман, — поприветствуйте вашего нового магистра.

Изнутри десантного катера вновь послышались шаги. Примарх развернулся, встречая выходящего воина.

— Магистр Элеон Иас, добро пожаловать!

Доспех Иаса выглядел великолепно. Отполированный керамит блестел в свете ангарных ламп синевой первозданной чистоты. Взгляд Гиеракса зацепился за свежую эмблему на правом наплечнике — крылатый череп с литерами «XXII» порядкового номера ордена. Вид символики закрепил новое положение вещей даже сильнее слов Жиллимана. Приговор вынесен окончательный и бесповоротный.

Все как один легионеры отдали честь Иасу. Тот в ответ ударил кулаком по своему нагруднику.

На несколько невыносимо долгих секунд воцарилась безмолвная неподвижность. Все необходимые жесты уже были сделаны. Со своего места Гиеракс наблюдал немую сцену: Нас стоит перед десантной рампой катера и смотрит в лица своих капитанов, по бокам от него — примарх и магистр-примус. Шеренги боевых братьев завершали композицию.

«Славься, Двадцать второй, — горько подумал Гиеракс. — Былой орден дожил свои последние мгновения. Наступает время перемен. Узнаю ли я то, во что он превратится?»

— Выглядишь похуже Гиеракса, — заметил Жиллиман.

«Копье Масали» взял курс на «Честь Макрагга». Гейдж наблюдал в иллюминатор, как по мере удаления «Каваскор» уменьшается в размерах, но при словах примарха обернулся. Робаут смотрел на него с легким удивлением.

Марий не разделял его позитивный настрой.

— Я просто обеспокоен, — сказал магистр-примус. — А вот Гиеракс действительно всерьез раздосадован, и не он один.

— Я знал, что так будет, хоть и надеялся на иной исход. — Жиллиман едва заметно сощурился, и его взгляд, словно идеально точный лазер, прожег саму душу Гейджа. — Но ты

не ждешь, что я изменю свое решение.

— Разумеется, не жду.

— Но...

Гейдж сомневался, стоит ли ему поднимать эту тему. О том, что примарх избрал Иаса новым магистром ордена, он не знал до самого отбытия на «Каваскор». Жиллиман четко дал понять, что по этому вопросу в советах не нуждается, но сейчас сам просил Мария поделиться соображениями.

«Слишком поздно что-то менять, — пронеслось в голове магистра. — Тогда ради чего все это?»

Должно быть, ради лучшего понимания. Примарх всегда отличался неумной тягой к информации. Ему все время хотелось узнавать что-то новое, и неважно, до сражения, во время или после. В голове он постоянно жонглировал сведениями, сопоставляя их, уточняя, складывая в логические цепочки. Что ж, быть посему. Гейдж расскажет ему все, о чем думает. Повышение Иаса неминуемо приведет к серьезным последствиям. И если их уже невозможно предотвратить, то стоит хотя бы обсудить.

— Вы обдумали то, как скажется на ордене выбор Иаса вместо Гиеракса?

— Что заставляет тебя сомневаться в этом? — Марий промолчал, и тогда Жиллиман уточнил: — Тот факт, что я вообще принял это решение?

Гейдж задумался над ответом.

— Двадцать второй отличается весьма... нестандартным характером.

— Мягко говоря.

— Я не имею в виду состав подразделений. — Хотя это тоже служило немаловажной частью его индивидуальности. Двадцать второй всегда был мешаниной из узкоспециализированных рот. В других орденах отделения разрушителей были редкостью, Немезида же насчитывала две полных роты. — Я говорю об их самоопределении и традициях.

— Как и я. Продолжай, Марий. Я слушаю.

— По сравнению с большинством орденов в составе Двадцать второго довольно высокая доля терран. Меньше, чем раньше, но их влияние по-прежнему очень велико.

— Не спорю.

— Причем именно терране занимают все основные офицерские посты.

— Даже выходцы из Ультрамара переняли их культуру, хотя обычно бывало наоборот.

— Да.

Гейдж никак не мог взять в толк, почему Робаут подталкивает его говорить то, что и так хорошо известно. Станным образом ему казалось, что это он, а не Жиллиман должен вынести для себя что-то новое из этого разговора.

— И? — уточнил примарх.

— До сегодняшнего дня преемником павшего магистра всегда становился старший капитан.

— Это так.

— Подобный механизм распространен и в других орденах, — добавил Гейдж.

— Совершенно верно. И ты ждешь определенных последствий.

— Да, жду. Теоретически — отказ от сложившейся практики может быть расценен как целенаправленный удар по Двадцать второму.

— Потому что такая практика распространена повсеместно?

— Так точно.

— Продолжай.

— Иас мало того что не старший капитан — он даже не член Двадцать второго ордена.

Теоретически — его повышение в лучшем случае будет воспринято как личное оскорбление. Опять же теоретически — недовольство самим фактом его командования может привести к серьезным последствиям на поле боя.

Жиллиман заинтересовался.

— Объяснись, магистр-примус.

— Снижение эффективности. Сомнения в приказах на всех звеньях цепи командования.

Ничего большего Гейдж и не предполагал. Худшие проявления неподчинения он придержал при себе, сочтя их выходящими за рамки любых допущений.

Жиллиман кивнул:

— Не стану спорить — все это весьма вероятно.

— Тогда зачем?..

— Затем, что все твои выводы верны. Двадцать второй обособлен от других орденов. В его характере доминируют терранские черты, а уклад во многом определяется внутренними традициями.

Слова примарха несколько озадачили Гейджа.

— Но его эффективность на поле боя никогда не ставилась под сомнение.

— Нет. Пока что.

— Я все еще не понимаю.

— Культура Двадцать второго складывалась под сильным влиянием терран, и в первую очередь это влияние исходило от разрушителей.

Жиллиман не скрывал свою неприязнь к их тактике. Впрочем, распускать их он тоже не торопился.

— Мы никогда не исключали разрушителей из тактических схем легиона.

— И не будем. Однако я считаю необходимым ослабить их влияние на другие подразделения. «Немезида»... — Лицо примарха перекосило. — Мы не Двенадцатый легион, Марий. Когда целый орден берет себе такое имя, это заставляет задуматься. Мы ведем Великий крестовый поход ради просвещения, освобождения и возвращения того, что было утрачено. Я стремлюсь чтить моего Отца созиданием, а не разрушением. — Он указал на иллюминатор сбоку от себя, сквозь который струился отраженный свет Тоаса. — Истребление орков — лишь средство, но не конечная цель. «Немезида»... Это слово чуждо творению.

— Вы хотите запретить это имя?

Жиллиман покачал головой:

— В этом нет необходимости.

Гейдж постепенно начинал понимать смысл повышения Иаса.

— Теоретически — кратковременный период разлада, вызванный нарушением привычных традиций, в результате внутреннего саморегулирования может привести к долгосрочной стабильности.

На лице примарха засияла улыбка:

— Именно.

— Практически — для достижения такого результата необходимо назначение лидером чужака. Вынужденная адаптация обеспечит необходимые перемены в культуре.

— Да, — согласился Жиллиман. — Я не собираюсь еще больше изолировать Двадцать второй орден. Наоборот, хочу в полной мере приобщить его к культуре всего легиона. Но это процесс не безболезненный.

Гейдж глубоко задумался. «Определенно так». Он открыл было рот, чтобы ответить, но в последний момент одернул себя.

Это не укрылось от Жиллимана.

— Мои слова тебя так и не убедили.

Магистр-примус действительно колебался. Его беспокоил как раз этот «кратковременный период разлада». Ведь неизвестно, насколько долгим он окажется в действительности, как аукнется на поле боя и в какие долгосрочные проблемы может вылиться. Недавняя практика наталкивала на пугающую теорию.

— Идея в том, Марий, что я доверяю капитану Гиераксу и его братьям. Возможно, даже больше, чем они доверяют сами себе.

— Понимаю, — уклончиво ответил Гейдж, но затем вдруг передумал. — Именно это меня и волнует. Если им не хватает веры в себя, то как быть дальше?

Жиллиман нахмурился и посмотрел на Гейджа так, словно тот нес какой-то невероятный бред.

— В этом, — наконец сказал он, — и кроется разница между теорией и пустыми домыслами.

До начала мобилизации оставались считанные часы. Армада Ультрамаринов заняла окончательную позицию, и корабли уже приступили к высадке десанта. В ближайшее время оркам предстоит показать, насколько сильна их власть на Тоасе. Гиеракс буквально кожей ощущал ту нарастающую энергию, что заполняла пустоту космоса, простираясь от одного судна к другому. Приближался кульминационный момент всей войны. И капитан знал, что будет наблюдать его с орбиты.

Он отогнал эту мысль прочь. Слишком много осколков гнева вихрем кружили в его голове, впиваясь в мозг и вырываясь на волю. Допустить этого он не мог. Только не сейчас, когда ему предстоял разговор с новым магистром ордена.

После смерти Фалариса его каюта оставалась пустой. Теперь Гиеракс радовался этому. Несмотря на укоренившуюся в рядах Двадцать второго уверенность, что именно он станет преемником Махона, традиции и элементарное приличие требовали не занимать покои магистра до официального назначения. В итоге это спасло его от пущего унижения и необходимости освобождать не доставшееся ему помещение.

Но в одном Гиеракс не мог упрекнуть Иаса — новый магистр ордена уважал принципы старшинства и из всех капитанов первым захотел встретиться именно с ним. Командир разрушителей подозревал, что сначала Иас пожелает видеть уроженца Макрагга Лобона, но когда этого не произошло, собственная мелочность привела Гиеракса в ярость. При этом самого Лобона повышение Иаса злило ничуть не меньше Сирраса.

Гиеракс остановился у железных дверей в покои магистра ордена и постучал. Створки разъехались в стороны, скрывшись в каменной стене коридора. После апартаментов Жиллимана на «Чести Макрагга» открывшееся помещение показалось капитану темным и давящим. Примерно половину дальней стены занимало круглое кристалфлексовое окно в пустоту космоса. Люменополосы вдоль линий стыка стен с высоким потолком были приглушены, отчего единственным источником света служил шар над рабочим местом

хозяйина каюты.

Иас поднялся из-за стола и улыбнулся вошедшему Гиераксу.

— Спасибо, что пришли, капитан, — поприветствовал он.

Гиеракс ответил бодрым кивком.

— Это честь для меня.

Он не ожидал, что Иас поверит в искренность этих слов, но и не позволил горечи повлиять на тон. Ни единым словом, ни единым жестом он не выразит даже намека на неподчинение.

А вот за улыбкой Иаса чувствовалась боль.

— Нет. Скорее это честь для меня. — Магистр жестом указал на железное с деревянными вставками кресло перед собой: — Присаживайтесь, капитан. Нам многое следует обсудить.

Гиеракс кивнул повторно, принимая приглашение. Магистр ордена тоже присел. Оба смотрел друг на друга через стол. Капитан в прошлом уже встречал Иаса на поле боя, но всего пару раз и то мимоходом. Тогда он не придал этому особого значения, хотя репутация Иаса была ему хорошо известна. Поговаривали, что капитан 166-й роты старался воевать вместе с каждым из подчиненных ему отделений. Гиеракс признавал потенциальную стратегическую ценность подобного метода. Глубокое знание особенностей каждого отделения способствует более эффективным действиям в целом. Но сегодня методы Иаса больше не виделись ему в столь выгодном свете.

«Если ты думаешь таким же образом втереться в доверие к Двадцать второму ордену — что ж, удачи. Нас так легко не пронять».

Магистр взял слово:

— Полагаю, вы ожидали, что окажетесь на моем месте.

— Я не жду ничего, кроме службы, — процедил Гиеракс сквозь крепко сжатые зубы.

Взгляд Иаса похолодел.

— Такой ответ я не приму.

Гиеракс злобно сверкнул глазами. Он был на несколько десятилетий старше магистра ордена. А сколько битв повидал, о которых этот чужак только слышал? Уж точно немало. Что важнее всего, Нас не прошел через катаклизм на Осирисе и не мог себе даже представить, каково это, когда четверть флота гибнет в одной-единственной битве.

«Рядом со мной ты — пустое место, — промелькнуло в мозгу Гиеракса. — Как ты смеешь мне указывать?»

«Он теперь магистр ордена», — напомнил капитан себе.

— Скажу по-другому, — умерив пыл, сказал он. — Я не был уверен в моем повышении, но существующие традиции позволяли предположить такой исход.

— О, я понимаю. В свою очередь, вам следует понимать, что я тоже не ожидал оказаться здесь. Я не рвался в этот кабинет, капитан Гиеракс. Поверьте, у меня не было никакого желания покинуть свой орден, свою роту и занимать место, которое, не побоюсь этого слова, было предопределено для вас.

— Нисколько не сомневаюсь, — отозвался Гиеракс. И не солгал. Его возмущало само присутствие Иаса в этой каюте, но он не завидовал доле новоявленного магистра.

— Хорошо. По крайней мере этот момент мы с вами понимаем одинаково. Неплохое начало.

«Оптимист», — промелькнуло в голове Гиеракса.

— Я прекрасно осознаю ситуацию, в которой все мы оказались. Назначение магистром человека, прежде не служившего в ордене, — событие неординарное.

— Я бы сказал, уникальное, — заметил капитан.

— А характер Двадцать второго делает его вдвойне сомнительным.

— Согласен.

— Тогда, думаю, вы согласитесь и с тем, что примарх никогда ничего не делает по сиюминутной прихоти.

— Вы правы, — кивнул Гиеракс.

Собственные слова казались ему дикими, и он никак не мог себя заставить до конца поверить в них. В любом случае перспективы маячили тревожные. Если предположить, что Иас говорит правду, то за решением Жиллимана кроются более глубокие замыслы насчет «Немезиды». И последствия могут выходить далеко за рамки уязвленной гордости ордена и трений, вызванных назначением чужака на пост командира. Иас не разделял традиции Двадцать второго. Даже если он знал о них, у него нет никаких причин им следовать. Более того, он может начать открыто противиться им. Под его командованием грянут большие перемены. Если примарх все это предусмотрел, значит, Иас должен, сознательно либо неосознанно, положить конец тому ордену, каким он был с самого основания.

А если нет...

Гиеракс резко оборвал свои рассуждения. Они граничили с абсурдом и таили в себе опасность. Капитан допускал, что Жиллиман может ошибаться, но ни за что бы не поверил, что примарх стал бы действовать настолько слепо.

— Думаю, пока что мы друг друга понимаем, — сказал Иас. — Но позвольте мне прояснить кое-что еще. Я не питаю иллюзий относительно моего места в ордене. Я знаю, что мне здесь не рады. Но также я знаю, что меня назначили сюда не просто так, и вы должны понимать, что свой долг я намерен исполнять со всей ответственностью. Я глубоко уважаю воинов Двадцать второго ордена и их достижения, но и жду такого же ответного уважения — если не ко мне лично, то хотя бы к власти, которую предполагает мое звание.

— Безусловно.

— Значим, мы договорились?

— О чем?

— О том, что нужно сделать. Как бы орден ко мне ни относился, я буду требовать должной дисциплины, и в первую очередь блюсти ее обязаны капитаны. Особенно вы, как старший капитан.

Гиераксу снова пришлось давить рвущийся на волю гнев, изображая при этом молчаливую невозмутимость.

— Свой долг я знаю не хуже вас, — наконец сказал он. — Я не давал вам поводов усомниться в моей приверженности нашему делу.

— Мои слова задели вас.

Гиеракс молча выдержал взгляд Иаса.

— Я не хотел оскорбить вас и не намереваюсь делать это впредь, — нарушил повисшую тишину магистр.

У Гиеракса едва заметно дернулся уголок глаза. Явственно прозвучавшие из уст Иаса подозрения в пренебрежении капитаном своими первостепенными обязанностями раскаленными углями засели внутри. От злости кровь гулко стучала в висках.

— Но, — продолжил Иас, — я считаю необходимой предельную ясность в этом

вопросе. У Двадцать второго ордена долгая и славная история. Он лишился великолепного лидера в лице Махона Фалариса, и я сделаю все от меня зависящее, чтобы сохранить и преумножить его наследие. Но в этом мне понадобится ваша помощь, капитан Гиеракс.

— Все ваши приказы будут исполняться беспрекословно.

Произносить подобные слова казалось пустым сотрясанием воздуха. Этот Иас вообще в своем уме? Он что, всерьез думает, что воины Двадцать второго способны на неповиновение?

«Во всяком случае, открытое, — поймал себя на неожиданной мысли Гиеракс. — Но более тонкое? Ненавязчивое? Возможно, неосознанное? Мало ли способов насолить непопулярному офицеру?»

Нас кивнул, явно довольный услышанным:

— Я вам искренне верю. Думаю, в будущем нам стоит общаться почаще. И посвободнее.

— Я в вашем полном распоряжении, магистр. — Немногое в мире было Гиераксу так же противно, как эта простая фраза.

— Благодарю вас, капитан.

Гиеракс воспринял слова магистра как сигнал к окончанию разговора и поднялся. Сам Нас выглядел так, словно еще не все сказал, но решил до поры придержать язык, и лишь кивнул командиру разрушителей. Гиеракс вышел из каюты, из последних сил сдерживая злобу. С металлическим скрежетом двери захлопнулись за его спиной. Ярость темной пеленой застила глаза. Он не заметил идущего ему навстречу Сирраса и вздрогнул, когда второй капитан остановился.

— Ну? — не размениваясь на приветствия, спросил Сиррас. — Чего нам ждать?

Гиеракс усилием воли заставил себя хотя бы на время забыть о былых унижениях и будущих увечьях ордена, сосредоточившись на настоящем.

— Именно того, о чем ты думаешь, — сообщил он.

Сиррас состроил кислую гримасу:

— Стало быть, он собирается переделать нас на свой лад.

— И, несомненно, скажет при этом, что таково видение примарха.

Сиррас презрительно фыркнул:

— Он слишком много на себя берет.

— Разве?

— Поясни.

— Его назначили на эту должность не просто так.

— Нет.

— Значит, идея нашей реорганизации исходит от примарха.

Хмурый Сиррас с задумчивым лицом уставился за спину Гиераксу.

— Некоторых перемен не избежать, — признал капитан. — Но вряд ли они будут масштабными, — он моргнул и вновь посмотрел на Гиеракса. — По-твоему, Нас пойдет на это?

— Возможно, неосознанно. Не думаю, что он до конца понимает, как сильно вмешивается в нашу культуру. Он попирает традиции, о которых даже не догадывается.

— Если он о них не узнает, — уже мягче сказал Сиррас, — то у него не будет причин уничтожать их.

— В смысле — «если он о них не узнает»?

— Наши традиции достойны спасения, брат. Лобон со мной согласен.

«Наши традиции», — единогласно заявляли Лобон с Макрагга и родившийся на Терре Сиррас. Все они принадлежали к ордену Немезиды, а их прошлое утратило всякое значение. Разве не этого Жиллиман хотел для Ультрамаринов? Разве не пытался он добиться верности воинскому братству, которая вытесняла бы привязанность к какому-то одному миру? «Мы те, кем должны быть, — подумал Гиеракс. — Зачем менять это?»

Он не собирался спорить с братом. Да и не мог бы. Традиции надлежит беречь. Но все равно яростный запал в голосе и то, как тихо Сиррас говорил, всколыхнули внутри Гиеракса беспокойство.

— Что ты предлагаешь?

Сиррас нахмурился, озадаченный настороженностью капитана разрушителей, а затем вдруг широко распахнул глаза.

— О чем ты подумал? — теперь и в его голосе зазвучала тревога; шептать он больше не пытался.

— Я не знаю. Честно.

— Я без колебаний исполню любой приказ нашего магистра.

— Как и я.

— Но одновременно с тем буду противиться любым попыткам развалить орден изнутри.

— Как?

— Если потребуется, мы найдем способ, — заявил Сиррас. — Будем бороться с проблемами по мере их поступления.

— Сопrotивление переменам равносильно сопротивлению лично Иасу. Если до этого дойдет...

— Не дойдет.

Гиеракс не разделял слепую уверенность собрата-капитана. Сиррас никак не мог предугадать, с какими сложностями им, возможно, придется столкнуться.

— Нас будет напорист.

— Мы убедим его не усердствовать.

— Неужели?

— Так или иначе. — Сиррас поднял руку, ожидая возражений от Гиеракса. — Я сказал, что никогда не ослушаюсь его приказов. Ты меня знаешь, брат.

— Да, — согласился Гиеракс, — знаю.

Но что тогда задумал Сиррас? Каким-то образом подорвать авторитет Иаса? Выставить его командование настолько неприемлемым, что Жиллиману придется снять магистра с должности? Гиеракс разрывался от неопределенности. Между ним и Иасом нет ничего общего, это уже понятно. И все же ему претила любая мысль о том, чтобы дать отпор магистру ордена.

— Нам придется найти способ убедить примарха в ценности того, что мы олицетворяем.

— Показательное представление? — Сирраса, похоже, слова брата не убедили.

Гиеракс тяжело вздохнул. Его самого снедала злость, от которой плечи словно налились холодным металлом. От легионера, сидевшего за столом по другую сторону железных дверей, он тоже не ощутил ни толики встречного тепла. Но даже намеки на возможное неподчинение он ненавидел еще больше.

— Думаешь, он сам не догадывается, что в ордене думают о нем? — спросил Гиеракс.

— Он не идиот. Его репутация говорит сама за себя.

— Вот именно, — Гиеракс развернулся. — Он ждет тебя.

Сиррас не шелохнулся.

— Так на чем мы остановимся?

— Мы — капитаны Двадцать второго ордена, и мы не посраим свое звание.

И с этими словами Гиеракс ушел — прежде чем Сиррас успел что-либо ответить.

— Культура — явление живое, — сказал Гейджу Жиллиман.

К этому моменту они уже вернулись на «Честь Макрагга». За остаток обратного пути Марий не проронил ни слова, и Робаут решил попробовать еще раз вызвать его на разговор. Он хотел, чтобы Гейдж понял еще кое-что, и обеспокоенность магистра вопросами преемственности и традиций делала этот момент самым подходящим.

Два воина шагали в сторону мостика. Последние приготовления к наступлению начнутся в течение ближайшего часа. Но, не доходя до коридора, ведущего прямоком в командный центр, Жиллиман свернул к своим покоям.

— С одной стороны, — на ходу продолжил он, — культуру создают люди. С другой — она определяет их жизни. Таким образом, реальность культуры выходит за рамки отдельной группы индивидуумов.

— Да, — коротко буркнул Гейдж.

— «Да»? И это все? Неужели я настолько тебе докучаю, Марий?

— Вы подводите все к конкретному выводу, — ответил Гейдж. — Я уступаю вам право сделать его самому.

Примарх кашлянул.

— Деликатность — не твоя сильная черта, магистр-примус.

— А я никогда и не утверждал обратного.

— Тоже верно. Итак, мы подошли к трансцендентности культуры, — многозначительно поднял палец Робаут. — Жизнеспособной культуры.

— Да.

Жиллиман почувствовал, как уголки его губ непроизвольно ползут вверх.

— А любая устойчивая культура как единое целое важнее отдельного ее компонента либо носителя.

— Вот оно что, — в голосе Гейджа звучали тревожные нотки.

— Теперь ты видишь, к чему я клоню?

— Думаю, да.

Они дошли до каюты примарха. Робаут пригласил магистра внутрь.

— Я хочу, чтобы ты взглянул на кое-какие из моих документов.

— Зачем?

Жиллиман остановился у своего рабочего стола и медленно обернулся.

— Потому что я так хочу.

Услышав это, Гейдж встрепенулся, вытянулся и отсалютовал.

— Прошу меня простить, — отчеканил он. — Я не...

Жиллиман лишь молча махнул рукой и, взяв со стола один из инфопланшетов, протянул его Гейджу. Но прежде чем отдать устройство легионеру, он спросил:

— Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Кажется, понимаю.

— Империиум в сути своей — целая культура. Этот посыл лежит в основе всего, что

сотворил мой Отец.

Гейдж решительно кивнул. Его больше не нужно было ни в чем убеждать.

— То, что он сделал для Империи, я пытаюсь сделать для Тринадцатого легиона.

— Вы уже это сделали, — заверил Гейдж.

— Я не закончил, — возразил Жиллиман. — Впереди еще много работы. Например, Двадцать второй орден.

— Но вы никогда не настаивали на абсолютном единообразии всех орденов.

— Нет, и не буду. Полное единообразие плохо характеризует культуру. Это прерогатива машин. Но я хочу видеть в легионе слаженность. Слаженность и единство. Непредвиденные обстоятельства на войне могут обернуться катастрофой. Теория требует в любой момент быть готовыми к самому худшему — например, к гибели целого ордена. Практические же нужды диктуют порядок, при котором другой орден может заменить собой павший. Весь легион должен быть связан единством мастерства, тактики и мышления.

— Согласен, — признал Гейдж.

— Теоретически — культурная целостность легиона должна — и будет — превалировать над любым его отдельным элементом. Любым! — Примарх наконец отдал планшет Гейджу. — А вот это должно обеспечить соответствующую практику.

Магистр принял устройство и пробежал глазами по заголовкам документов на экране.

— Труд еще не закончен, — пояснил Жиллиман. — Я продолжу его дорабатывать. Но ключевые принципы здесь уже обозначены. Я хочу, чтобы ты обдумал их и поделился с магистрами других орденов.

Не отрывая взгляда от экрана, Гейдж ткнул пальцем в один из документов. Чем дальше он читал, тем бледнее становилось его лицо.

— То, что вы описываете... — заговорил было он, едва не сорвавшись на гортанный хрип.

— Ничего нельзя исключать, — сказал Жиллиман. — Если я буду отмечать что-то как невозможное, то предам свою миссию.

— Но...

— Ультрамарины значимее любого из нас. Включая меня.

Гейдж яростно замотал головой.

— Вот как? Разве Тринадцатый легион не существовал и до того, как Отец нашел меня?

— Не в полной мере, — возразил Гейдж. — Мы лишь так думали. Но теперь, когда мы знаем, кто мы на самом деле...

— И вы всегда будете это знать, — закончил за него Робаут. И улыбнулся. — Клянусь. Я не собираюсь умирать, Марий. Мне еще слишком многое предстоит сделать.

— Нет! — Гейдж держал планшет на вытянутой руке, словно что-то заразное. — Нет!

— Любую возможность следует принимать во внимание, — мягко сказал ему Жиллиман. — Поступать иначе равносильно предательству.

— А как насчет Императора?

Примарх едва не расхохотался от абсурдности вопроса. Гейдж задел сильнее, чем он предполагал. Робаут терпеливо ждал, пока магистр-примус осознает, что только что спросил.

Наконец Марий опустил руку и, потупив взгляд, молча уставился на инфопланшет.

— Культура Ультрамаринов должна быть такой же живой, как и культура всего Империи, — сказал Жиллиман. — Она должна служить основой силы каждого легионера.

живительной эссенцией каждого отделения, роты и ордена.

— Вы понимаете, о чем просите нас? — спросил Гейдж.

Жиллиман нахмурился:

— Мне казалось, я пытаюсь тебе все объяснить.

— Осирис, — бросил Гейдж. — Потери там едва не вырвали сердце нашему легиону.

— Я знаю.

Гейдж нервно тряхнул в руке планшет.

— То, что вы здесь описываете, бесконечно хуже случившегося на Септусе XII. Когда псибриды убили лорда-командующего Восотона, легион остался обезглавленным. Как те из нас, кто прошел через этот кошмар, могут даже помыслить о его повторении? А ведь Восотон был нашим лидером, но не нашим примархом. Мы тогда даже не знали, что вы у нас есть. И те братья, что присоединились к нам после, не имеют ни малейшего понятия, что для нас значило пережить Осирис. Мы не можем вновь испытать ту боль. Ни за что.

— Ты нрав, — сказал Жиллиман. — Ни за что. Как ты думаешь, почему мы с тобой сейчас говорим о нашей культуре? Я не пытаюсь как-то помучить вас, но не могу гарантировать, что всегда буду рядом. Я никогда не отступлюсь от своего долга перед легионом и моим Отцом, однако жизнь непредсказуема, и никогда не знаешь, в какой момент она может оборваться. Но я сделаю все, что в моих силах, чтобы легион Ультрамаринов жил вечно. Вы — мои сыновья. Моя плоть и кровь. Вы — сущность и дух легиона.

Примарх обвел рукой свои покои, разложенные на рабочем столе рукописи и многотомные собрания сочинений, расставленные в строгом порядке в высоких книжных шкафах, примыкавших к стене из кристалфлекса.

— Даже если мне не дано жить вечно, я навсегда останусь в этих записях. В мыслях, что изложены на этих страницах. Это не просто мое наследие. Все это — я сам. — Он шагнул навстречу Гейджу. — Я изваяю Ультрамаринов такими, какими они должны быть. Мой долг — обеспечить будущее легиона. А долг превыше всех нас, Марий.

Робаут выдержал паузу, пытаясь понять, какой эффект на Гейджа произвели его слова. Магистр-примус медленно кивал, но мрачная тень все еще не сходила с его лица.

«Хорошо, — подумал Жиллиман. — Он понимает».

— По сути, я прошу тебя о том же, чего сегодня требовал от Иаса и Двадцать второго. Новый магистр направит орден в новое русло, сделает его полноценным носителем культуры нашего легиона. А это, — Робаут указал на планшет в руке Гейджа, — обеспечит ее преемственность.

— Я не подведу вас, мой примарх, — отрезал Марий. — Никто из нас не подведет.

— Я знаю, — кивнул Робаут и вновь подумал: «Хорошо». — А теперь давай покажем этим зеленокожим всю силу нашей культуры.

Гейдж задержался на мгновение, будто все еще прокручивая в голове детали нелегкого разговора. Жиллиман обернулся. На лице старого воина застыла маска мрачной решимости. Тени былой горечи аурой парили вокруг него.

А впереди он словно видел сгущающиеся тени будущей.

Рекурсия: теория и практика способны взаимно усиливать друг друга. Теоретически широкое применение теории на практике является ключом к наиболее полному раскрытию их обоюдного потенциала. Реализуется это посредством внедрения через эдикты и традиции теоретической и практической базы на всех уровнях организации — особенно в ситуациях, когда верный курс действия представляется очевидным. Именно в такие моменты возникают самые большие риски, но и открываются самые широкие возможности. Очевидность коварна. То, что кажется явным, требует самой строжайшей проверки. Согласованное применение теории и практики в подобных случаях впоследствии помогает справляться с любыми иными обстоятельствами.

Робаут Жиллиман «На пути к единству теории и практики», 111.54.xI

Палуба «Каваскора» завибрировала. Гиеракс чувствовал эту дрожь подошвами своих сапог и знал, что так отдаются толчки запусков десантных капсул. Сердцебиение ударного крейсера превратилось в барабанный бой войны.

Капитан находился на мостике. Пока другие воины Двадцать второго ордена прямо сейчас высаживались на Тоас, разрушители снова оставались на орбите — отвергнутые, скованные цепями запретов. Получил Нас четкий приказ или, что тоже весьма вероятно, своим умом пришел к такому решению — уже неважно. В конце концов, именно неприязнь лорда Жиллимана диктовала подобное отношение к разрушителям, а Пае был всего лишь исполнительным проводником воли примарха.

Гиеракс пришел на мостик, чтобы видеть все происходящее своими глазами и чтобы люди видели его самого. На кораблях ордена все прекрасно знали о сложившейся вокруг разрушителей ситуации. Сами воины не находили ничего постыдного в том, что примарх снова отказал им в праве показать себя на поле брани. Однако чувство глубокого разочарования, практически укоренившееся в двух ротах, выливалось в напряженность и недовольство во всем ордене. Гиеракс уже говорил на эту тему с Лахесом, чья Первая рота разрушителей базировалась на фрегате «Гордое пламя». Лахес сейчас тоже находился на мостике. Оба капитана пребывали на своих боевых постах, одновременно и с готовностью наблюдая за ходом операции, и демонстрируя непоколебимую гордость их рот.

Гиеракс стоял за кафедрой выступающего над мостиком стратегиума на виду у всех офицеров, техников и служителей. Наблюдая за обзорным экраном и слушая отчеты о запусках, капитан излучал непоколебимое спокойствие, словно высеченная из камня статуя. Он всецело сосредоточился на операции, не желая упускать из виду ни единой секунды битвы и зная, что его рота будет готова к немедленной высадке по первому приказу.

За его спиной раздались шаги. Гиеракс обернулся. В стратегиум вошел легионер Клетос. Как и у всех разрушителей, его доспех был выкрашен преимущественно в черный цвет. С отбытием других рот на кораблях ордена Немезиды остался только он — мрачный символ

грубой, безжалостной, опустошительной войны.

«Цвет необходимости, — подумал Гиеракс. — Мы не вступаем в бой без веской причины. Но о нас невозможно забыть. Война не позволит».

Клетос отдал честь капитану.

— Вы хотели видеть меня.

— Прощупываю почву, — кивнул Гиеракс. — Как дела в роте?

Легионер склонил набок голову. Он не носил шлема и даже не пытался следить за выражением своего лица. В битве на Септусе XII, когда десантники угодили в ловушку псибридов в улье, легионер получил обширные ожоги, и его лицо превратилось в сплошное нагромождение лоснящихся рубцов. В отличие от Гиеракса, который постепенно пополнял свою коллекцию шрамов на протяжении службы, на Клетоса все увечья свалились в один момент. Правый уголок рта теперь был постоянно оттянут вниз, словно в вечной извительной ухмылке — которая, впрочем, и раньше с его лица практически не сходила.

— При всем уважении, капитан, — буркнул Клетос, — думаю, вы и сами догадываетесь.

— Предпочитаю не гадать.

Клетос пожал плечами.

— Верно. Что ж, отвратные настроения, по-другому не скажешь.

Именно поэтому Гиеракс и позвал Клетоса. Легионер всегда открыто говорил правду и не замалчивал проблемы. Он настолько часто опасно балансировал на грани открытого нарушения субординации, что давно лишил себя всякого шанса стать хотя бы сержантом, но в качестве индикатора настроений в роте ему не было равных.

— Хуже, чем в прошлый раз?

— Так точно.

— А разница...

Клетос презрительно фыркнул:

— Новый магистр.

Гиеракс понизил голос:

— Продолжай.

Клетос понял намек и заговорил мягко и тихо, чтобы его мог слышать только капитан:

— Он чужак, с какой стороны ни посмотри. С таким же успехом нам могли навязать магистра хоть из другого легиона.

— Насколько все плохо?

— Очень плохо. Если он попробует как-то изменить, переделать нас...

Легионер осекся.

— Если попробует, то что? — жестко потребовал объяснений Гиеракс.

Клетос выругался себе под нос.

— Не знаю. Никто не знает. Если он всерьез вознамерится что-то делать, нам его не остановить. Но это еще больше ополчит нас против него.

— Об этом уже идут разговоры?

— Да.

«Теория без практики, — промелькнуло в мозгу Гиеракса. — Что для них, что для меня».

Нежданное озарение поразило его как обухом по голове. Капитан ощущал его важность, но пока не понимал сферы применения. Однако он отчетливо видел надвигающуюся опасность. Затаенные обиды неизбежно приводят к ошибкам.

— Эти толки, — капитан решил копнуть глубже, — как широко они пошли? Вышли за пределы роты?

Клетос кивнул:

— Я общался с братьями из 223-й. Они рады не больше нашего. В других ротах тоже прорывается недовольство.

Чем больше Клетос говорил, тем больше собственный гнев Гиеракса вытеснялся беспокойством. В разговоре с Сиррасом он думал о долгосрочных преобразованиях в ордене, понимая, что они волнуют даже рядовых воинов Немезиды. Но сейчас его сильнее озаботила ближайшая перспектива. Неприятие будущего ставит под удар настоящее.

— Успокой братьев, — попросил Клетоса Гиеракс. — Мы всегда будем собой.

— Да? И каким же образом?

— Ты мне не веришь, легионер?

— Мне просто интересно. Как и всем.

Гиеракс обратил внимание, что Клетос уклонился от прямого ответа.

— Если сущность ордена так легко изменить, то она недостойна спасения.

— Разумеется, — сказал Клетос; уголок его рта выгнулся вниз еще сильнее.

— На этом все, — подытожил капитан.

Легионер отсалютовал и покинул стратегиум, а Гиеракс вновь повернулся к главному обзорному экрану, показывавшему широкие равнины Тоаса. Пламя двигателей и тепловые следы от трения десантных капсул расчерчивали атмосферу планеты. Первые отряды уже высадились на западных окраинах равнины. А на востоке зашевелились орки — это он знал и безо всяких ауспиков. Капитан чувствовал родовые схватки новой войны, даже не видя их своими глазами.

Мысли о моральном состоянии Немезиды пожирали Гиеракса изнутри. Он надеялся, что, наблюдая за ходом войны, сможет улучшить шанс доказать примарху значимость разрушителей. Возможность показать себя в деле — вот что станет для Двадцать второго лучшим лекарством от гноящегося негодования. Она спасет орден, которому для выживания не нужен был никакой чужак со стороны.

Но разговор с Клетосом внушил капитану страх, перед которым дрогнули все надежды. Проблема заключалась не в том, что разрушителей держат вдалеке от битвы. Весь орден снедала общая горечь, но риск исходил как раз от той его части, что сейчас высаживалась на поле брани. Вот где могут произойти самые худшие и непоправимые ошибки.

— Теоретически... — бормотал он.

«Недовольство в войсках — один из ключевых факторов многих неверных решений».

— Практически...

«Не проверишь — не узнаешь».

Усилим воли Гиеракс заставил себя остановиться. Подобные рассуждения контрпродуктивны и, более того, на его месте совершенно неуместны. Истинность или ложность теории скоро откроется сама собой.

Капитан отвернулся от обзорного экрана и обратил внимание на пикт-экраны в стратегиуме. Он наблюдал за удлиняющимися колонками рун, обозначавшими роты, и посадочными координатами, пытаясь сосредоточиться на мельчайших деталях высадки и нагрузить свой разум визуализацией бесчисленных векторов разворачивающегося внизу действия.

Но несмотря на все усилия, вопросы, которых он так старался избежать, продолжали

подниматься, вытянутые на поверхность самой логикой, которую примарх внушал своим сыновьям. Если Гиеракс хотел показать Жиллиману, насколько для легиона важны разрушители, то тем самым он допускал, что Жиллиман слеп к истине. Неужели примарх готов закрыть глаза на возможные последствия назначения Иаса?

И если так, то что еще он предпочитает не видеть?

«В тебе говорит злость», — попытался успокоить себя Гиеракс.

Только вот убедительно врать ему никогда не удавалось.

Война сродни грому. Сколько существовало видов грома, столько и форм боевых действий. Жиллиман хорошо их знал. По такту и тембру звука примарх мог и определить природу участников сражения, и описать его ход. То, что он слышал сейчас, язык не повернулся бы назвать какофонией. Это была песнь битвы, сотрясающий мир спор, в котором пламенные аргументы чередовались с кровавыми возражениями. Он узнавал характерные отголоски ударов и следующего за ними возмездия. Но лучше всего Робаут знал голос своего легиона.

Жиллиман стоял, высунувшись из открытого потолочного люка «Лэндрейдера» модели «Протей», нареченного «Пламенем Иллириума». В пассажирском отсеке танка своего часа ждала инвиктская почетная стража. Примарх наслаждался громовыми раскатами зарождающейся бури, которая набиралась сил в ожидании момента, чтобы вырваться на волю и низвергнуть даже горы.

Один лишь звук, казалось, уже способен смести все на своем пути. Небеса трепетали, терзаемые неугасающим ревом опускающихся транспортных челноков, тяжелых лихтеров и штурмовых катеров. Земля дрожала под гусеницами танков и подошвами тысяч керамитовых сапог. Жиллиман посмотрел вверх. По полотну звезд гуляла рябь, а их свет будто спотыкался о пламенные следы прибывающих кораблей и терялся в бурлящих облаках выброшенного соплами прометия.

Здесь, на западе горной гряды, властвовали мрак и холод вечной ночи. Равнина была пустынной, а редкие скальные выросты истер до основания раскаленный шквальный ветер с дневной стороны Тоаса. Но теперь в царствие зимы ворвался и жар иного рода. Пламя реактивных двигателей омыло кости мира, а тьму одернул резкий свет посадочных огней и танковых прожекторов.

Дрожь от разворачивания воинства Ультрамаринов отдавалась в корпус «Пламени Иллириума». Жиллиман чувствовал ее сквозь перчатки, сжимая края люка. Он втянул носом едкую гарь отработанного топлива и прислушался к грому. В раскатах чувствовалась сила его сыновей. Таким был звук великой машины из плоти, стали, дисциплины и воли, чья разрушительная мощь не знала пределов, но чьей целью в конечном счете было очищение и восстановление.

«Твоя сила течет через меня, Отец, — подумал Жиллиман. — Твоя воля — моя. Пусть в этом мире вновь воцарится гегемония человека».

— ...странный выбор, — доносился голос из вокса. Это из водительского отсека «Иллириума» говорил Хаброн.

— Какой именно? — уточнил у технодесантника Жиллиман.

— Тоас, — повторил Хаброн. — Условия этого мира неблагоприятны даже для простейшей колонизации, не говоря уже о существовании целой цивилизации. За счет чего она жила?

— У подножия гор температура выше точки замерзания, — объяснил Робаут; восточный край равнины находился в зоне терминатора, вместе с горами заключенный в вечный лимб, где нет ни закатов, ни рассветов.

— Довольно узкий регион, — возразил технодесантник. — Людям там было бы тесновато.

— Ты сейчас говоришь о тех людях, которые здесь жили, или о тех, которые сюда еще только придут? — поинтересовался примарх.

— Тех, кто придет, Империиум сможет обеспечить поддержкой, — разъяснил Хаброн. — А здешний былой народ жил в изоляции.

— Думаю, нам стоит поискать ответы в руинах, — сказал Жиллиман. — Когда, разумеется, мы захватим их.

— Магистры орденов докладывают о готовности.

— А орки? Они готовы? Бегут ли приветствовать нас?

Ответ Робаут уже знал. Место для развертывания войск он выбрал в результате долгих и кропотливых вычислений. Оно находилось достаточно близко к горам, чтобы орки легко могли заметить приземляющиеся корабли, и достаточно далеко, чтобы дать Ультрамаринам время и пространство для мобилизации. Согласно рабочей гипотезе, орки ринутся в бой сразу же, как только поймут, что их владычеству на Тоасе что-то угрожает. Вопрос лишь в том, насколько быстро они доберутся сюда.

— Так точно, — подтвердил Хаброн. — Одну секунду, лорд примарх. Обновляю данные.

На несколько секунд повисло молчание — Хаброн использовал авгурную сеть «Искатель». Сенсорный блок ауспиков «Протей» позволял Жиллиману быть зрячим там, где любой другой оставался слеп. Это устройство умело видеть сквозь стены, выявлять слабые точки конструкций и обозначать места сосредоточения противника. Орки находились еще слишком далеко, чтобы непосредственно задействовать систему, но Хаброн подключил «Искателя» к авгурам и когитаторам «Чести Макрагга». С орбиты корабль мог заглянуть за горизонт посадочной зоны Ультрамаринов, на территорию зеленокожих. Все полученные сведения пересылались с флагмана обратно на «Пламя Иллириума».

— Орки быстро приближаются, — доложил Хаброн. — Мы увидим их в течение часа, если останемся на текущей позиции.

«Чего мы делать как раз не будем», — подумал Жиллиман и спросил:

— Можешь обозначить для меня цель?

— Множественные крупные тепловые следы. У них много техники... — Хаброн снова умолк на мгновение. Примарх не торопил его. — Слишком много для точного анализа на данном этапе! — наконец доложил технодесантник. — Тепловые следы сливаются в сплошное пятно. Больше я скажу, только когда смогу задействовать сенсоры «Искателя» напрямую.

— Значит, пора нам самим встретить врага.

Жиллиман переключил вокс на командный канал, чтобы обратиться ко всему войсковому соединению. Сквозь потолочный люк он вскарабкался на крышу «Пламени Иллириума». «Протей» находился на восточном краю посадочной зоны.

— Воины Тринадцатого!

Взгляды всех легионеров обернулись на восток. Туда, где ждал противник. Туда, откуда к ним взывали примарх. Многие его отчетливо видели, но и те, кто оказался слишком

далеко, все равно смотрели в ту сторону, явственно ощущая его присутствие. Все они знали, кем он им приходится. Их гены принадлежали ему. Его сущность определяла их. Инстинкты вели их к той же цели, что и его. Каким его Отец сделал Жиллимана, такими он сделал своих сыновей.

Но что Ультрамарины и так несли в своей крови, Робаут дополнительно закрепил как прямую, осознанную, непререкаемую истину. Командная структура легиона строилась на могущественном командире. На всех уровнях организации, вплоть до наименьшего отделения, лидер не просто задавал направление. Он вершил ход битвы. Для своих людей он был путеводной звездой и вдохновляющим символом. Все отделения, роты и ордены на войне выполняли свои конкретные задачи, каждая из которых являлась одним из слагаемых успеха единой миссии легиона. Из множественности ковалось совершенство порядка.

Будучи источником командования и точкой соприкосновения всех целей, именно примарх являлся скрепляющим элементом. Он был лидером, столь же авторитетным, сколь и необходимым. На Макрагге до прихода Императора Робаут уже исполнял эту роль, но еще не осознавал ее как часть своей личности. Лишь приняв командование XIII легионом и в полной мере ощутив связь между собой и своими генетическими сыновьями, Жиллиман сформулировал четкую теорию о том, кто он есть и кем он должен быть.

И сейчас, на заре новой битвы, Робаут служил воинам высшим символом командования — идеалом, за которым они стремились даже тогда, когда его не было рядом. И как символ Жиллиман был куда реальнее, чем Жиллиман как живое существо. Так и должно быть. Именно этого он и добивался. Все это — часть его великой работы.

Но этот труд пока далек от завершения. Еще один неотъемлемый компонент целостной структуры командования требовал доработки, и с этим Робаут не мог справиться в одиночку. Он хотел, чтобы Гейдж понял и принял суть преемственности. Но Марий упорно сопротивлялся, и его можно было понять. Однако когда придет время, он исполнит свой долг. Как и все они.

— Ультрамарины! — Жиллиман высоко поднял гладиус Инкандор. Лезвие сверкнуло серебром, холодным и чистым, как звезды на ночном небе Тоаса. — Зеленокожие идут на нас. Выступим им навстречу! Встретим и истребим их! Мы вернем эту планету во власть человечества!

Он выдержал паузу и указал Инкандором на горизонт:

— Наш враг — буйствующая орда. Мы же исповедуем порядок. Нас ведет цель, и цель эта придает силу нашим ударам! Мы олицетворяем истинную науку войны, которая восторжествует над самонадеянностью наших врагов! Мы есть отвага и честь!

— Отвага и честь!

Крик вырвался из каждой глотки и каждого вокс-говорителя в легионе. Он зазвучал новым громом, затмившим даже рокот сотен боевых машин. Вот оно — воплощение величественности. В прежние языческие времена его называли бы криком души легиона.

И когда сыновья ответили ему, кровь в жилах Робаута вскипела. Он спрыгнул обратно в люк и, все еще стоя, посмотрел на восток. Его губы невольно растянулись в ухмылке — гордой и беспощадной. Двигатель «Пламени Иллириума» разразился поистине оглушительным ревом, и танк рванулся вперед, словно сорвавшийся с цепи зверь.

И в этот момент с места тронулся легион. Как сыновья подхватили боевой клич примарха, так и штурмовые катера, бронетранспортеры и танки ответили зову «Иллириума». От могучего грома содрогнулись небеса и земля. Отдельные воины и машины соединялись

вместе в непобедимого колосса.

Робауту никогда не нравилось понятие «совершенство». Оно было страстью Фулгрима, и Жиллиман сомневался, что его брат когда-нибудь смог бы применить это слово к Ультрамаринам. Он видел выражение лица Фениксийца во время их совместных операций. В его глазах действиям XIII легиона не хватало изящества. Для Фулгрима война была искусством. По его мнению, любая стратегия должна быть не только успешной, но и выдержанной эстетически.

Робаут же всегда считал, что для стратегии достаточно приносить плоды. А для легиона — не знать преград.

Ультрамарины шли на войну, и вместо совершенства они олицетворяли точность. Жиллиман ценил ее куда выше напускной эстетики. Точность и твердость. Война — это не искусство. Это наука. Приложение превосходящей силы с полным осознанием места, способа и причины. Искусство может прийти следом за войной. Искусство кроется в созидании и восстановлении — истинном завершении военного дела. Успех в войне означает ее скорое и полное завершение.

За спиной Жиллимана, растянувшись направо и налево насколько хватало взгляда, мощь легиона наступала столь неумолимо, словно сама тектоническая плита пошла на битву. Примарх вдохнул бурлящий дым сотен машин, выхватывая взглядом во мгле вспышки фонарей бронетехники и алое зарево двигателей штурмовых катеров. Ультрамарины принесли на Тоас свет новой галактики — галактики Человека.

Робаут обратил глаза к горизонту и по воксу вызвал Хаброна.

— Насколько быстро приближается враг?

— По-прежнему ускоряется, — через мгновение ответил Хаброн. — Причем по-разному по всей орде.

Технодесантник зачитал отдельные цифры и подытожил значением средней скорости переднего края армии зеленокожих.

Жиллиман в уме рассчитал скорость сближения двух армий и устремил суровый взгляд на восток, где начинала занимать заря. Она никогда не наступит. Рассвета на Тоасе дожидаться невозможно — за ним нужно охотиться. И легион шествовал в его сторону. А орки, сколько бы ни обманывались собственным могуществом, не могли похвастаться нерушимостью замершего солнца. Одним своим появлением Ультрамарины согнали зеленокожих с насиженных мест, и теперь дикие твари рвались навстречу ночи и своей гибели.

Они появятся очень скоро.

А до тех пор Жиллиман решил воспользоваться последними минутами спокойствия, чтобы связаться по воксу с Гейджем.

— Что ты видишь, Марий? — спросил он.

— А что вы хотите, чтобы я увидел?

Гейджа вопрос примарха не обманул. Магистр-примус сообразил, что Жиллимана интересует вовсе не то, заметил ли он врага.

— Я вижу наш легион, — объяснил ему Робаут.

— Как и я.

— Взгляни на этот строй. Скажи мне, что, по-твоему, он символизирует?

Пауза.

— Теорию, воплощенную на практике, — раздался ответ Гейджа.

— Да, — сказал Жиллиман. — И одновременно с этим — практику, ставшую теорией. Таков парадокс военного похода. Понимаешь? Мы ничего не потеряли. Наш строй безупречен. Мы на пике своей силы. Таково совершенство последних мгновений перед битвой.

Он нарочно использовал слово «совершенство». Воплощенный потенциал — это идеал, который мгновенно изменяется при столкновении с реальностью. Робауту всегда казалось, что Фулгрим попросту не способен это понять. Во всяком случае, ему никогда не удавалось открыть брату глаза на недостижимость той цели, которую тот поставил перед собой и своими Детьми Императора. Фулгрим искренне верил, что совершенство может существовать в бою, и упорно продолжал гнаться за этой мечтой. А Робаут слишком хорошо знал, что бывает с идеалами.

— Мы никогда не должны слепо восхищаться эстетическим великолепием чистой теории, — наставлял он Гейджа, — и в то же время не можем себе позволить ограничиваться сухими практическими вычислениями. Практика осаждаёт безудержный полет теории, а теория, в свою очередь, окрыляет приземленную практику.

— Всегда! — воскликнул Марий.

— Да. Всегда.

Даже в самом пекле сражения на низжайшем уровне организации легиона возможное и действительное всегда работали в симбиозе, и их единение порождало победу. И это было куда ценнее погони за недостижимым. Конечно, Фулгрим порой творил настоящие чудеса в своем вечном поиске совершенства, но Робаут неизменно задавался вопросом, получает ли брат от этого хоть какое-нибудь удовольствие. Единственное, что он мог представить, — это безграничное разочарование.

Наблюдения. Анализ. Определение. Исполнение. Такой цикл при многократном повторении приводил к неизбежной победе, поэтому он лег в основу военной философии XIII легиона.

И в этом цикле Робаут находил подлинное удовлетворение и устремление. Он постоянно работал над дальнейшей корректировкой и адаптацией этого цикла к различным изменяющимся условиям. Жизнь без конца преподавала ему уроки, которые, сиюминутно утолив его жажду знаний, затем подталкивали к новым размышлениям, планам и разработкам. Он не искал совершенства. Он сам создавал его.

— Лорд Жиллиман, — вызвал по воксу Хаброн.

— Знаю, — отозвался Робаут; он уже заметил перемены на горизонте.

Небо и землю разграничивала неровная линия глубочайшей тьмы. Силуэты гор перекрывали мерцание далеких звезд. Но теперь эта линия двигалась и рябила, словно огромное живое существо пробудилось между пиками. А затем забрезжил свет — уродливое дымное пламя горящего топлива и огненных выхлопов.

«Это и не свет вовсе, — подумал Жиллиман. — Дикость не может ничего освещать».

Но это пламя варварства прекрасно обличало его врагов.

Крики орков намного опережали их самих. Неутихающий западный ветер разносил вопли сотен тысяч животных глоток и натужное лязганье машин настолько несуразных, что их давно должны были добить катастрофические поломки. Острый слух Жиллимана отличал хоровой рев орков от слаженного голоса его родных Ультрамаринов, как низменные губительные инстинкты — от целеустремленного порядка, как чудовищное прошлое — от полного безграничных надежд будущего.

Две армии рвались навстречу друг другу, и едва орки завидели Ультрамаринов, их зверские вопли превратились едва ли не в экстатические захлебывания.

— Кто-то должен сказать им, что они потеряли свою империю, — заметил Гейдж.

— Сомневаюсь, что они вообще о ней знают, — сказал Робаут.

Зеленокожие понимали только буйство битвы и радость мародерства. Они жили одним моментом и вряд ли вообще могли заглянуть куда-то дальше. В открытой борьбе орки были достойными противниками, но своих империй они никогда не строили. Словно зараза, они распространялись по Галактике, разоряя одну планету за другой. Но этот очаг, поразивший сразу несколько звездных систем, Ультрамарины успешно взяли в карантин и теперь готовились задавить инфекцию.

— Ты нашел для нас цели? — Жиллиман спросил у Хаброна.

— Определяю, — сообщил технадесантник.

Когда зеленокожая орда показалась, «Искатель» «Протея» наконец смог окинуть ее своим взором. Когнитивные интерпретаторы считывали движения живых потоков, на их основе моделировались локальные волны и вычислялись оптимальные точки ударов.

Жиллиман уже знал, какого рода цели выберет «Искатель». Он сам их уже наметил. Ему нужны были только координаты. Каким бы хорошим ни было зрение примарх а, с системой авгуров оно сравниться не могло.

— Нашел, — подал голос Хаброн. — Множественные скопления техники движутся прямо к нашей позиции.

Робаут кивнул. «Пламя Иллириума» возглавлял крупную колонну, вытянувшуюся из основной группировки Ультрамаринов подобно наконечнику копья. Но одновременно она выступала еще и наживкой. Именно ее орки увидели первой и сразу же ринулись в атаку безо всякой координации. Зеленокожие надвигались колоссальной волной, растянувшейся на север и юг гораздо шире всего построения XIII легиона. Жиллиман даже не видел ее краев. Но при этом волна была разобщенной массой отдельных существ. Каждый бугай сражался сам по себе. Орки одерживали верх над организованными армиями благодаря своей численности и грубой силе. Обманчивая видимость стратегии возникала лишь в тех случаях, когда сразу несколько крупных банд выбирали себе одну и ту же цель.

Жиллиман дал зеленокожим такую цель, вынудив их тем самым раскрыть козыри.

«Теоретически: врагу можно навязать свои условия. Практически: нынешний враг действует исключительно прямолинейно, отдавая предпочтение самой явной мишени. Подсунь ему эту мишень в подконтрольных тебе условиях, и ты предопределишь ход боя».

— Есть координаты крупнейшего скопления, — доложил Хаброн.

— Передавай, — приказал Жиллиман и переключился на командный канал. — Штурмовым катерам и артиллерии, принимайте данные и стреляйте по готовности.

«Василиски» и «Вихри» первыми вступили в бой. Земля содрогнулась от раскатов нового грома. Карающие ракеты засверкали над головами воинов, а их огненные следы разорвали покров ночи. Кошмарный рассвет озарил равнину, обратив каменистую землю в мозаику пятен ослепительной белизны и рваных теней. А уже в следующее мгновение гулко заговорили пушки «Василисков».

Примарх обернулся посмотреть, как стволы орудий выплевывают пламя. Темп стрельбы был рассчитан таким образом, чтобы причинить врагу максимальный урон. Довольный увиденной точностью, он кивнул и вновь устремил взгляд вперед. За горизонтом, прямо в центре орды орков расцветали огненные шары — среди россыпей мелких всполохов от ракет

распускались поистине грандиозные бутоны, когда падали снаряды «Сотрясателей». Взрывы множилось, расходясь далеко за пределы первоначальных целевых областей. Капризные машины зеленокожих гибли десятками, попутно забирая с собой прижимавшихся слишком тесно собратьев.

Над головами орков пронеслись «Громовые ястребы», сбросив с пилонов тяжелые бомбы. Неистовая заря расцвела посреди орды. Взметнувшееся яростное пламя с ревом разогнало ночь, поглотив все на сотни метров вокруг. Штурмовые катера резко взмыли вверх, а в следующую секунду артиллерия дала новый залп.

Жиллиман наблюдал за первым ударом его легиона из «Пламени Иллириума». Танк стремительно сокращал расстояние, отделявшее Ультрамаринов от орков. Легион наступал уверенно и неумолимо — могучий таран, вершина технологий Империи. Зеленая волна разбилась о риф из разрывных снарядов. Обстрел велся по широкой области, и пусть он задел лишь малую часть дикого живого прилива, своей цели достиг. Пылающие обломки уничтоженной техники создали смертельную преграду на пути рвущихся в бой орков. Зеленокожие в первых рядах впали в замешательство, откровенно недоумевая, как так получилось, что битва внезапно загремела не впереди, а за их спинами.

Все это Жиллиман видел либо экстраполировал на основании близкой огненной стены.

— Отчет, — потребовал он у технадесантника, понимая, что до начала большой сечи есть еще немного времени.

Орда была подобна большой и бурной реке. Она имела направление, но несогласованные движения банд создавали внутри потоки разной скорости. Ему нужно было знать, как поведут себя орки из дальних частей орды — те, кого карающее пламя еще не выхватывало из-под покровы ночи.

— В орде царит беспорядок, — доложил Хаброн. — Удаленные ее части пытаются пробиться к взрывам и давят на центр. Скорость передовых слоев резко упала. Согласованность действий крайне низкая.

— Хорошо. — Переключившись на командный канал, Робаут объявил: — Теоретически — мы обратим орков против них самих. Практически — стянем вместе, а затем уничтожим. Победа ждет нас! Отвага и честь!

И в тот момент, когда воины XIII легиона вновь подхватили боевой клич, выстрелили установленные на бортовых спонсонах «Протея» лазпушки. Энергетические лучи прочертили быстро сужающееся пространство между Ультрамаринами и орками. Ведущие машины бронетанковых колонн открыли огонь из лазеров и тяжелых болтеров. А за техникой, выстроившись более широкими фалангами, следовали десантники из других орденов — внушительные силы, на которые враг совершенно не обращал внимания.

Лазерные лучи «Протея» прожгли широкие борозды в зеленой орде. Жиллиман вылез через верхний люк и, согнувшись, приник к крыше «Иллириума». В левой руке он по-прежнему сжимал Инкандор, а правой снял с пояса Арбитратор. Палец привычно лег на резной спусковой крючок комбиболтера. Примарх ждал подходящего момента, чтобы спрыгнуть с танка и усилить наступающую фалангу своим личным участием.

В воздухе появились новые запахи. Отчетливо выделялась приторная мускусная вонь зеленокожих — настолько острый аромат животной агрессии, что он пробивался даже сквозь прометий. Еще пахло горелой плотью. Уже много сотен орков разлетелись на куски или обратились в прах, и облако их смерти протянуло свои щупальца по всей равнине.

Ведущая колонна Ультрамаринов ворвалась в охваченную суматохой орду подобно

клинку шириной в тысячу метров. В начале шли две шеренги тяжелой техники, крупнокалиберными пушками и осадными щитами не оставляя от зеленокожих даже мокрого места. За танками следовали легионеры Первого ордена. Орочье море кружило и завывало, и волны ревущих тел, распираемых мускулами и яростью, неизменно разбивались о стену из синего керамика. Но на то оно и море, чтобы, потерпев одну неудачу, снова и снова поднимать приливную волну.

Зеленокожие стреляли из грубых пушек и размахивали кривыми клинками, достаточно тяжелыми, чтобы пробивать сталь. Объятые смятением и гневом, они исступленно бросались всей своей массой на воинов XIII легиона, но их атакам не хватало силы и слаженности. Орки сами лезли под организованный огонь болтеров и синхронные пируэты цепных мечей. Космодесантники маршировали прямо на стену из плоти, истребляя бугаев и расширяя рану.

Инстинкты и злоба подстегивали орков еще яростнее убивать врагов, посмеявшихся первыми нанести удар. Поэтому даже если бы зеленокожие обратили взгляды на запад и увидели, что грядет оттуда, то либо проигнорировали бы это ради более близкого врага, либо вообще не поняли бы всего масштаба надвигающейся на них беды.

— Течения орды все еще разобщены, — доложил Хаброн. — Они пытаются сконцентрироваться на нас.

Стоя на крыше «Иллириума», Жиллиман выпрямился во весь рост и воздел над головой Инкандор. Сверкающий серебром клинок бросал вызов оркам, а сыновьям примарх а служил надежным маяком в безбрежном зеленом море. Держа меч поднятым, Робаут щедро осыпал землю перед «Протеем» беглыми очередями из Арбитра. Реактивные снаряды пробивали тела зеленокожих и взрывались внутри, испаряя кровь и разметывая шрапнелью осколки костей. Фонтаны изувеченной плоти били в воздух со всех сторон от «Лэндрейдера», захлестывая Жил-лимана. Его лицо заливала вражеская кровь. Рев беснующихся орков терялся за могучим грохотом орудий.

«Хорошее начало, — подумал Робаут. — Добротный первый удар». Дым застилал поле боя. Примарх вдыхал его и, даже чувствуя першение в горле, смаковал запах смерти.

В первые секунды столкновения Ультрамарины прочно завладели инициативой.

Жиллиман продолжал стрелять. Орки умирали, но место погибших тут же занимали другие. «Пламя Иллириума», задрав нос, натужно взбирался по растущему кургану из мертвых тел.

Но в какой-то момент оглушающий ревущий хор сменил интонацию. Орки сбросили былое замешательство, и куча-мала превратилась в направленную контратаку. Зеленокожим было плевать на рвущиеся среди них артиллерийские снаряды — им нужна была добыча, которую можно схватить и растерзать на куски. Они жаждали крови легионеров. Тысячи тысяч ревущих животных голосов слились в едином свирепом порыве. Фалангами по сто воинов Ультрамарины все дальше вгрызались в дикую орду, но их наступление начало пробуксовывать.

Жиллиман глянул направо и выругался. Десятки зеленокожих теснили отделение сержанта Тиброна, и помочь десантникам он уже не мог. Орки бросались прямо на болтерный огонь. Передние ряды бугаев, изрешеченные, валялись на землю, давая сородичам возможность подобраться поближе. Легионеры попросту не успевали уничтожать врагов достаточно быстро. Вот один громила с развороченной грудной неуклюже повалился на своего убийцу, погребя воина под здоровенной окровавленной тушей. Другой

орк перескочил через умирающего собрата. Еще в воздухе замахнувшись цепным топором, зеленокожий опустил оружие на голову Тиброна, расколов надвое и шлем сержанта, и череп под ним. Рядом еще двое боевых братьев исчезли под нахлынувшей лавиной громадных тел ксеносов.

— Сохраняй курс, — приказал Хаброну Жиллиман. — Инвикты, за мной!

С этими словами он спрыгнул с крыши танка. В ту же секунду распахнулись боковые люки, и на зеленокожих обрушилась почетная стража примарха.

Жиллиман в упор расстреливал орков, разрывая тела на куски. Вместе с инвиктами он налетел на беснующуюся орду, оттягивая на себя внимание врага и давая отделению возможность перегруппироваться. Робаут скосил очередь бросившуюся на него спереди группу орков, одновременно пронзив Инкандором голову еще одного зеленокожего слева. Толстый череп бугая треснул, словно яичная скорлупа, и лезвие прошло сквозь мозг. Не теряя времени, Жиллиман выдернул гладий и провел новый выпад, убив следующего противника еще до того, как тело первого рухнуло на землю.

— Эти твари думают, что они здесь главные! — воззвал примарх к своему легиону. — Покажем им, насколько они заблуждаются!

Впереди через барьер из останков техники проломился гроыхающий механический зверь. Шестерни кошмарной машины скрежетали и визжали в порыве доказать всю ошибочность заявления Жиллимана.

4 Равнина Плацдарм Повсюду

Одними из величайших опасностей, сопутствующих наблюдениям и анализу, являются допущения. Остерегайся их, ведь порой даже твердость суждений играет на руку соблазну. Гордыня и познания в военной науке порождают иллюзию непогрешимости. Так возникают допущения, которые неизбежно приводят к ошибкам. Верной защитой от подобных потенциально фатальных просчетов на поле боя служит гибкость, способность к адаптации. И под этим подразумевается не только физическая стойкость, позволяющая выживать во враждебных, постоянно изменяющихся условиях. В первую очередь это способность понять, что теоретические положения на то и теоретические. Факты порой противоречивы и идут вразрез с любыми предписаниями. К этому следует быть готовым и при необходимости изменять теорию или вовсе отказываться от нее — но только если это продиктовано обстоятельствами, а не личными мотивами. Любая практика подобна войне — она изменчива и постоянно развивается. Но преимущество практики в том, что она осознанная.

Машина выглядела чудовищной ошибкой природы.

Всякий раз, когда оркам удавалось собрать что-то сложнее своих топоров и секачей, Жиллиману это казалось скорее счастливой случайностью, нежели осознанным конструкторским решением. Вопрос о том, как они вообще умудрились построить даже один космический корабль, до сих пор оставался вселенской загадкой, занимавшей умы не одного поколения ученых и летописцев.

Робауту хватило одного мимолетного взгляда, чтобы представить, как такая несуразная громадина могла появиться на свет. Она выглядела, будто две отдельные недостроенные машины взяли и сплюснули воедино. Центральный каркас сложился в кривой шар, изрядно помятый от силы столкновения. Пластины брони налезали и давили друг на друга, местами сминаясь в гармошку. У машины было слишком много колес на погнутых осевых балках, отчего она походила на раскинувшего щупальца кошмарного спрута. Более того, некоторые колеса были странным образом вывернуты под разными углами к направлению движения. Из спаянного шасси во все стороны торчали многочисленные механические конечности с цепями, огромными железными шарами и двухметровыми лезвиями, а перекошенные орудийные башни оцетинились множеством крупнокалиберных пушек.

У орков получился не танк и даже не пехотный транспорт — их творение вообще с трудом поддавалось описанию. Две боевые машины в результате столкновения почему-то не развалились на части, а, наоборот, крепко сцепились и зажили новой жизнью. А орки, видимо, в порыве энтузиазма продолжили испытывать удачу и принялись бездумно клепать поверх броневые листы и приваривать к своему нечаянному изобретению всевозможные пушки и смертоносные лапы.

И вот оно появилось на поле боя, оцетинившись орудиями смерти, и все зеленокожие в зоне видимости взревели в приливе радостного неистовства. Само существование подобного безумного творения было поводом для дикой, животной гордости.

«Его нужно уничтожить», — подумал Робаут; оркам эта машина служила воодушевляющим символом, а значит, ее следовало удалить с поля боя в первую очередь.

Несуразная рокошущая громадина находилась в двух сотнях метров к северо-востоку от его текущей позиции. Если ее не нагнать, она попросту проедет мимо.

«Лэндрейдер» «Озир» ринулся наперерез, поливая огнем из тяжелых болтеров и полосая лучами лазпушек фронтальную броню орочьей махины. Орудийные башенки взрывались, пламя бесновалось на корпусе, но громадина все никак не сбавляла хода. Жиллиман насчитал по меньшей мере шесть еще действующих турелей, снаряды которых сыпались на броню «Озира».

Две машины, словно разъяренные животные, ревели двигателями друг на друга. Огромный шаровой таран врезался в бок «Лэндрейдера». Композитная защита танка выдержала, но мощный удар сплющил левый бортовой спонсон как раз в момент выстрела установленных на нем лазпушек. Орудия взорвались, в одночасье причинив могучей боевой машине больше вреда, чем все пушки орочьего механического чудовища вместе взятые. Энергия захлестнула внутренние отсеки «Лэндрейдера», отчего детонировали запасные силовые ячейки. Вместо сфокусированных лазерных залпов орудия разразились бесконтрольными ослепительными сполохами. Левый борт «Озира» разнесло изнутри. Обломки фонтаном окатили орочью машину, сорвав обшивку с ближайшего ее бока. Но та продолжала ломиться вперед, несмотря ни на что, — воплощение дикой безудержности в металлическом теле. Самым своим существованием она попирала все законы здравого

смысла, и эта невозможность делала ее неостановимой.

Следом наступала прочая техника орков, изрыгая клубы черного дыма. Струи пламени вырывались не только из выхлопных труб, но и прямо из щелей между плохо приваренными железными пластинами. Предварявшая высадку Ультрамаринов бомбардировка уничтожила немало машин, но некоторые уцелели и теперь, скучковавшись позади большого брата, двигались напрямик к «Озиру». Твердотельные снаряды били по корпусу танка, и хотя большая их часть отскакивала от мощной передней брони, некоторые все-таки попадали в большую рваную дыру на левому борту. «Лэндрейдер» еще пытался маневрировать, но слишком вяло и медленно, и отстреливался лишь с правой стороны.

Жиллиман в одиночку бежал к «Озиру», и земля дрожала под его ногами. Инвикты остались позади, все дальше врубаясь в зеленую орду. Это был рискованный, но стратегически оправданный шаг.

«Теоретически: зрелище одинокого воина, уничтожающего их величайшее оружие, нанесет сильнейший удар по морали орков. Практически: этим воином должен быть я».

Примарх стрелял на бегу, расчищая себе путь от вопящих мускулистых верзил. Орки бросались на него, движимые лишь первобытной свирепостью. Отдельные твари почти вдвое превосходили Жиллимана ростом, но он никому не позволял задержать себя, разрывая зеленокожих на куски выстрелами из Арбитра и рассекая тела и глотки серебристым лезвием Инкандора. Он сам словно стал разящим клинком и уверенно двигался по трупам врагов, поднимая волну крови.

Ему оставалось меньше полусотни шагов до подбитого «Лэндрейдера», окруженного, словно стаей голодных хищников, десятками боевых машин орков. Назвать их топорными и примитивными было все равно что смолчать. Единообразием среди них и не пахло. Все они являли собой взрывоопасное сочетание животной агрессии и дикого, неукротимого рвения. Творения зеленокожих стеной отгородили «Озир» от других танков Ультрамаринов. Пара «Лэндрейдеров» методично подрывала внешние машины окружения, пытаясь пробиться на помощь попавшим в беду товарищам. Другим же не оставалось ничего иного, кроме как продолжать наступление. Жиллиман четко приказал не допускать ни единой бреши в строю тяжелой техники, истребляющей все на своем пути. Продвижение не должно останавливаться ни при каких обстоятельствах. Орки олицетворяют собой беспорядок и необузданную дикость. Ультрамарины очистят от них Тоас посредством железной дисциплины и согласованной стратегии.

Однако за порядок приходилось платить, и «Озир» в любой момент мог стать еще одной жертвой, принесенной на алтарь победы. Но примарха в движениях ничто не сковывало, и, куда бы ни направился, он везде помогал наступлению.

Тридцать шагов. Орки уже принялись спрыгивать с переполненных крыш и бортов своих машин и бросаться в дыру в «Лэндрейдере». Сзади их косил огонь собственных турелей, спереди отчаянно отстреливался экипаж танка, но место каждого убитого зеленокожего занимало сразу несколько.

Пятнадцать шагов. «Озир» взорвался. Огненный шар расцвел внезапно мощной вспышкой убийственного света. Жиллиман с разбега налетел на ударную волну. Обжигающий воздух силился содрать плоть с его лица. Покореженные обломки просвистели над головой примарха. Но Робаут не останавливался — наоборот, он нырнул в самое пекло. На мгновение окружающий мир исчез. Жиллиман продирался сквозь ослепительно-белую пелену оглушающей боли, подгоняемый инерцией, гневом и, что важнее всего,

необходимостью. На другом конце огненного ада его ждала ревущая почерневшая громадина орочьего механического монстра. Чудовище снова покатило вперед, и его множественные двигатели взревели в унисон, жаждая новой добычи.

Робаут оттолкнулся от земли и запрыгнул на крышу несуразной машины. Взгляду примарха предстали целые заросли из трубок, шипов и орудийных стволов. Жиллиман бросился вперед, навстречу шквалу огня. Пламя лизало его доспех, густой черный дым застилал глаза.

Орки видели его приближение, но им это нисколько не помогло. Ничто уже не могло помочь им. Первый же удар примарха отдался дрожью по всему корпусу машины. Враг умер под его сапогом, раздавленный в кровавую кашу. От силы удара обшивка крыши треснула и прогнулась. Машина вздрогнула и застыла.

Жиллиман переместился на корму, где корпус бугрился особенно сильно и откуда из переплетения трубок в ночное небо извергалось пламя. Зеленокожие карабкались на крышу следом за примархом, но он отстреливал их из Арбитра. Реактивные снаряды сметали уже мертвые тела с машины.

Робаут убрал Инкандор в ножны и, обхватив рукой ближайшую трубу, изо всех сил сжал ее. Сейчас на нем не было Длани Доминиона, но он вполне мог обойтись и без силовой перчатки — его собственных сил хватило с лихвой. Пережав одну за другой несколько труб, Жиллиман перекрыл жару выход, закупорив его внутри машины. И к тому моменту, когда он вернулся на прежнее место, крыша уже ходила ходуном от стремительно возросшего внутреннего давления. Одну из труб буквально выбило, и она, словно ракета, с шипением улетела ввысь, а следом за ней на волю вырвалась визжащая струя пламени.

Жиллиман выстрелил себе под ноги. Очередь из комбиболтера поразила броню машины подобно сконцентрированному артиллерийскому залпу. Реактивные снаряды пробивали металл и разрывались в пекле двигателей. Робаут продолжал стрелять. Орки выли и карабкались друг по другу, пытаясь добраться до него и свалить вниз. Не отвлекаясь от расстрела, примарх выхватил Инкандор из ножен на поясе. Краем глаза он видел тянущиеся к нему фигуры и полоснул по ним, не сдвинувшись при этом с места. Он был непоколебим, как скала. Машина орков накренилась вперед и вильнула сначала влево, потом вправо, будто пытаясь сбросить нежеланного наездника. Но Жиллиман не сдавался, продолжая терзать ее внутренности направленными очередями взрывов. Орки верещали от бессилия. Их пули и клинки, не причиняя вреда, отскакивали от его доспеха. Примарх оставался нерушим.

Он вершил суд разума и нес заслуженную кару диким тварям, предававшимся бездумной войне.

Робаут почувствовал, как двигатели пошли вразнос. Машину охватила жестокая беспорядочная дрожь, будто сердце при фибрилляции. Воин спрыгнул с крыши и приземлился прямо среди толпы орков. Не теряя ни секунды, он принялся отнимать жизни врагов, тогда как натужно рокочущую машину уносило куда-то в сторону. Лязганье механизмов превратилось в скрежет рвущегося металла. Зеленокожие на борту моментально забыли о примархе. Они выли, стараясь спасти свое гигантское детище. Но все их усилия были напрасны. Они не понимали, как сотворили чудо, и уж тем более не имели понятия, как теперь уберечь его.

Машина взорвалась. Ее постигла смерть еще более жестокая, чем «Озир», — словно дикая энергия всей орочьей расы, до сих пор сдерживаемая внутри корпуса, вырвалась на свободу одним неконтролируемым выбросом. На месте гибели рукотворного чудовища

образовалась воронка. Огонь, земля, ветер и металл захлестнули Жиллимана и расшвыряли орков вокруг него. Пламя пожирало тела зеленокожих. Осколок шрапнели размером чуть больше смертного человека пронесся над головой примарха и рассек орка надвое. Сам Жиллиман словно врос в землю. Он отвернулся, защищая лицо от пламени, но уверенно стоял наперекор бушующей стихии. И прежде чем угас свет, он услышал еще один утробный взрыв, затем еще и еще. Умирая, механическое чудовище забрало с собой и другие машины поблизости. Их экипажи поплатились за то, что следовали безрассудной логике трусов — кучковались вокруг предполагаемого победителя, и погибли вместе с ним.

Огненная буря расходится все дальше, набирая силу. Жиллиман отомстил за гибель «Озира» и его экипажа, но этого было недостаточно — всего лишь мимолетный эпизод в большой постановке войны.

«Планы всегда следует пересматривать с учетом обстоятельств, иначе они ничем не лучше пустых мечтаний».

— Всем подразделениям открыть огонь! — приказал он по воксу воинам других орденов. Битва продолжалась всего несколько минут, и ведущая фаланга еще даже не полностью врезалась в зеленый прилив. Но натиск необходимо усилить уже сейчас. — Выбирайте врагов и уничтожайте их. Артиллерия, вижу большие скопления техники. Цельтесь по моим координатам. Массированный обстрел мне нужен немедленно!

Примарх кричал из сердца урагана, едва различая собственный голос. Но когда грянул новый гром, он его услышал — это заголосили падающие снаряды. Жиллиман шагал сквозь ревящее пламя, убивая тех немногих орков, кому повезло уцелеть под кассетными бомбами штурмовых катеров и крупнокалиберными боеголовками «Сотрясателей». Вслушиваясь в рев двигателей «Громовых ястребов» и пронзительный свист летящих снарядов, он точно знал, где расцветет очередной взрыв. Он двигался по пустырю, выжженному дотла бурей, которую он сам и призвал.

Наконец он вынырнул из пелены разрушения, оставив позади новоявленное кладбище орочьей техники. Впереди роты Первого ордена добросовестно претворяли в жизнь его стратегию и дальше прокладывали в орде орков борозду шириной почти в километр. Жиллиман ринулся вперед, высоко подняв Инкандор. Перебегая от роты к роте, он везде помогал своим сыновьям в очистительной резне, и когда они видели его, то приветственно вскрикивали и кромсали врагов с удвоенной яростью.

И вот он снова вырвался вперед, разя врагов мечом и болтером.

«Только вперед» — таков первейший постулат любого наступления. И сейчас Ультрамарины действительно продвигались только вперед — на восток, к горам. К руинам.

Они несли свет нового человечества, чтобы вырвать из тьмы забвения славную память старого.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Орки все еще прорывались к фаланге Первого ордена, когда остальное воинство XII легиона настигло их. Линия фронта из первоначального километра растянулась вдесятеро. Орки заполнили территорию еще большую, но они заглотнули приманку Жиллимана. Зеленокожие действовали напористо, однако сосредоточились на ошибочной цели. В результате главная атака Ультрамаринов захлестнула их подобно извергающейся из вулкана лаве. Сиррас со своим командным отделением бежал чуть впереди «Лэндрейдеров», направляя разрушительную мощь 223-й роты. Капитана не покидали мысли об оставшемся на борту «Каваскора» Гиераксе. Он хотел, чтобы старый друг воевал сейчас рядом с ним.

Тем более что до сих пор битва шла весьма успешно. Врага ждет полное истребление даже без участия разрушителей. Печальный конец орочьей империи был давно предрешен, и Гиеракс заслуживал своей доли славы.

Спустя всего час Сиррасу пришлось изменить мнение. Орки сбросили оцепенение от первого удара, и теперь использование арсенала разрушителей виделось капитану совершенно необходимым. Да, твари все так же гибли десятками и сотнями, а Ультрамарины прорубались все дальше сквозь ревушую орду. Но зеленокожие никогда не сражались в обороне. Они не пытались отстаивать свою территорию, им было плевать на стратегически выгодные позиции. Орки жили только ради сечи — прямолинейной, яростной, ничем не осложненной. Они бросались на воинов XIII легиона, кружили около их боевых порядков и отступали только для того, чтобы с новой силой атаковать с другой стороны. Их было так много, что все перемещения казались водоворотами, течениями, приливами и отливами безбрежного зеленого моря.

Сиррас разрубил молниевыми когтями грузного вожака очередной банды орков, а затем для лучшего обзора поля боя запрыгнул на крышу «Экномоса», своего командного бронетранспортера «Носорог». Орки ожесточенно наседали на его роту с тыла. Фактически Ультрамарины теперь воевали на два фронта. Дальнейшее продвижение внезапно потеряло всякий смысл. Куда бы он ни посмотрел, повсюду видел лишь зеленокожих тварей, которым не было числа. Благодаря артобстрелу и решительным действиям Первого ордена удалось уничтожить почти все, что хоть отдаленно напоминало тяжелую технику орков, но живой силе врага это будто вообще никак не повредило.

Не сдерживая проклятия, капитан развернулся, окидывая взглядом поле боя. Двадцать второй орден действовал на северном краю группировки Ультрамаринов. И на севере, и на западе все заполнили орки, словно легион там никогда и не проходил. С начала битвы воинство Жиллимана подступило ближе к укрытым вечными сумерками горам на востоке, и стало отчетливо видно, как зеленокожие сплошным потоком спускаются по их склонам. Небо над головой немного посветлело, звезды утратили былую яркость. А на юге, где шел самый ожесточенный бой, двенадцать орденов всеми силами превращали равнину в выжженную, залитую кровью и затянутую дымом пустошь. Там прогресс казался наиболее очевидным. Орки раз за разом наваливались на передние шеренги рот, но могучая боевая машина легиона перемалывала их в кашу. К тому моменту, когда последние боевые братья миновали точку первого контакта, на южной стороне не осталось ни одного живого орка.

Но Сиррас понимал, что это лишь иллюзия. Резервы противников казались неиссякаемыми. Новые банды спускались по горным склонам на протяжении по меньшей мере пятнадцати километров. Вся группировка Ультрамаринов перекрывала только центр зеленокожей волны. Десятки тысяч орков никак не могли одновременно дорваться до сечи в первых рядах, поэтому брали десантников в кольцо. Сражение в тылу уже разгорелось в полную силу, еще больше тормозя продвижение.

«Они окружают нас, — промелькнуло в голове Сирраса. — Хотят завалить телами».

Капитан отказывался принять поражение. Вместо этого он искал возможность предотвратить его.

Сиррас вновь посмотрел на север. В том направлении земля постепенно поднималась. Взгляд капитана зацепился за участок глубокой тени — куда более темной, чем та, что отбрасывали горы на равнину. Длинная, зубчатая, с остро выраженными краями. И орки обходили ее стороной.

Моргнув несколько раз, Сиррас увеличил изображение в линзах шлема. Тень оказалась расщелиной в земле, узким каньоном шириной примерно в пять сотен метров. И до него было чуть больше полутора километров.

А что упало, то, как известно, пропало.

Капитан распахнул люк «Носорога» и спрыгнул внутрь. Технодесантник Никандр оторвал взгляд от блока мониторов систем управления и батареи ауспиков.

— Нужно провести топографическое сканирование, — сказал ему Сиррас. — Север, приблизительно два километра от нашей позиции.

Встав возле Никандра, он смотрел, как на экране слой за слоем возникает картина. Ущелье оказалось глубоким, с практически отвесными склонами.

— Уникальное для этого региона образование, — заметил технодесантник.

— Стоит этим воспользоваться, — сказал Сиррас и открыл канал вокс-связи с Иасом. — Магистр, есть план. Разрешите отвести 223-ю роту на север от текущей позиции и вытеснить орков в каньон.

При точном исполнении такой маневр мог обречь на смерть тысячи противников. Ущелье стало бы серьезной преградой их перемещениям.

— Отказано! — сообщил Нас. — Сохранять позицию и вектор наступления.

Ответ пришел так быстро, что Сиррас невольно задумался, правильно ли его понял магистр, и повторил попытку. Теоретически: следует использовать любую стратегию, которая ведет к скорейшему уничтожению противника. Практически: рывок к каньону послужит именно этой цели.

— Мы отвлечем орков на себя и уведем их в скалы.

— Я понимаю, что вы предлагаете, капитан, — ответил Иас. — Но это ничего не меняет. В вашем запросе отказано.

Сиррас закричал зубами.

— «Догматичная приверженность первоначальной стратегии есть верный путь к поражению», — процитировал он «Введение в тактику» примарха.

— Я отказываю вам не из собственного упрямства, капитан. Я все проанализировал. Практически — ваш маневр создаст брешь в нашем строю. Теоретически — возникает опасность, что орки воспользуются этим, перевешивающая потенциальную пользу. У вас есть приказ, капитан. Выполняйте его. — На этом Иас отключил связь.

От досады Сиррас сжал кулаки. Никандр благоразумно сосредоточился на мониторах.

— Если обнаружатся схожие геологические образования, немедленно сообщай, — распорядился Сиррас, из последних сил сдерживая себя.

— Как прикажете, капитан, — отозвался технодесантник.

Сиррас вскарабкался обратно на крышу и со злобным ревом спрыгнул с «Экномоса» прямо на бегущего орка. Зеленокожий громила с головы до ног обвешался толстыми кусками самодельной брони и сжимал в руках топор с лезвием в половину роста Сирраса. Капитан пригнулся под широким замахом и бросился на врага, выставив вперед молниевые когти. Лезвия с одинаковой легкостью вспороли и железо, и плоть. Сиррас резко дернул их вверх, рассекая орка от брюха до самой макушки. Изуродованное мертвое тело рухнуло на землю, но его место в ту же секунду заняли другие. И снова. Снова. И так без конца.

«Ты должен быть здесь, Гиеракс, — мысленно повторял Сиррас. — Ты должен вести Немезиду в бой».

На краю равнины земля резко уходила на подъем. Когда Первый орден добрался туда, поток орков из этого региона горной гряды заметно ослаб. Жиллиман видел, как крупные группировки зеленокожих все еще вливаются в битву на севере и юге. Копье Ультрамаринов понесло тяжелые потери, но по крайней мере здесь враги больше не пытались смести легионеров волной грубой мощи.

Здесь по склону пролегла дорога для танков. Орбитальное сканирование показало, что с равнины через равные промежутки в горы поднимаются извилистые серпантины. Теперь примарх смог своими глазами оценить их состояние. Все дороги были изрыты воронками и трещинами, а камнепады создали еще больше проблем. Жиллиман пустил вперед «Поборники», и бульдозерные щиты танков оказались исключительно полезны при расчистке пути. Особо крупные завалы приходилось разбивать из пушек, что делало восхождение на гору очень похожим на осаду.

Из середины колонны на связь вышел Гейдж:

— Как долго орки были на Тоасе? Они, похоже, времени даром не теряли.

— Век или два, не больше, — ответил Жиллиман. Цифру он назвал приблизительно, основываясь на обрывочных фрагментах записей, собранных на других отвоєванных мирах. Впрочем, информации в них оказалось достаточно, чтобы хотя бы частично проследить историю этой звездной системы в период Эры Раздора. — Далеко не все здесь дело рук орков.

Робаут сомневался, что зеленокожие умышленно причинили местным постройкам какой-то серьезный урон. Да, он видел ожоги и царапины, вызванные прохождением армии ксеносов, но все они были относительно недавними. А вот обрушения и каменные нагромождения выглядели гораздо старше. Природа уже успела как следует истесать их. Дорогу не обслуживали уже очень долгое время. Примарх нахмурился. Не это он ожидал найти.

Последняя петля серпантина вывела Ультрамаринов к широкой подъездной зоне у главного входа в руины. Наступающий легион загнал уцелевших орков назад, и теперь они собирались у огромных ворот высотой в сотню метров и шириной в шестьдесят. Створки были сделаны из темного блестящего материала. Они хоть и почернели, но выглядели несравнимо лучше изуродованной дороги. Жиллиман подозревал, что для их создания использовали сплав адамантия и железа. На поверхности были выгравированы большие руны на языке, которого Робаут не знал.

Ворота являлись частью стены поистине монументального сооружения. Обветшавшая пирамида выступала из склона, будто бы сама гора вытолкнула ее из своих недр. Строение явно возводили из горного камня, но каждый блок был машинным образом обработан до неузнаваемости. Высотой пирамида чуть-чуть не достигала горной вершины, а ее угловатая форма наводила на мысли о наполовину погребенном восьмиграннике. Стены каждого уровня выгибались наружу, что в сочетании с вертикальной осью создавало ощущение, будто здание нависает над двумя армиями, постоянно грозя опрокинуться.

Через равные промежутки на горном склоне виднелись и другие пирамиды — все наполовину торчащие из каменистой поверхности и с ужасными подъездными дорогами. Из отдельных пиков поднимались тонкие черные шпили. Между пирамидами находились развалины колоссальных строений — храмов или дворцов, — и их останки будто бы вновь сливались со склонами гор, из которых когда-то и были созданы. Фактически гигантские пирамиды остались здесь единственными относительно целыми достопримечательностями.

По регулярности их расположения Робаут предположил, что они служили оборонительными башнями, а сами горы — естественным крепостным валом.

Орки уже с ревом неслись вниз по покатому склону подъездной области.

— Только болтеры, — приказал Жиллиман. — Руины нужно сохранить.

Танки остановились, и дальше примарх повел за собой только легионеров Первого ордена. Длинные очереди реактивных снарядов разрывали в клочья передние ряды тварей. К тому моменту, когда две армии встретились, численность зеленокожих сократилась вдвое, но дрались они еще бешенее. Впервые с начала этой войны Жиллиману показалось, что орки сражаются, чтобы защитить свои владения. Они считали руины своими, и потому яростно пытались оттеснить Ультрамаринов обратно на равнину.

Жиллиман не снимал палец со спускового крючка Арбитра. Он посылая реактивную смерть перед собой, а подобравшись к окровавленной орде вплотную, пустил в ход другое свое оружие. Инкандор ослепительно сверкал в руке примарха, отсекая конечности и вскрывая глотки с каждым взмахом. Собственное тело он использовал как таран, и зеленокожие бугаи истошно вопили от боли и изумления, когда оказывалось, что это они, а не мерзкие людишки от столкновения разлетаются во все стороны. Он растаптывал кости и черепа. Он словно превратился в расчетливую смертоносную машину, которая не делала никаких лишних движений и не тратила ни капли лишней энергии ни на кого из врагов. Робаут разил их с мрачной решительностью, но безо всякого удовольствия. Ксеносам нет места на Тоасе, и то, что они пытались наложить свои грязные лапы на человеческие реликвии, воспринималось им как личное оскорбление. Но он — не Ангрон. Жиллиман убивал с жестокой эффективностью, но черпал удовлетворение лишь в победе и реализации своей стратегии.

Уничтожая орков, примарх и его сыновья вновь доказывали превосходство осмысленной войны над войной хаотичной, бездумной. Животная дикость неотвратимо отступала перед мощью разума. Отец Человечества нес просвещение Галактике, и пережиткам первобытного прошлого оставалось только исчезнуть навеки.

Стычка перед воротами вышла короткой. Ультрамарины превосходили орков и числом, и мощью оружия. И когда развеялся запах физелина, от врага остались лишь изувеченные тела в лужах крови, устлавшие землю перед створками.

Жиллиман решительно направился к воротам.

— Марий, — вызвал он по воксу, — составишь мне компанию?

Под надежной защитой инвиктских телохранителей Робаут принялся изучать руны на створках в ожидании Гейджа.

— Можете их прочесть? — спросил подошедший магистр-примус.

— Нет. Язык определенно человеческий, но относится к доготической эпохе.

— Почему вы так решили?

Жиллиман указал на третью от верхнего края левой двери руны.

— Посмотри на эти параллельные линии и соединительную кривую. Схожее начертание мы видели в рунных письменах, обнаруженных на Алето II. Но эти надписи старше.

— Значит, вы были правы: у человечества на Тоасе действительно очень долгая история.

— Да...

— Вы, похоже, не уверены, — сам же Гейдж был не на шутку встревожен.

Робаут улыбнулся:

— В нынешних обстоятельствах утверждать обратное было бы бесчестно. — Широким жестом примарх обвел развалины, просматривавшиеся на изогнутом горном склоне. На севере и юге колонны других орденов с боем прокладывали себе путь к назначенным им пирамидам. — Мне начинает казаться, что катастрофа, положившая конец местной цивилизации, тоже произошла очень давно.

— Получается, орки хозяйничают здесь дольше, чем мы предполагали?

— Возможно. В любом случае, давай сначала посмотрим, что ждет нас внутри.

Для своего размера двери открылись удивительно легко. Жиллиман приказал развести их силами «Носорогов», цепями привязав створки к бронетранспортерам. Камень уступил металлу, открывая легиону путь. Примарх в сопровождении Гейджа первым вошел внутрь. За ним последовали воины Первого ордена и техника, благо вход был достаточно широк для танков. Пока «Хищники» заезжали в пирамиду, Робаут приказал «Поборникам» оставаться у входа и выстроиться первой линией обороны на случай, если разобщенные банды орков у подножия гор предпримут попытку вернуть себе руины.

За воротами оказалось поистине необъятное помещение. Крыша пирамиды обвалилась, открывая внутренность серости вечного рассвета над горной грядой. Лучи нашлемных фонарей и прожекторов техники скользили по стенам. Когда-то пирамида насчитывала много уровней, но теперь все они исчезли, оставив после себя лишь обрывки железа да выдающиеся наружу террасы. А на первом этаже каменные плиты буквально утопали в мусоре и орочьих нечистотах. Мерзкая слизь покрывала кучи металлического хлама. Жиллиман видел покореженные останки того, что раньше могло быть лестницами или напольным настилом. А на стенах он заметил роспись. Фрески настолько поблекли, что невозможно было вникнуть в их смысл, — если они, конечно, вообще что-то означали. На нижнем уровне зеленокожие изуродовали весь интерьер собственными грубыми художествами — красно-черной гротескной мазней в форме рогатых оскалившихся морд.

— Так вот откуда они брали ресурсы, — сказал Гейдж.

— Похоже на то. — Жиллиман запрокинул голову и посмотрел на самый верх пирамиды. Если в прошлом на всех этажах лежал металлический настил, значит, в лапах орков оказались тысячи тонн готового к использованию материала. Опустив взгляд, Робаут уставился на один из рисунков зеленокожих. — Ты заметил что-нибудь на стенах?

Гейдж развернулся, осматривая помещение.

— Орки надругались только над нижними этажами, — изложил он свои наблюдения.

— Вот именно. — Кое-где следы пребывания тварей виднелись и в районе второго уровня, но в большинстве своем тотемные морды скалили зубы только у фундамента пирамиды. — Как ты думаешь, почему так?

— Были слишком заняты мародерством?

— Возможно.

Самому Жиллиману такое объяснение не нравилось. Слишком уж оно простое. Кроме того, оно не учитывало животный энтузиазм зеленокожих. А ведь эти твари — вовсе не безмозглые сервиторы. Робаут подошел к ближайшей стене и принялся изучать схематичные орочь физиономии поверх оригинальной росписи создателей пирамиды. Некоторые рисунки зеленокожих выглядели совсем свежими, некоторым на вид можно было дать около сотни лет. Краски поблекли, но до выцветания фресок им было еще очень далеко.

— А что если этажи обрушились еще до вторжения? — предположил Жиллиман. —

Тогда заявившиеся сюда орки застали бы довольно высокие горы обломков, — он указал вверх. — А уже разбирая их от вершин, зеленокожие развлекали себя вандализмом.

— Морды наверху кажутся более блеклыми, — заметил Гейдж.

Примарх кивнул:

— Они старше. А фрески еще старше. Намного.

Он поднял глаза к дыре в крыше пирамиды в сотне метров над головой. Будь у него достаточно времени изучить ее края, нашел бы он свидетельства вины орков в произошедшем? Вряд ли.

— Но если этажи обрушились... — начал было Марий.

— Да. Теоретически — эта цивилизация пала еще до прихода орков. — Робаут провел рукой в латной перчатке по стене. — Здесь чувствуется явная разбежка по времени. Эти фрески выцветали гораздо дольше, чем их вымарывали орки.

— Что, по-вашему, здесь произошло? — спросил Гейдж.

— Слишком рано что-то утверждать, — поджал губы примарх. — Чтобы культура потерпела крах, порой даже не нужен внешний враг. Народности рождаются, стареют, постепенно теряют свои внутренние связи, разваливаются на части и в итоге умирают. В Эпоху Терры жил летописец по имени Уиллем Йаитус^[13]. Отец показывал мне некоторые отрывки из его сохранившихся работ. Он писал о жизненных циклах цивилизаций и об их неизбежном конце: «Все рушится, основа расшаталась»^[14]... Эта трагедия всегда была неотъемлемой частью человеческой истории, Марий. Отец пытается вырвать нас из этого порочного цикла.

Жиллиман вздохнул, глядя на работу древних мастеров, обернувшуюся единственной памятью о них, в искреннем сожалении об утраченной истории. Он пришел на Тоас, рассчитывая провести рутинную истребительную операцию. И даже когда обнаружили руины, он не тешил себя пустыми надеждами. Робаут твердил себе, что не найдет здесь ничего ценного и лишь заполнит очередное белое пятно в человеческой истории. Он принял как должное, что не встретит здесь живых людей. Надеяться на что-то иное в сердце орочьей империи было бы безумием.

«Но ты все же надеялся что-то найти, не так ли?»

«Да. Да, надеялся».

Он надеялся увидеть следы героического конца. Цивилизация, которая построила такие пирамиды, могла позволить себе уйти красиво. Она бы не пала к ногам орков без ожесточенной борьбы.

«Только вот орки к ее падению не имеют никакого отношения».

Он уже догадывался, что найдет легион, углубившись дальше в развалины. Признаки внутреннего гниения и распада. Останки культуры, сбившейся с пути и прогнувшейся под собственным весом. Следы стремительного падения с некогда достигнутых вершин. Славы тут ждать не стоит. Робауту не нравилось думать, что орки наполнили этот мир энергией жизни, хотя именно это, судя по всему, и случилось. Прибывшие зеленокожие обнаружили пустую оболочку и превратили ее в свое новое обиталище.

Мотнув головой, он отогнал меланхолию прочь. Отвоевание все еще имело смысл. Тоас может стать частью Ультрамара. Этот мир вновь оживет, наполнится энергией света и разума. И его история воспрянет из мрака долгой ночи, куда она некогда канула.

За это стоило побороться.

— В чем, по-вашему, было назначение этого сооружения? — спросил Гейдж.

- Похоже, у тебя самого есть мысли на этот счет.
- Теоретически — это мог быть военный командный центр.
- Металлический настил, — сообразил Жиллиман.
- Да. Он чрезвычайно функциональный, но плохо подходит для жилых зон.
- Твоя гипотеза предполагает схожие функции и для других пирамид.
- Так точно.
- Получается, весь этот горный регион представляет собой единую крепость.
- Особенно если учесть, что пирамиды соединены друг с другом.
- Крепости возводят для обороны, — рассуждал дальше Робаут. — Обороны от кого?
- Не имею ни малейшего понятия.

Как не имел и Жиллиман. Предположение Мария не было лишено смысла, но поднимало много новых вопросов.

- Мы найдем ответы, — сказал Робаут, — как только закрепимся на этой позиции.

Он вызвал по воксу Хаброна:

- Орки уже выдвинулись в нашу сторону?

— Некоторые, — доложил технадесантник. — Немного. Нынешних приготовлений хватит, чтобы отогнать их. На юге все еще идут бои, но основная масса противников сосредоточена на севере от нас.

- Как ты оцениваешь состояние врага?

- Сил у них еще предостаточно. Действовать, не зная точно их численности...

- Рассуждай.

— Похоже, наша стратегия дала плоды. Основной удар Первого ордена привлек к себе внимание орды, что привело к образованию в ней ядра. Вторая волна уничтожила это ядро. Орки понесли серьезные потери.

- Но ты можешь предположить, насколько серьезные?

- Любая попытка будет недостоверной.

— Согласен. — Хаброн благоразумно осторожничал, но успех первого наступления был очевиден. Жиллиман обернулся к Гейджу: — Мы двинемся на север, оценим масштабы руин и соединимся с другими орденами. Возвышенности теперь в наших руках. Оркам придется прорываться вверх с равнины, и их волна разобьется о наши позиции.

На трех уровнях пирамиды начинались широкие сводчатые туннели, ведущие на север и юг. Добраться до верхних проходов не представлялось возможным, но те, что располагались на нижнем этаже, явно были спроектированы с расчетом на перемещения больших скоплений техники и людей.

«Солдат», — поправил себя Жиллиман. Гейдж был прав. Руины действительно походили на одну гигантскую военную цитадель.

Что вновь поднимало вопрос: «Против кого эти люди воевали?»

Во главе с примархом Первый орден начал свое шествие во тьму, неся свет в поисках прозрения. Из глубины руин доносились отголоски орочьего рева.

Двадцать второй орден захватил вход в назначенную ему пирамиду спустя три часа после того, как самая первая попала в руки Ультрамаринов. Воины Иаса сражались далеко на севере и последними вошли в руины. Магистру это было хорошо известно. Пробиваясь вверх по горному склону, он слышал по командной вокс-сети доклады от других орденов и потому точно знал, когда они штурмовали руины, зачищали их и закреплялись на новой

территории. Иас не видел ничего зазорного в том, чтобы быть замыкающим, а вот реакция Сирраса всерьез его беспокоила. Он знал, что капитан был не согласен с отказом провести отвлекающий бросок к каньону. Но лишь когда воины Двадцать второго ворвались в пирамиду, Иас осознал всю глубину недовольства Сирраса.

— Магистр, мы теряем инициативу, — высказался по воксу капитан.

— Объяснитесь, — потребовал Иас, исходя скорее из необходимости, нежели из собственного интереса.

Последний рывок оказался трудным и кровавым. Орки свирепо защищались, нескончаемым потоком изливаясь из ворот древней пирамиды. Словно могучая волна, они столкнули два «Лэндрейдера» и «Носорог» с подъездной дороги. Громыхая и кувыркаясь, машины катились по склону, пока не закончили свой последний путь в пламени взрывов на равнине тысячей метров ниже. Сейчас же Иас стоял в центре огромного зала на нижнем уровне пирамиды, и с его доспеха на пол стекала мерзкая орочья кровь. При каждом вдохе ноздри и легкие переполняла густая вонь мертвых бугаев. Воины 221-й роты заняли позиции у входа, образовав непроницаемую стену из керамики, тогда как разведывательные отделения готовились выдвинуться дальше вглубь руин через северный проход.

Орден понес тяжелые потери, и, как будто этого было мало, легионеры упорно отказывались воспринимать его как брата — даже те, кто родился на Макрагге. Сиррас так и вовсе опасно балансировал на грани открытого неповиновения, и Иас больше не собирался терпеть его негодование.

— Другие орден вытеснили остатки орды из развалин. Орки видели, что мы отстаем и что наша позиция еще не защищена должным образом. Теперь они сосредоточат все усилия именно на нас.

— У нас выгодная позиция, и, когда они явятся, мы уничтожим их, — отрезал Иас.

Магистр стоял рядом со своим командным «Носорогом» — «Праксисом». Закончив разговор с Сиррасом, он несколько раз громко постучал кулаком по борту машины. Дверь отъехала в сторону, и изнутри высунулся технадесантник Локсиас.

— Что скажешь?

— Преследующие нас зеленокожие остановились. Теоретически — они хотят дождаться подкрепления, не подставляясь под огонь наших пушек.

— Сколько это может продлиться?

Локсиас развернулся к экранам с данными.

— Дольше, чем я предполагал. Похоже, вся орда сбавляет ход у подножия гор.

— Ты уверен?

— Я сверил свои аналитические показания с ауспиками других рот и орденов.

Иас нахмурился. Когда дело касалось орков, любой намек на мало-мальски хорошие новости невольно вызывал у него подозрения. Единственным положительным исходом могло быть только полное их истребление.

— Предположения? — спросил магистр; чтобы лучше видеть экраны ауспиков, он залез через боковую дверь внутрь бронетранспортера.

— Ничего хорошего, — ответил Локсиас. — Такое поведение нехарактерно для орков.

Иас коснулся монитора.

— Орда выглядит меньше прежнего.

— Да, она занимает меньшую площадь, — подтвердил технадесантник.

— Ее так истожили потери?

— Возможно. Либо зеленокожие плотнее жмутся друг к другу. — Локсиасу такая идея явно не пришлась по душе.

— Ты так считаешь?

— Уменьшение площади и снижение скорости позволяют предположить рост плотности.

— Но?

— Тактическая выгода весьма сомнительна. Сколько еще орков сможет атаковать нас одновременно?

— Ты приписываешь им стратегическое мышление. Это орки, брат. Их не так-то сложно обвести вокруг пальца, — пробормотал Иас. — Они видят перед собой лишь множество целей, мы же в первую очередь отталкиваемся от множества точек обороны.

Донесения из других пирамид рисовали картины, в корне отличающиеся от той, которую увидел Двадцать второй орден. Все остальные постройки имели обширные внутренние разрушения. Верхние этажи обрушились, а металлический настил растащили орки. Но самая северная пирамида сохранилась гораздо лучше других, причем как снаружи, так и внутри. Ведущая к южному склону дорога разделялась на четыре съезда, и каждый следующий поднимался под более крутым углом к входам на верхние уровни. Внутри полы вместо металла были выложены камнем многометровой толщины, благодаря чему с легкостью могли выдержать и пехоту, и технику. Каждый уровень представлял собой огромный и совершенно пустой зал, заваленный разве что мусором и провонявший зеленокожими. Стены были покрыты расплывчатыми потускневшими фресками и отвратительной орочьей пачкотней. От восточного края зала отходило несколько рамп, достаточно широких, чтобы два танка могли проехать по ним бок о бок.

— Ты сообщил примарху о нашей находке? — спросил Иас.

— Я говорил с моим коллегой на «Пламени Иллириума», — уточнил Локсиас. — Лорд Жиллиман считает совершенно необходимым сохранить эту пирамиду.

Иас и сам пришел к такому же выводу. В руинах запечатлена человеческая история, и Ультрамарины вырвут ее из лап орков. Если где и можно узнать что-то стоящее, то в этой пирамиде.

— Есть кое-что еще, — сообщил технадесантник и сменил настройки. На пикт-экранах возникла схема сооружения, целиком выделенная ярко-красным цветом. — Уровни радиации в этой постройке намного выше тех, что зафиксировали другие ордены.

— Насколько все плохо?

— Для смертных продолжительное облучение будет фатальным.

Это означало, что генетически улучшенные тела легионеров, к тому же защищенные силовыми доспехами, смогут выдержать опасность. Однако даже так сбрасывать аномалию со счетов не стоило.

— Можешь определить источник?

— Нет. Область слишком широка.

— Остаточный эффект от бомбардировки?

— Видимых повреждений нет. — Локсиас переключил изображение на экране. Теперь он демонстрировал распределение уровней излучения по всей горной цепи. — Но в руинах повсюду радиация, — сказал он, показывая Иасу данные. — Это согласуется с остаточным эффектом древней бомбардировки, отмеченным и в других постройках. Предположение о том, что конфликт имел место по меньшей мере тысячу лет назад — а вероятно, и того

раньше, — подтверждают показания приборов.

— Но эта пирамида уцелела, — заметил Иас.

— Однако уровень радиации гораздо выше.

— Да.

«И что ты будешь делать с этой информацией? — задумался Иас, но в следующую секунду сам себе же и ответил: — Пока что ничего».

— Прошу прощения, магистр, — голос Локсиаса заметно переменялся, — примарх хочет обратиться ко всему легиону.

Иас выпрямился, когда в его вокс-бусине зазвучал голос Жиллимана:

— Ультрамарины! На равнине мы вели бой по своим правилам. Пришла пора закрепить успех. Мы заставили врага сплотиться и раздавили его сердце. Давайте повторим это.

Примарх излучал силу и уверенность, а тщательно подобранные слова были наполнены знаниями и опытом. Он не позволял себе ни капли высокомерия и не давал никому из своих сыновей повода в нем усомниться. Иас слушал речь генетического отца и слышал песнь неотвратимой победы.

— Теоретически — выбор плацдарма задает тон войне, вынуждая противника действовать в условиях ограниченных возможностей. Практически — мы займем руины, очистим их от зеленокожих и закрепимся там сами. Враги придут за нами, и мы снова разобьем их, на этот раз окончательно.

Когда примарх закончил свою речь, Иас обратился к Двадцать второму ордену.

— Братья, — сказал он, — нам оказана честь стать тем волнорезом, о который разобьется вражеский прилив. Укрепите нашу оборону. Пусть орки думают, что взяли нас в осаду. На самом деле они лишь подставляют свои шеи под наши карающие клинки.

На мгновение Иас задумался, а затем вышел из «Носорога» и по закрытому каналу вызвал Сирраса.

— Вам все ясно, капитан? — холодно спросил он.

И получил такой же ледяной ответ:

— Кристально, магистр.

— Лабиринт лабиринтом, но хотя бы просторный, — пробурчал Ризон; стоя посреди перекрестка, разведчик 223-й роты смотрел то в одну сторону, то в другую, не в силах решить, где же пустая темнота выглядит привлекательнее.

Таркус согласно хмыкнул. Сержант представлял себе туннели переполненными, и потому картина запустения действовала ему на нервы, особенно остро напоминая об исчезновении целой местной цивилизации. А ведь когда-то здесь, в этих переходах, миллионы людей трудились во имя великой цели... Но зато военная природа руин теперь стала более чем очевидна.

За пирамидой туннели превращались в настоящую сеть, каждая ветвь которой расходилась еще на несколько. Такая паутина ходов запросто могла простираться под горами на сотни километров. От основных путеводных артерий через нерегулярные промежутки отходили туннели поменьше, порой достаточно широкие для отдельных машин. Кроме того, вблизи крупнейших перекрестков чаще всего зияли огромные дыры шахт с желобами по краям, способные целиком проглотить «Поборник».

«Возможно, остатки гравелифта или чего-то похожего», — предположил Таркус. Горы были настолько испещрены ходами, что начинало казаться, будто от них осталась лишь

хрупкая полая оболочка.

Многие тропы были завалены в результате камнепадов, и отделению Таркуса так часто приходилось возвращаться или идти окольными путями, что стало совершенно невозможно вести планомерную разведку. В туннели отправилось множество отрядов, и на долю 223-й роты выпала та часть подземной сети, куда вели ворота на третьем уровне пирамиды.

Местами разрушения были особенно обширны — целые участки крыши провалились внутрь, открывая туннели ночному небу. Холодный ветер Тоаса завывал в хитросплетении коридоров подобно привидению. Некоторые большие прорехи имели ярко выраженную округлую форму. «Результат бомбового удара, — сообразил Таркус, — причем достаточно давнего». Эрозия разровняла края дыр, и под ними скопились горы щебня и песка, нанесенные ветром.

Повсюду виднелись следы орков, обживших развалины. Но тот урон, который они причинили сооружениям, выглядел намного моложе обвалов и кратеров. Комплекс погиб задолго до прихода зеленокожих.

Вернулся Фирел — он разведывал следующую сотню метров восточного прохода.

— Там все то же самое, — сообщил легионер. — И еще больше ответвлений.

Таркус кивнул. Настало время нового отчета капитану. Сержант по воксу связался с Сиррасом.

— Ситуация неизменна, — доложил он. — Никаких признаков врага, но регион, который нам поручено взять под контроль, расширяется чем дальше, тем больше.

— Его реально удержать? — спросил капитан.

— Вряд ли. Эта сеть достаточно велика, чтобы вмещать миллионы людей.

— Ты предлагаешь держаться пирамид?

— Так точно. Пусть враг сам придет к нам. Уж орки точно явятся, их и звать не надо.

— Очень хорошо, — после минутного раздумья ответил Сиррас. — Возвращайтесь в...

Громкий и гулкий разноголосый вой оборвал капитана. Он раздался одновременно со всех сторон. Зеленокожие объявились, причем совсем рядом.

— Контакт?! — взревел Таркус.

— Никак нет! — отозвался Ризон. — Они вне зоны охвата ауспиков.

Отскакивающее от стен эхо многократно усиливало звук, отчего орки казали ближе, чем на самом деле.

— Всем разведчикам Двадцать второго ордена, — вызвал по воксу сержант, — кто-нибудь видит врага?

Ему ответил хор голосов, наперебой задававших тот же самый вопрос, пока наконец Заракас из 221-й не закричал:

— Есть! Двести метров на северо-северо-восток от пирамиды! Быстро приближаются!

— Разведчики, — вмешался Иас, — уходите. Возвращайтесь к плацдарму!

— Отступаем! — приказал Таркус своему отделению, держа болтер наготове. — Следи за ауспиком, — отдельно он сказал Ризону и передал ему координаты, полученные от Заракаса.

— Но это между нами и пирамидой, — сверился с прибором Ризон.

— Вот именно.

К этому моменту бойцы продвинулись почти на километр на северо-восток вглубь разрушенной подгорной сети. На бегу Таркус слушал голос Заракаса. Разведчик докладывал о перемещениях орков каждые несколько секунд. Расстояние до врага стремительно

сокращалось.

— Они, наверное, лезут по шахтам, — предположил Фирел.

— Тогда почему мы их еще не видим? — поинтересовался Ризон.

Внезапно голос Заракаса оборвался. Его вокс-передача растворилась в буре статических помех, криков и выстрелов. А затем связь и вовсе пропала.

А в следующую секунду Ризон сообщил:

— Я их вижу.

— Где? — потребовал конкретики Таркус.

«Как?» — пронеслось у него в голове. Его отделению оставалось еще несколько сот метров до обозначенной позиции. «А если орки пошли не напрямую?» Моргнув, сержант переключил визор в режим поиска целей, но по-прежнему ничего не увидел.

Повсюду, — с мрачной решимостью сказал Ризон; он уже понял, что будет дальше, и принял это.

Эхо оглушало. Казалось, сами стены воют, словно туннели превратились в чрево титанического животного. По воксу обрывочным потоком поступали доклады от других отделений. За считанные секунды руны ауспиков сменились условными обозначениями схваток. Оценить размеры или направление движения орды не представлялось возможным.

«Ризон прав, — понял Таркус. — Они повсюду».

Орки атаковали разведчиков на следующей развилке. Твари не просто хлынули из боковых проходов — они поперли буквально изо всех щелей в стенах главной магистрали. Словно прорвав плотину, зеленый прилив захлестнул туннель.

«Повсюду».

Таркус и его разведчики открыли огонь — сразу и вперед, и назад. Они все еще отступали к пирамиде, потому что таков был приказ, а нет ничего правильнее исполнения своего долга до конца. Воины бежали по туннелю, достаточно высокому и широкому, чтобы в нем мог свободно пролететь «Громовой ястреб». И от края до края его наводнили орки. Навстречу Таркусу шла настоящая волна. Тысячи зеленокожих против одного-единственного отделения. За спиной Таркус слышал грохочущий топот множества подбитых железом сапог. Он видел, как орки падают от его выстрелов, и отчетливо понимал; он пытается из болтера застрелить океан.

Снаряды барабанили по его броне, откалывая куски керамики. Удачным попаданием пуля разбила правую линзу шлема. Перекрестный огонь двух орд десятками косил самих орков. Обстрел был настолько плотным, что сержанту казалось, будто его и спереди, и сзади избивают силовыми кулаками. Разведчики не имели доспехов, которые могли бы выдержать такой мощный натиск, и падали, изрешеченные десятками пуль. Ризон остался последним. Из последних сил он повис на плече Таркуса. Левая рука бойца была сломана, нагрудник разбит вдребезги, а в теле зияли слишком большие дыры, чтобы клетки Ларрамана могли их закрыть. Он истекал кровью, но продолжал бороться.

— Цель... — выдохнул Ризон.

— Достигнута, — ответил ему Таркус, посылая снаряд за снарядом в бегущих орков; ему удалось сразить еще нескольких.

«Мы выполнили свою задачу, — сказал он себе. — Враги первым делом пришли за нами. Мы выиграли ордену время на подготовку».

Сержант кричал предупреждения в вокс, сопровождая их указанием своей текущей позиции.

Ризон умолк, но продолжал перебирать ногами и отстреливаться.

— Берегитесь стен! — напутствовал Таркус. — Орки знают о других шахтах! Они...

Гигантский орк прибавил ходу и вырвался вперед орды. Монстр был вдвое выше Таркуса, а его морда выглядела бесформенной массой шрамов вокруг кривых клыков. Наступая, он размахивал огромным топором. Пули ударили сержанта в спину, и он, споткнувшись, налетел на оружие врага. Лезвие пробило ворот его брони и вспорол горло. Таркус потерял возможность говорить и дышать. Кровь хлынула в его легкие. Воин вскинул болтер с зажатым спусковым крючком, прошив орка разрывными снарядами.

Враги сзади прекратили стрелять — они нагнали последних разведчиков. Колун вошел в череп Ризона. Таркус развернулся, чтобы отомстить, и тут зверь с металлическим кулаком ударил его в грудь. Броня выдержала, но удар отбросил сержанта назад, прямо в лапы других орков. Зеленокожие принялись яростно рубить его грубо склепанными тяжелыми топорами. Любого смертного они бы моментально разорвали на куски. Таркус тонул под беснующимися телами, но все еще стрелял и слышал крики раненых чудовищ.

Раздавались и другие — слабые, дребезжащие, они звучали в его ухе. Это Сиррас выкрикивал имена сержантов разведывательных отделений 223-й роты. Ему никто не отвечал.

Таркус попытался, но не смог, захлебываясь кровью. Его руки отяжелели и двигались слишком медленно, тогда как орки истязали его с силой и скоростью подлинно дикой, неукротимой, взрывной жизни.

Сержант не прекращал попыток, даже когда тьма опустилась на его глаза. Он надеялся, что капитану хватит времени, чтобы подготовить тварям теплый прием.

Вокруг него воцарилась тишина. Орки разевали свои поганые пасти, но из них не вырывалось ни звука.

Лезвия находили щели в его броне. Топоры поднимались и падали. Он смотрел на них совершенно бесстрастно, словно они больше и не терзали его тело.

«Хватит ли?» — задумался он, но спросить больше было не у кого.

Таркус погружался в землю, утопая в зеленом приливе.

5 Заражение Сохранение Отступничество

Конфликт тактических потребностей должен быть разрешен путем строгого приложения теории. Теоретические методы позволяют определить относительную значимость конкурирующих задач. Такое соотнесение является критически важным, поскольку сделать неправильный выбор — все равно что вложить оружие в руки врага. Любая ошибка чревата самыми серьезными последствиями, и одно-единственное действие может привести к поражению независимо от тактики противника. Более того, соперник может вообще не прибегать ни к какой тактике. Война — это самобытное явление, и хотя ее определяют принимаемые

участниками конфликта решения, верные либо пагубные, ни одна из сторон в полной мере ее не контролирует. В лучшем случае войну можно направить в нужное русло, но такая возможность бесполезна без грамотного использования. Таким образом, теория является не просто важным, но совершенно необходимым условием победы. Решения, не имеющие должной теоретической подоплеки, гарантированно ведут к роковому исходу.

Робаут Жиллиман «О практической необходимости теории», 22.5.lv

Вид фрески заставил Жиллимана остановиться. Это случилось еще до того, как поступили известия от Двадцать второго — в те последние секунды, когда война на Тоасе еще шла по плану.

В последующие наполненные болью годы Робаут нечасто возвращался мыслями к этому моменту. Казалось бы, гораздо более страшные воспоминания должны были давно вытеснить его. Но даже в тот проклятый период между Тоасом и Калтом, когда горело все то, во что Робаут верил, а он наивно ни о чем не подозревал, ему было противно думать, что он увидел на той фреске. Размышляя о войне на Тоасе, он всегда пытался поскорее проскочить этот эпизод. Много об этом мире он хотел бы забыть. Жиллиман твердил себе, что память о произошедших там событиях несущественна, бесполезна и даже опасна. Избавиться от нее — значит совершить доброе дело.

Он хотел обратиться к тогдашнему себе, вразумить его. А потом, когда Галактика вспыхнула и ему пришлось столкнуться с последствиями собственной слепоты, боль от той давней войны вернулась к нему с новой силой. Все то, чего он не видел или предпочел не видеть, аукнулось. Параллели с прошлым напрашивались сами собой, и его душу вновь сковали печаль и ярость.

Жиллиман и отобранные им роты уже далеко углубились в руины и продвигались на север. Петляющая дорога постоянно упиралась в наглухо заваленные перекрестки. Воинам приходилось идти в обход, выбирая самые просторные из туннелей, достаточно широкие для тяжелой техники. Под землей пролегли настоящие магистрали, открытые небу в тех местах, где обвалился высокий потолок. Здесь, как и в пирамиде, примарх видел фрагменты настенной живописи, поблекшие от времени и теперь выглядевшие неясными разноцветными пятнами.

Но прямо перед тем, как все пошло кувырком, Жиллиман и его сыновья наткнулись на нетронутый участок крепостного комплекса. Проход вел через огромный сводчатый зал. «Зона сбора войск», — предположил Робаут. Орки догола ободрали и ее, но здесь следы мародерства зеленокожих виднелись даже на верхних платформах, своими размерами походивших на посадочные площадки. Пол был завален обломками, а от жуткой вони на глаза наворачивались слезы. Чужаки сделали это место своим обиталищем. Зеленокожие варвары годами уродовали стены нижнего уровня, но выше, куда не могли достать ни орки, ни ветер, фрески сохранили свой первозданный вид, хоть и почернели от едкого дыма костров. Местная роспись выдержала испытание временем гораздо лучше, чем в любом другом регионе, по которым проходили Ультрамарины.

Прожекторы на танках осветили фреску. Жиллиман замер, Гейдж встал сбоку от него.

Бойцы рот терпеливо ждали своих командиров. Машины приглушили двигатели, и мягкое эхо их размеренного рокота гуляло во мраке под сводами зала. Робаут смотрел вверх, внимательно изучая картину. Тематика явно была военной, что неудивительно. Полководцы по тридцать метров ростом застыли на изображениях в героических позах, а за их спинами виднелись выцветшие очертания подчиненных им сил.

— Это формы выглядят знакомо, — сказал Гейдж, указывая на грубые силуэты.

— «Лэндрейдеры», — тоже узнал Жиллиман. — Стало быть, они владели Стандартными Шаблонными Конструкциями.

Взгляд примарха вновь вернулся к военачальникам. Что-то в них притягивало к себе внимание и вызывало беспокойство.

«В чем же дело? — не понимал Жиллиман. — Анализируй детали».

Он пристально разглядывал каждый сантиметр фрески, но не видел ничего, что показалось бы ему неправильным. Крой одежды, форма фуражек, суровые выражения на лицах — все это говорило о непререкаемом авторитете этих мужчин и женщин, восхваляя их доблесть и воинское мастерство.

Возможно, ответ таился в скрытой части изображения — в тех туманных образах, что утратили былую ясность, но сохранили остатки заложенного авторами смысла.

— Этим солдатам чего-то не хватает, — произнес Гейдж.

— Согласен, — кивнул Жиллиман, чуть приблизившись к пониманию того, что не так с картиной на стене. — Я не чувствую, чтобы они сражались во имя чего-то важного.

— Скорее, они сражались вопреки этому.

— Да. Иначе и не скажешь.

Примарх смотрел на фреску всего несколько секунд, хотя ему самому, погруженному в раздумья, это время показалось вечностью. Но когда неприязнь Робаута наконец стала обретать форму, внезапно ожил вокс.

Орки перешли в контрнаступление, и Двадцать второй орден принимал на себя самые мощные удары.

Зеленокожие выскочили на свет фар танков. Они миновали изгиб туннеля и ринулись к выходу на нижний уровень пирамиды, завывая в победной ярости. За считанные секунды твари заполнили весь проход от края до края. Здоровенные громы вколачивали неудачливую мелкоту в стены, даже не замечая ее.

Иас встречал врага у огромных ворот, стоя между «Лэндрейдерами».

«Туннель слишком широкий, — подумал он. — Все равно что снова воевать на равнине».

И скомандовал:

— Огонь!

Лазерные лучи прожгли вражескую колонну, одним ударом испепелив множество орков. Сразу за ними в дело вступили тяжелые болтеры. Передние ряды зеленокожих исчезли в урагане разорванной плоти, крови и сполохов огня. Отдельные снаряды пролетали насквозь и били по дальней стене. Камень пронизала дрожь. Туннель загудел, а затем все сооружение резко трянуло. В свете танковых фонарей воздух моментально посерел от пыли и каменной крошки, посыпавшихся с потолка. По стенам и полу побежали трещины. И с каждой секундой обстрела толчки лишь усиливались.

Иас немедленно активировал вокс:

— Всем ротам, прекратить огонь! Бой вести только пехоте! Структурная целостность руин нарушена!

Только сейчас магистр понял, насколько обманчивой была внешняя сохранность пирамиды. Что бы ни повредило другие постройки и ни пробило дыры в крышах туннелей, это место оно стороной не обошло. Колоссальный монумент былой цивилизации и сам застыл на грани гибели.

«Лэндрейдеры» 221-й роты умолкли, но дрожь не унималась. Разъяренные орки сломя голову неслись вперед по останкам сородичей. Иас все еще слышал откуда-то с верхних этажей гулкой ритмичный грохот снарядов, что отдавался в стены, потолок и даже камень под его ногами.

— Отставить огонь! — заорал он в вокс. — Не стрелять!

Ритм стих. Толчки прекратились, но пыль еще сыпалась на пол и в туннеле, и в главном зале пирамиды. Орки преодолели уже треть пути до ворот. В сторону Ультрамаринов со свистом полетели самодельные, но мощные крупнокалиберные пули. Тысячи уродливых топоров и мечей вскинулись в едином порыве, и в воздухе отчетливо запахло мускусным ароматом неутолимой жажды крови.

— Братья 221-й! — закричал Иас и тоже воздел над головой силовой меч. Пыль мерцала ярким нимбом вокруг его объятых лазурным полем клинка. — За мной, вперед! Отвага и честь!

«Они все — мои братья, хоть многие так и не считают». Быть может, так не считал вообще никто. Но он был их магистром, и они ответили на его призыв. Могучий таран из синего с золотом керамика ринулся из пирамиды навстречу оркам. Шквал болтерных снарядов многократно превосходил по силе жалящий рой орочьих пуль, не уступая по смертоносности даже пушкам «Лэндрейдеров». Зеленокожие десятками падали замертво. В какой-то момент стало казаться, что волна застыла на одном месте.

Но иллюзия прожила недолго. Прилив был слишком силен и велик. Он неутомимо приближался к Ультрамаринам, и тысячи животных голосов сливались в едином оглушительном реве.

В последние секунды перед столкновением передний край фаланги Двадцать второго ордена вытянулся узким клином, и идущие позади по обеим сторонам возобновили огонь из болтеров. Наконечник копья вонзился в орду орков с силовыми мечами и цепными клинками наперевес.

Два воинства сближались стремительно, но, когда Иас первым врубился в зеленое море, время будто еще больше ускорило свой бег. Орки проносились мимо, видя только легионеров перед собой и не обращая на него никакого внимания. Магистр рубил и расстреливал зеленокожих, и его движения складывались в повторяющийся смертоносный узор. Все происходило слишком быстро, чтобы твари успевали защищаться от его ударов. Одним взмахом силового меча Иас обезглавил очередного зеленокожего. Голова отлетела куда-то влево, из обрубка шеи фонтаном брызнула кровь. Воин выстрелил из болт-пистолета в багровую пелену и продырявил череп следующего врага еще до того, как тело первого рухнуло на землю. Между тем меч устремился в другую сторону и пронзил горло еще одного орка. Итого три трупа за два шага.

Он рубил и стрелял, не останавливаясь ни на мгновение, и клинок в его руке был подобен ослепительной молнии. Словно жнец, он собирал свою кровавую жатву, все дальше погружаясь в дикий прилив. За его спиной легионеры 221-й роты тоже усердно сокращали

поголовье орков. Каждый боевой брат сражался любимым оружием в удобной для себя манере, но все вместе они составляли единый смертоносный механизм.

Всего за полминуты Ультрамарины остановили волну зеленокожих. За полминуты кобальтовый клин глубоко вошел в зеленую орду. Целых полминуты магистру ордена Немезиды казалось, что попытка отстоять пирамиду вот-вот перерастет в настоящее наступление.

Эта иллюзия продержалась намного дольше первой, но затем умерла и она. Поток орков не иссякал. Громадные бугаи продирались через своры меньших сородичей. Один протянул было бугрящиеся мышцами лапы к Иасу, но магистр вогнал три снаряда ему в грудь. Броня из ободранных металлических листов разлетелась дождем осколков, разрывные болты пробили в теле дыры размером с кулак. Орк взревел от боли, но не остановился. Однако выстрелы сбили его прицел, и он ударил Иаса топором лишь плашмя, но зато с такой силой, что оружие переломилось.

Иас услышал, как трещит на левом боку керамит доспеха. Его отбросило вправо, прямо на других беснующихся орков. Все они попадали в одну кучу. Иаса придавило к земле. Магистр зарычал, упер ствол болт-пистолета в тело навалившегося сверху чудовища и выстрелил. Он нажимал на спусковой крючок так быстро, что взрывы снарядов буквально разметали нападавших. Воин встал на ноги, и в этот момент гигант схватил его обеими руками за плечи, заорав что-то на своем варварском языке. Орк рывком вздернул десантника в воздух, сжимая его изо всех сил и явно надеясь расплющить в лепешку. Оторвавшись от земли, Иас выбросил навстречу врагу руку с мечом, и орк буквально выпотрошил сам себя. Бугай замер на мгновение, держа Ультрамарина на вытянутых руках и таращась на него с неверием и гневом. А затем бессильно разжал пальцы, и Иас рухнул обратно в живой кипящий котел.

Таких зеленокожих громил вокруг возникало все больше. Они двигались медленнее прочих, но представляли куда большую опасность, и убить их было намного труднее.

Продвижение Ультрамаринов постепенно замедлялось, пока не застопорилось окончательно. Теперь орки прибывали быстрее, чем легионеры успевали их убивать, и с каждой секундой кровавой сечи ярость придавала зеленокожим новые силы. Копье 221-й роты налетело на непробиваемый камень.

— Встать стеной! — приказал по воксу Иас. — Никого не пропускать!

Клин Ультрамаринов растянулся шеренга за шеренгой от одного края туннеля до другого. Если орки хотят вернуть себе руины, то сначала им придется пройти по трупам тысячи легионеров.

«А им только этого и надо», — пронеслась в голове Иаса упадническая мысль.

И следом за ней пришла еще одна, не лучше предыдущей: орки сражались вовсе не за развалины. Зеленокожие искали только хорошей драки, и они не успокоятся, пока от Ультрамаринов не останется и мокрого места. Разве не поэтому легион прибыл на Тоас? Разве не для того, чтобы искоренить зеленую заразу?

Но открытие руин все изменило. Лорд Жиллиман приказал во что бы то ни стало их удержать и сохранить. Так что теперь Иас воевал не только ради уничтожения, но и во имя спасения. Внезапно в своих сердцах он ощутил укол зависти. Орки не знали никаких ограничений и подчинялись только своим низменным инстинктам, сражались так, как хотели, и в этом была их истинная дикая свобода.

Но в ту же секунду магистр отмел прочь поганые мысли и насадил голову очередного

бугая на меч. Орки жили без цели, без смысла. В мире порядка и света их существование было не более чем недоразумением.

Но при этом зеленокожие славились на всю Галактику своей беспощадностью, силой и неутолимой жадной боя. И многочисленностью. Двадцать второй орден пытался сдерживать воистину могучую волну. Иас силился плыть против бешеного течения, но сколько бы орков он ни убивал, ему было более не по силам клинком и пистолетом остановить прилив зеленого моря. Ревущие твари бросались в бой и погибали, но лишь для того, чтобы другие с таким же ревом бежали к врагу по их телам, — и так до бесконечности. Двадцать второму ордену не сдержать зеленокожих. Рано или поздно плацдарм в пирамиде падет.

«Но ведь нам и не нужно сдерживать их».

Мысль снизошла на Иаса спасительным откровением. Он едва не рассмеялся, уклоняясь от топоров двух орков, а затем отступил на шаг и изрешетил обоих болтами.

«Теоретически: сохранность руин напрямую зависит от успешного истребления противника. Практически: обороняться не надо. Пора уничтожать».

То, чему Иас позавидовал, Ультрамарины обратят против самого врага. Им больше не нужны никакие плацдармы. Руины и так достанутся XIII легиону, когда последний зеленокожий испустит дух.

— Довольно обороны! — обратился он но воксу ко всему ордену. — Используйте любую возможность уничтожить врага. Истребление — вот наш девиз! Пусть подходят и падут от наших клинков! Помните, резервов у нас нет. Мы все здесь братья в одном строю!

Сама по себе новая тактика мало что меняла, но слова Иаса в первую очередь несли психологически важный посыл. Воины не будут дальше биться за какие-то непонятные чужие развалины — теперь им предстоит защищать только своих братьев, зная, что те прикрывают их. Ультрамарины рассредоточились на несколько более компактных и мобильных групп, словно нерушимые скалы на пути орочьего прилива.

Хоровой клич, которым легионеры ответили на новый приказ своего магистра, придавал ему энергии и разжег погасшую было надежду. Иас вновь обрушился на ксеносов, орудуя мечом и пистолетом. В постоянно колышущейся орде ориентироваться было невозможно. Плевать. Любое направление сейчас верное, а шаг назад больше не означает отступления. Единственным мерилем успеха стали мертвые орки. Убийство — вот истинный путь вперед.

В нескольких метрах справа от Иаса погибли еще два легионера. От непрекращающейся стрельбы стволы их болтеров раскалились докрасна. Орки наседали на воинов со всех сторон и, умирая, буквально заваливали их собственными телами. В какой-то момент куча мертвого мяса стала настолько большой, что приняла на себя очереди, предназначавшиеся наступавшим следом зеленокожим. Твари не упустили свой шанс и целой толпой набросились на десантников. Иас попытался пробиться им навстречу, но было слишком поздно. Болтеры стреляли еще пару секунд, но затем топоры орков поотрубали легионерам руки, ноги и головы, а визжащие цепные мечи пролезли в щели доспехов. Магистру не хватило всего двух шагов, и кровь снова омыла каменный пол. Только теперь это была не мерзкая вонючая жижа, а героическая кровь сыновей Жиллимана.

Иас размашистым ударом рассек хребет одного из нападавших и выпустил по дуге очередь из болт-пистолета, неся возмездие за убиенных братьев. Виновные твари расплатились жизнями, но что такое несколько погибших орков для необъятной орды?

«Теоретически: каждая наша смерть — огромный шаг назад».

И крыть это было нечем.

Иас прибег к обоснованной и действенной стратегии, но в конечном счете все решала численность. На место каждого мертвого орка вставало два десятка других, а вот потери Ультрамаринов были невосполнимы. Новая тактика позволила лишь выиграть немного времени. Магистр надеялся, что его хватит, чтобы наконец отбросить зеленый прилив.

Но это оказалось не так.

— Отвага и честь!

Иас кричал, облачая в слова истину, которой он жил и ради которой сражался, истину, несущую свет победы даже в самую густую тьму. Кричал и не знал, дано ли ему будет увидеть его снова.

Жиллиман возглавлял марш-бросок через туннели на север, проклиная каждый тупик, из-за которого приходилось возвращаться и петлять окольными путями. Все это сильно замедляло продвижение Ультрамаринов. Отчеты от других орденов непрерывным потоком поступали Хаброну, а тот уже сообщал примарху обо всех переменах на поле боя. Ситуация менялась слишком быстро.

— В данный момент все пирамиды находятся под атакой с двух направлений, — доложил технадесантник. — Орки держат осаду извне и проводят диверсии изнутри.

— Судя по масштабам боев, мы имеем дело не просто с диверсиями, — поправил Жиллиман.

— Вас понял, лорд примарх. — Хаброн умолк. Робаут слышал, как он что-то тихо и бесстрастно бормочет себе под нос, анализируя поступающую информацию. — Основные силы врага действительно нападают из руин.

— Какова внешняя обстановка?

— На всех позициях, кроме одной, орков удается сдерживать.

«Хорошо», — подумал Жиллиман. Если бы у двух группировок зеленокожих получилось соединиться на каком-то участке, это означало бы не только поражение отдельного ордена Ультрамаринов, но и крайне скверный поворот для битвы в целом.

— Мы смогли локализовать орков снаружи. Нападений из туннельного комплекса пока не было.

Еще лучше. На оборону захваченной Первым орденом пирамиды Робаут оставил относительно небольшой отряд.

— Общая схема остается неизменной. В северных секторах руин концентрация орков намного выше, чем в остальных.

— И вот это крайне любопытно, — сказал Жиллиман. — Почему так происходит? Откуда они прибывают?

В сражении на равнине Ультрамарины основательно проредили орду зеленокожих, и казалось, что подкреплений тварям ждать неоткуда. Орки не из тех, кто привык держать резервы.

— Нападение из туннелей гораздо серьезнее, чем можно было изначально ожидать.

Жиллимана встревожили нетипичные действия орков. Зеленокожие нанесли неожиданный удар в тылы Ультрамаринов, стремительно возникнув в огромных количествах непонятно откуда. Робаут окинул взглядом края туннеля, по которому маршировала фаланга. Проход был настолько широким, что стены терялись в густом мраке, но прожекторы танков периодически выхватывали из темноты небольшие боковые ответвления. Из докладов разведчиков примарх знал, что внутри них обнаружатся еще меньшие дороги. Теоретически:

в любом туннеле подземного комплекса могли находиться обходные пути и шахты. У орков был век или даже больше, чтобы вдоль и поперек изучить каждый закуток этого бесконечного лабиринта. Идея о том, что зеленокожие громилы могли проявить стратегическую дальновидность и сознательно воспользоваться потайными тропами, не укладывалась у Робаута в голове, но при имеющихся сведениях ничего лучше он придумать не мог.

«Жди нападения даже тогда, когда оно кажется маловероятным».

Легионеры в других пирамидах уже расплачивались за непредусмотрительность.

Жиллиман вновь открыл командный вокс-канал:

— Ультрамарины, слушайте меня. Помощь уже в пути. Продержитесь еще немного, и мы вместе уничтожим врага. Я иду на север. Будем истреблять орков поэтапно. Каждая победа освободит новые силы для поддержки остальных. Легионеры Двадцать второго ордена, вам приходится труднее всех. Вы героически сражаетесь, и скоро братья из всех орденов присоединятся к вам, чтобы покарать зеленокожих за их дерзость. Вместе мы захватили эту крепость. И вместе мы очистим ее.

Он замолчал и втянул носом воздух. Его губы сжались от гнева.

— Контакт! — предупредил Хаброн.

— Знаю.

В ярости он начал впечатывать подошвы сапог в пол с такой силой, что те откалывали и подбрасывали в воздух кусочки камня. Робаут вызвал по воксу Гейджа:

— Марий, — магистр-примус вернулся на свое прежнее место в середине колонны, — не останавливаться. Не тормозить. Ни. За. Что.

— Вас понял.

Тьма исторгла орков. С безумным ревом они хлынули из боковых проходов, набросившись сразу на треть фаланги. Не успел Жиллиман оглянуться, как воюющие зеленокожие окружили Ультрамаринов со всех сторон. Загрохотали болтеры, и вспышки выстрелов залили пространство слепящим серебристым светом гибельной зари. Враги наступали и спереди. Чуть дальше огромный туннель расходился еще на сотни метров и плавно поворачивал на запад. Жиллиман услышал и учуял стадо диких зверей еще до того, как оно показалось на глаза, и прибавил ходу. Шутки кончились. Эти безмозглые создания оскверняли все то, во что Робаут верил и чего старался добиться на войне. Своими выходками они попирали все существующие правила боя. И теперь они посмели путать ему планы на Тоасе. Довольно! Своим отказом от осмысленных методов войны они нанесли примарху личное оскорбление.

Жиллиман ринулся на орков и на ходу открыл огонь из Арбитра. Он и инвикты ударили первыми, стремительно и яростно.

И беспощадно.

Туннель задрожал. Орки умирали. Умирали. Умирали.

Но буйство битвы притягивало все новых и новых.

В стратегиуме «Каваскора» Гиеракс следил за экранами тактикариума и слушал литанию отчетов, которые поступали на командную кафедру с мостика внизу. Сервиторы безжизненными голосами монотонно зачитывали постоянно изменяющиеся списки координат, данные о перемещениях войск и сведения о растущих потерях. Операторы авгуров и боксов докладывали точно и коротко, но Гиеракс ясно видел их напряжение.

Офицеров выдавали тела — едва уловимые жесты вроде слегка поникшего плеча или, наоборот, напряженной, как струна, спины.

С приходом новостей от Двадцать второго ордена Гиеракс и сам разрывался между яростью и отчаянием от собственного бессилия. Он отключил все вокс-каналы, кроме командных, и уже несколько раз одергивал себя, чтобы не заговорить. Капитан не хотел влезать в переговоры, не имея четкой картины происходящего и не видя, чем он может быть полезен. Потoki данных рисовали весьма мрачную картину. С одной стороны, Гиеракс понимал тактику примарха. Жиллиман пробивался на север, тогда как другие ордены держали оборону на своих позициях. Подкрепление определенно склонит чашу весов в пользу Ультрамаринов. Победа на одном участке позволит воинам оказать помощь братьям на следующем — и так далее, до тех пор пока объединенная мощь легиона не обрушится на крупнейшую группировку орков, осаждающую Двадцать второй. Штурмовые катера уже разгоняли огнем скопления зеленокожих вблизи самой северной пирамиды.

— Этого недостаточно, — пробормотал Гиеракс.

Орки снаружи лишь отвлекали на себя внимание, а в это время в самой пирамиде сражение кипело сразу на трех уровнях. Орден был разделен, твари же наступали единым фронтом. По приказам, которые выкрикивали магистр и капитаны, Гиеракс отслеживал перемены в ходе боя. Положение дело было очень шатким.

«Теоретически: примарх не успеет вовремя. Практически: разрушители успеют. Я могу положить этому конец».

Гиеракс вклинился на командный канал, зная, что его услышат все старшие офицеры:

— Магистр, запрашиваю разрешение на высадку десантными капсулами второй роты разрушителей. Мы будем у вас через несколько минут. Наше оружие...

— В запросе отказано, — отрезал Иас и вдруг захрипел, словно получил сильный удар.

На несколько секунд все голоса утонули в отрывистом грохоте выстрелов из болт-пистолета.

Мы нужны нашим братьям, — попробовал настоять Гиеракс.

Канал оставался открыт. Другие капитаны слышали их разговор, но ничего не говорили. Судя по грохоту взрывов и реву цепных мечей, у них и своих проблем хватало. Но внезапно все звуки пропали — Нас переключил Гиеракса на личный канал.

— У нас приказ охранять руины, — заявил магистр ордена. — У вас — ждать команды к развертыванию, а не напрашиваться на него.

И оборвал связь.

Сиррас вогнал свой цепной меч в грудь вожака. Ростом орк почти не выделялся среди сородичей, но был гораздо шире их — настоящий танк из костей и плоти. В каждой руке он держал по молоту и яростно размахивал ими. На доспех Сирраса сыпались удары чудовищной силы, и даже когда зубья цепного меча принялись с визгом перемалывать в кровавую кашу мышцы и ребра, орк не унимался. Из раны мощной струей брызнула кровь, на несколько секунд ослепив Сирраса. Молоты били снова и снова. Как будто этого мало, еще один орк бросился на воина сзади. Зеленый и багрянец захлестывали капитана.

Навалившись на меч, Сиррас протолкнул оружие глубже в тело противника. Лезвие вырвалось из спины монстра, и тот наконец бессильно опустил руки. С треском раздираемых костей и влажным чавканьем мяса туша откинулась назад, развалившись надвое. Крутнувшись на месте, Сиррас направил цепной меч в бок второго орка. Бугай

поменьше предыдущего завопил от невыносимой боли. Десантник зарубил врага одной рукой и трижды выстрелил вправо из болт-пистолета, снеся верхнюю половину черепа зеленокожему с мечом длиной больше человеческого роста. Вокруг него выростала клетка из тел. Новые орки все прибывали, и с каждой секундой оставалось все меньше пространства для маневра.

Сиррас понимал, что эта зеленая волна заживо похоронит и его, и всю роту. Он следовал стратегии Иаса и возглавил атаку, с самого начала зная, что она обречена на провал. Тварей попросту слишком много. При поддержке тяжелой техники их можно было отбросить назад. Но, связанные приказом, танки простаивали без дела, отстреливаясь только из тяжелых болтеров, а это было все равно что забрасывать камнями цунами. Зеленокожие рвались в бой, нещадно растапывая тела своих погибших сородичей. Наступление 223-й роты захлебнулось еще до первого перекрестка, налетев на встречный поток ксеносов. Орда нахлынула на Ультрамаринов, с каждым приливом унося жизни братьев. Сколько бы легионеры ни убивали, врагов становилось все больше. Неистовые зеленокожие чуяли любую слабость, видели любую брешь в строю воинов Императора и не упускали шанс ими воспользоваться. Каждый растерзанный десантник лишь подстегивал беснующихся орков. Как вода точит плотину сквозь трещины, так и зеленокожие неумолимо разрушали 223-ю роту.

Сиррас закричал от безысходности. Вращаясь на одном месте, он рубил тянущиеся к нему лапы и отстреливал клыкастые головы. «Больше никаких отступлений», — так Иас сообщил по воксу о смене тактики. — Каждый убитый враг — это шаг вперед». Для магистра, может, так и есть. Возможно, двумя уровнями ниже орки давят не так сильно, но здесь, наверху, все по-другому. Сиррас сражался так яростно и убивал так стремительно, как никогда не сражался и не убивал за десятки лет службы в легионе, и все равно он постоянно отступал. Даже когда ему удавалось на пару мгновений дать отпор, это все равно ничего не меняло. Потери неумолимо росли, а Иас все настойчивее подгонял орден прорываться дальше.

«Мы потеряли инициативу», — подумал Сиррас. Теперь 223-я рота сражалась за выживание. Орки живой стеной перекрыли туннель, и даже если перебить их всех до последнего, получившаяся гора трупов все равно будет напозать, отесняя Ультрамаринов.

— Сомкнуть ряды! — скомандовал он. — Плечом к плечу! Каждый из нас — щит, оберегающий братьев!

Впрочем, надобности в приказе не было. Воины роты и так держались ближе друг к другу. Капитан говорил для тех легионеров, кого, как и его самого, орки изолировали от остальной роты, перебив ближайших соратников.

Вперед хода нет. Вокруг лишь сплошное зеленое море. Сиррас кружился и убивал. Вот он разрубил очередного орка сверху донизу. Между двумя распадающимися половинами тела капитан увидел, что несколькими разрозненными бойцам удалось собраться в отряд — этаким крошечный островок в сердце бури. Он бросился в их сторону, мечом и болтером расчищая себе путь. Топоры и секачи полосовали доспех. Орки стреляли по нему в упор, и хотя они больше ранили самих себя рикошетами, удары пуль не проходили бесследно. На линзах шлема Сирраса вспыхивало все больше янтарных и алых рун, предупреждавших о серьезных повреждениях. Сервоприводы жалобно выли. Механизмы левой ноги отзывались с микросекундной задержкой.

Сиррас пытался своими силами компенсировать сбой брони, сражаясь еще усерднее. Он

блокировал мечом цепной топор очередного зеленокожего. Металл встретился с металлом с истошным визгом, и мотор орочьего оружия задымился. Капитан выстрелил в нападавших справа зверей, а в это время его достали секачом слева. Топор сильнее надавил на меч. Сиррас проигнорировал боковые удары и, вскинув пистолет перед собой, выпустил очередь в орка и его оружие. Зеленокожий повалился на землю. Его топор взорвался, окатив горящим прометием всех вокруг. Жидкое пламя стекло по доспеху космодезанта, но жадно ухватилось за лица его ближайших противников. Ослепленные, они взревели от боли и гнева и отчаянно замахали клинками. Не теряя ни секунды, Сиррас в яростном запале предал их всех смерти.

До отряда оставалось всего ничего.

Прорубаясь навстречу товарищам, капитан рычал от усилий и отвращения. На ходу он заметил нескольких таких же, как он, одиноких воинов, которые пытались пробиться к группе. Умом Сиррас понимал, что в его движениях свирепая беспощадность вытесняет точность. Скованность в пространстве делала все его отточенные боевые навыки бесполезными, и это приводило воина в ярость. Он злился на орков за то, что те переломили ход боя в свою пользу.

Но еще больше он злился на магистра ордена. Гиеракс просил у него разрешения помочь, потому что видел, насколько это необходимо. А Нас даже не удосужился ответить ему открыто, чтобы слышали другие капитаны.

«Чего ты дергаешься? — мысленно обратился к магистру Сиррас. Не хочешь, чтобы мы слушали, — пускай. Всем и так все понятно».

Тактика, определявшая ход войны до сего момента, теперь утратила всякий смысл. Спасать в этом регионе нечего, а значит, пора вернуться к истинной цели — истреблению врагов человечества. Это и безо всякого анализа понятно. Распаленное ненавистью и отчаянием, капитана изнутри сжигало желание дать оркам достойный отпор, вырвать победу из их мерзких лап. Ответить силой на силу. И Сиррас больше не собирался держать свою ярость в узде.

— «Лэндрейдеры», — вызвал он экипажи танков, — применение тяжелого оружия санкционировано. Цели без изменений, огонь по готовности!

Техника никуда не двигалась. Враг был повсюду, и стрелки палили из бортовых тяжелых болтеров на триста шестьдесят градусов. Они убивали сотни орков, не давая им взобраться на крыши боевых машин. Со всех сторон их подпирали горы изувеченных трупов и стреляных гильз, но танкам никак не удавалось расчистить хоть немного пространства для воинов роты или ослабить натиск завывающей орды. Бронетехника выстроилась линией у входа в туннель — Сиррас предполагал, что «Лэндрейдеры» станут для врага нерушимой преградой, но на деле они оказались всего лишь камнями посреди бурной реки.

Однако теперь все изменится.

Шесть пар сдвоенных лазпушек выстрелили одновременно, наполнив туннель ярким красным светом. Сотни орков испарились в мгновение ока. По пирамиде прокатилась волна жара столь сильного, что от него на коже вздулись волдыри. От пронзительного шипящего взвизга заложило уши, но уже в следующую секунду он стих, уступив верховенство стаккато тяжелых болтеров. Автоматические орудия вновь выпустили в коридор шквал реактивных снарядов, разрывая на куски ошеломленных орков, пока лазпушки накапливали энергию для следующего залпа. Который не заставил себя ждать.

Воздух в пирамиде стал горячим. Такое количество одновременно выпущенной

энергии, испепеляющей столько тел... Орки заполнили практически все пространство туннеля, и, не имея должного выхода, жар накапливался под его сводами. Оружие, предназначенное для использования на открытой местности, раскалило внутренние стены.

«Лэндрейдеры» выстрелили в третий раз.

— Капитан Сиррас! — Вокс чуть не разорвался от голоса Иаса. — Что вы творите? Прекратить огонь! Повторяю, прекратить огонь!

«Я побеждаю в этой войне», — подумав так, Сиррас отключил связь.

Четвертый залп. Пятый. От невысказанного жара камень в туннеле начал светиться. Капитан увидел, как с другой стороны от танков, в главном зале пирамиды, мелкие орки корчатся на полу, а их кожа тлеет и дымится. Натиск орды ослаб.

Сиррас присоединился к отряду. Скоординированный огонь воинов помог ему добраться, и впервые за несколько часов капитан ощутил себя на свободе, чтобы вновь обратить против зеленокожих всю искусность Ультрамаринов и их методов войны. Наконец-то орки подышали быстрее, чем прибывали.

Лазпушки стреляли снова и снова. Визг опустошительной энергии и раскалывающий головы грохот ударных волн вторили друг другу в хоре идеального разрушения.

Сердца Сирраса откликнулись этой прекрасной песне. Ему казалось, что гнев покинул его тело, обернувшись кошмарной сущностью, и теперь сам крушит развалины изнутри. Капитан явственно слышал удары его могучих кулаков и треск ломаемых костей древней постройки.

С каждым разом этот звук становился громче, и Сиррас вдруг понял, что это не его разыгравшееся воображение. Все происходит на самом деле. Пробудилось нечто большее, чем подобная новорожденной звезде ярость лаз-пушек. Звук доносился отовсюду — колоссальный, глубокий, сулящий погибель...

Сиррас поднял голову. Свечение распространялось по поверхности туннеля, словно кровь по венам внутри каменного тела пирамиды. Пламя и вспышки болтеров тоже по-своему озаряли пространство. И в этом свете Сиррас увидел, как паутина трещин расползается по стенам к вершине пирамиды. Сверху посыпался град каменных обломков. Все более крупные куски откалывались от потолка и падали на пол верхнего уровня.

На его глазах вся постройка согнулась, словно дерево под порывом ветра. Камни под ногами капитана заходили ходуном и начали разбегаться в разные стороны.

Пирамида натужно застонала. Прямо как живое существо в миллионы тонн, которое проснулось лишь для того, чтобы сделать свой последний вздох.

А затем все вокруг накрыла тьма.

6

Катастрофа

Ничего

Останки

Чистое и незамутненное понимание войны неразрывно связано с пониманием катастрофы. Подобные бедствия — явления реальности, которые мы в своем стремлении к победе нередко опускаем и тем самым, наоборот, притягиваем. Это не означает,

что катастрофу надо ждать с нетерпением, однако ее возможность всегда следует принимать в расчет. Ни один даже самый тщательно продуманный план не застрахован от ошибок. Ни один командир не властен над случайностями. На войне всегда присутствует элемент непредвиденности. Ошибки, случайности, непредвиденные обстоятельства — все это является предпосылками катастрофы. Умелый лидер будет стараться любыми средствами предотвратить беду, однако в проекции на достаточно длительный промежуток времени катастрофа становится неизбежной. Впрочем, считать ее заведомо таковой не стоит — фатализм на поле боя столь же пагубен, как и наивность. Битву надлежит вести так, словно катастрофа невозможна, пока она не происходит. А вот противостоять ей — это уже настоящее испытание.

Робаут Жиллиман «Трактат о катастрофах», 23.17.v

Впереди показался новый перекресток. Из правого и левого ответвлений высыпали орки, спеша присоединиться к битве. «Добро пожаловать на смерть», — мысленно усмехнулся Жиллиман. Но ни то ни другое направление Ультрамаринам не подходило, а дорогу на север перекрывал обширный завал. Огромный участок скалистой крыши обрушился внутрь, и возникшая куча обломков и горной породы, словно пандус, вела на открытый воздух. Едва замечая попадавших под руку зеленокожих, Робаут на бегу оценил крутизну и надежность подъема. Особо крупные валуны легли достаточно рассеянно, чтобы техника могла их объехать, да и небольшой уклон это позволял.

— Поднимаемся, — скомандовал примарх.

Орден буквально разметал зеленокожих. Орки атаквали сотнями, но не могли ни остановить, ни даже замедлить стремительное наступление космодесантников. И тем не менее они бросались навстречу печальной участи столь решительно, будто их воодушевили победы в каком-то другом месте и дух животного триумфа вселился в каждого орка на Тоасе.

Не сбавляя темпа, Робаут взбежал по склону. Воздух под открытым небом, избавленный от вони зеленокожих, показался ему удивительно чистым. В результате обрушения между двумя пиками возникла тропа, и это позволило Ультрамаринам с приличной скоростью двинуться дальше на север. Кряж завел их выше любой из пирамид.

— Слишком высоко, чтобы преодолеть остаток пути по поверхности, — изложил по воксу свои мысли Гейдж.

— Возможно, — согласился Жиллиман.

Он и его воины еще поднимались по тропе. Не имея возможности заглянуть за перевал, примарх не строил никаких предположений. Если на другой стороне окажется непроходимое ущелье, быть посему. В конце концов, всегда можно приказать танкам пробить ходы обратно в туннели, хотя Робаут и сомневался, что это потребует. Мимоходом взглянув на горный склон слева, он увидел следы других обвалов — отголоски взрывов многовековой давности.

— Зайдем так быстро и так далеко, как только сможем. Таков наш метод.

— «Неспланированные действия так же бесполезны, как и неспособность импровизировать», — процитировал Гейдж.

— Не могу понять, то ли я такой незабываемый, то ли ты такой угодливый.

— Ни то ни другое, — отозвался Марий. — Это истина незабвенна.

Жиллиман улыбнулся:

— Именно. Значит, ты все-таки понял меня. Только истина может служить мерилom лидерства. Вот почему незаменимых лидеров не бывает.

Гейдж ничего не ответил — никому бы не понравилось, когда его собственные слова возвращаются обратно в виде поучения. Робаут воспринял молчание магистра-примуса как знак понимания. Он не возражал, и сейчас этого Жил-лиману было более чем достаточно.

Проход между горными пиками был узким, словно трещина, оставшаяся от удара гигантского топора, и чем больше сужалась тропа, тем медленнее продвигалась колонна Ультрамаринов. Танкам приходилось по одному следовать друг за другом. Вид сумрачного неба между отвесными склонами гор превратился в полоску серой полутени. Ступая по голому камню, Робаут снова и снова предавался размышлениям о той культуре, которую они обнаружили в этой узкой области Тоаса, пригодной для жизни. Туннели вполне могли пересекать всю горную грядку и тянуться дальше на восток без конца и края. Возможно, где-нибудь удастся найти подлинныe аркологии. Цивилизация, построившая такие пирамиды и такую обширную сеть пещер, определенно имела все средства для того, чтобы создать нечто подобное подземным городам Калта.

Но отсутствие каких бы то ни было поверхностных сооружений дальше на востоке сбивало примарха с толку. По сравнению с испещрившими толщу гор залами и туннелями пирамиды в этом регионе выглядели незначительными, хотя на самом деле являлись поистине монументальными постройками, которые легко было засечь даже с орбиты авгурным сканированием. А на востоке, поближе к брезжащему рассвету, земли вечно купались в мягких лучах солнца и стояла умеренная температура — на всей планете лучших условий не сыскать.

И тем не менее там было пусто. Если ходы и дальше пролегали так глубоко, выходит, они отвечали той же цели, что и здесь, на западном краю гряды. Первоначальное предположение о том, что пирамиды служили частью крепостного комплекса, судя по всему, оказалось верным. Все в этих туннелях и залах было подчинено военным нуждам — расположению, обслуживанию и переброске больших армий. До сих пор Робауту не встречалось ничего, что свидетельствовало бы о чем-либо ином.

Но опять же, для чего все это? От кого здешние люди оборонялись? Куда подевалось все культурное наследие этой цивилизации? Осталось ли хоть что-нибудь, помимо пустой защитной оболочки?

Что же здесь произошло? Жиллиман повсюду видел следы опустошительной войны, но ни единого намека на врага, который в итоге победил народ Тоаса, — лишь глухие отголоски былого мира, ныне захваченного беспринципными орками.

Тропа вильнула вправо и дальше вновь раздалась вширь — Ультрамарины миновали пики. Дальше хребет резко уходил вниз — намного круче, чем поднимался с южной стороны. Проход упирался в шпиль, отвесно выроставший из земли на добрые полсотни метров. Каменные обломки разбитой верхней секции валялись вокруг. Назначение конструкции стало понятно с первого взгляда — с этого наблюдательного пункта открывался четкий обзор всех пирамид на севере. Жиллиман оценил размеры орды, осаждающей позиции XIII легиона. Дальнейшая дорога выглядела надежной. Перевал был стабильным, отгремевшая в далеком прошлом война его не повредила, и путь до ближайшей

пирамиды не сулил особых проблем.

Теперь Жиллиман ясно видел, как можно закрепить его новые взгляды на войну, которые он хотел противопоставить завышенной самооценке орков. В его голове уже начали оформляться необходимые коррективы, когда из вокса раздался голос Хаброна:

— В самой северной пирамиде танки открыли огонь, — доложил технадесантник, — вопреки приказам магистра Иаса.

— Кто распорядился?

— Капитан Сиррас. Иас пытается его остановить. Структурная целостность пирамиды нарушена. Сиррас не подчинился...

Тяжелый стон оборвал Хаброна. Звук разлетелся по всей горной гряде, гулко отдаваясь от скалистых откосов, набирая мощь, и в этот момент верхняя половина пирамиды начала заваливаться набок. Монументальное сооружение накренилось, словно в поклоне невидимому господину, а затем стон превратился в оглушительный грохот, и пирамида сложилась внутрь. Горы, казалось, вздрогнули до самого основания, когда колоссальная масса камня обрушилась на склон и заполонивших его орков. Грохот от удара нарастал, перерастая в могучий раскатистый гром. Жиллиман вдруг понял, что ему не кажется — горы и вправду била дрожь.

— Сиррас... — прошептал Робаут. — Что ты наделал...

Пик над пирамидой начал оползать. Движение казалось обманчиво медленным. Десятки миллионов тонн скалистой породы сдвинулись с места, словно гора надумала сбросить старую кожу. Гигантская лавина устремилась вниз, и от ее рева, казалось, вот-вот разверзнутся небеса. Силуэт вершины скрылся за поднявшейся пылевой завесой. Необъятное облако понеслось по горной цепи, поглощая все на своем пути. Меньше чем за минуту оно достигло позиции Жиллимана. Окружающий мир исчез в черном лимбе, но гром никуда не делся.

Робаут стоял в удушающей пустоте. Он ничего не видел и не слышал, кроме истошного, преисполненного боли вопля Тоаса. Война, цели, планы — все разом кануло в небытие. Понятие направления перестало существовать. Любые решения утратили всякий смысл.

Пустота бушующим водоворотом увлекла его разум. Все улетучилось. Никакой теории. Никакой практики.

Ничего не осталось.

Ничего.

Водоворот был слишком силен. Прямо перед ним разворачивалась катастрофа. Такой реакции от себя Робаут не ожидал: нечто глубоко внутри него, нечто, чего он не мог опознать, отзывалось на пылевую слепоту.

«Смотри!» — кричало оно.

«Смотри! — требовало, вскипая от бессильного, отчаянного разочарования. — Ты не видишь!»

И он действительно ничего не видел, потому смотреть было не на что.

Ничего не осталось.

Кроме времени. Даже в пустоте оно продолжало свой неумолимый бег. Время всегда несло в себе измеримую и пригодную для использования информацию.

Жиллиман считал секунды, которые складывались в минуты, растягивая мучительный период тягостного бездействия. Обездвиженная колонна не могла следовать дальше, на подмогу сражающимся внизу ордам. Но наконец рев оползня стих, и реальный мир начал

пробиваться в пустоту лимба. Перед глазами Робаута все еще стояла густая пелена, но теперь к нему вернулись звуки войны. Здесь, вдалеке от учиненной Двадцать вторым орденом катастрофы, борьба в туннелях и не думала стихать. Война продолжалась, и с каждой секундой положение дел становилось все более шатким. Легионеры расплачивались за это кровью, и нужно было срочно что-то предпринимать. Он не знал, как поступить, но чувствовал колебание чаши весов.

«Теоретически: сила, необходимая, чтобы наверстать упущенное время, растет по экспоненте пропорционально этому времени. Практически: изначально развернутая превосходящая сила уменьшает масштаб необходимых корректировок».

Секунды проходили, минуты сменялись минутами. Пыль постепенно оседала. Робаут ждал. Вскоре за пеленой вновь показался ведущий вниз склон.

— Можем трогаться, — сообщил Гейдж.

— Нет, — возразил Жиллиман. — Сначала нужно оценить масштаб катастрофы. В данный момент знания важнее скорости.

Он ждал, минуты шли. Из-за помех, вызванных первичными последствиями катастрофы, в воксе воцарился хаос. Но теперь Хаброн восстановил связь со всеми магистрами орденов и капитанами, кроме Иаса. Из рухнувшей пирамиды доносилась только тишина. Жиллиман внимательно слушал отчеты, складывая в голове новую картину войны. С Девятым орденом Эмпиона и Шестнадцатым Банзора, закрепившимися ближе остальных к позиции Иаса, связь постоянно обрывалась. Это служило поводом для беспокойства, но давало полезную информацию. И когда воздух достаточно очистился от пыли, примарх был готов к открывшемуся зрелищу.

Северная пирамида полностью исчезла, погребенная под оползнем, словно ее никогда и не было. Склон горы обнажился, открывая взглядам сеть туннелей, по плотности не уступавшую густонаселенному улью. Орки лезли из подземных ходов подобно саранче. Орда наводнила опустошенный ландшафт, направляясь к следующему плацдарму легиона. Пирамида хоть и устояла, но лишилась огромной части северной стены. Неосознанно орки сделали именно то, что пытался совершить Жиллиман. Тысячи тысяч воинов присоединятся к силам, уже осаждающим Девятым и Шестнадцатым. С каждой взятой позицией волна будет расти, двигаться на юг и в итоге сметет Ультрамаринов.

«Моя стратегия обернулась против меня», — подумал Робаут и отметил иронию ситуации. Только сейчас это его несколько не позабавило.

«Теоретически: оркам необходимо противопоставить соразмерную мощь».

Но ему никак не успеть до пирамиды вовремя.

«Практически: отозвать Девятым и Шестнадцатым ордены к следующей пирамиде на юге. Уступить одну позицию, чтобы провести более мощную контратаку».

По воксу он вызвал Эмпиона и Банзора. Потребовалось несколько попыток, прежде чем магистры ответили. Примарх изложил им свои соображения.

— Вы сможете отступить?

— Никак нет, — доложил Банзор. — Наступление из туннелей оттесняет нас на север. — Его сигнал пропал на несколько секунд, а затем возник снова. Магистр силился перекричать грохот стрельбы: —...зажаты между двумя ордами. А урон постройке еще больше ограничивает нашу свободу маневра.

— Эмпион? — окликнул Жиллиман.

— Сомневаюсь. Обрушения у меня тоже довольно обширные. Отступление возможно.

но...

— ...ценой больших потерь в Шестнадцатом, — закончил за него Жиллиман.

— Мы держим оборону, — сказал Банзор. — Орки нас окружили. Эмпион перетягивает на себя часть вражеских сил с нашего южного фланга, но даже так мы едва отбиваемся.

— Вас понял. Обоим орденам приказываю и дальше действовать по ситуации. Помощь идет, братья. Отвага и честь!

Робаут окинул взглядом ландшафт перед собой. Катастрофа преобразила его, но в то же время открыла новые возможности. Примарх мог использовать безрассудную выходку Сирраса, чтобы добраться до цели намного быстрее, чем было возможно раньше. Жиллиман переключил вокс-канал и связался с Гейджем и Хаброном.

— Вызовите катера, — приказал он технодесантнику. — Все. Перебросим наши силы к северной стороне той пирамиды по воздуху.

— Насколько глубоко в туннелях засел Банзор? — спросил Гейдж.

— Неважно. Мы возьмем на себя орков на склоне. Уничтожим их — откроем Эвидо путь.

— Катера перенаправлены, — доложил Хаброн.

— Отлично. Артиллерии начать обстрел склона. Пресекать передвижения орков до нашего прибытия.

Уже в следующую минуту «Вихри» и «Василиски» высвободили свою ярость. К моменту приземления первого «Громового ястреба» взрыхленную оползнем скалистую поверхность накрыло взрывами. Ракеты подняли бурю пламени и каменных осколков. Снаряды «Сотрясателей» выгрызали кратеры в и без того истерзанной земле, обращая в пыль даже самые огромные валуны. Каждый удар истреблял орков толпами. Зеленокожие заполонили все вокруг и теперь гибли повсеместно. Наступление орды замедлилось, но недостаточно. Артиллеристы Ультрамаринов не могли остановить снарядами бурный поток, однако вносили хаос в ряды диких тварей.

Катер «Копье Масали» опустился на склон прямо перед Жиллиманом. Двигатели заскулили, желая вновь воспарить в небеса, когда десантная рампа ударила по земле. Во главе инвиктов Робаут стремительно взбежал на борт.

— Высадимся между зоной обстрела и открытой стеной пирамиды, — приказал Жиллиман по командному вокс-каналу.

«Копье Масали» взлетел, уступая место следующему катеру, и принялся кружить над посадочной зоной. Один за другим к нему присоединялись другие «Громовые ястребы». Жиллиман отодвинул боковую дверь пассажирского отсека, чтобы каждый Ультрамарин, поднявший глаза к небу, мог его видеть. Не обращая внимания на воющий ветер — словно непоколебимая статуя, — он обратился к своему легиону:

— Мы столкнулись с последствиями чудовищной ошибки. Необдуманные действия обречены на провал. Запомните этот момент, дети мои. Извлеките из этого урок. Мы ответим здравомыслием на безрассудство и одержим победу. Орки олицетворяют безумие. Им ни за что не победить. Им ничем не защититься от нашего самого мощного оружия — разума, что мы унаследовали от моего Отца. Будьте собой, и пусть каждый выстрел и удар наполнится смыслом!

Он сделал паузу, глядя, как новые штурмовые катера присоединяются к эскадрилье. Двигатели ревели слаженным мощным хором. «Громовые ястребы» кружили словно в гигантском урагане, циклоне из адамантиевых корпусов и аблятивной керамитовой брони.

Машины разрушения несли в своем чреве безжалостных богов войны.

— Взгляните на нас! — кричал Жиллиман. — Мы — клинки правосудия моего Отца! Мы — воплощение разумной войны! — Когда «Копье Масали» пролетал по южной дуге своего кольцевого курса, примарх указал на север: — Сейчас! Покажем оркам мощь, которую они должны бояться!

И, словно по мановению его руки, «Громовые ястребы» устремились на север, где сила разума крошила землю в пыль.

Наперебой мигавшие на дисплее шлема белые и красные руны показывали полную бессмыслицу. Нас уже несколько раз пробовал перезагружать визор. В конце концов линзы все-таки настроились на низкую освещенность, и магистр вновь обрел способность видеть.

Пол пирамиды провалился в пролежавшие ниже туннели. Следом туда же рухнули стены. Первоначальная структура комплекса на этом участке была полностью уничтожена. Залы, ходы — все теперь выглядело одинаково. Иаса окружали завалы из битого камня. Чудом не развалившиеся плиты и крупные обломки подпирали друг друга, создавая непроходимые преграды. До потолка было от силы метра три, а во многих местах и того меньше. Развалины пирамиды давили сверху, угрожая вызвать новые обвалы.

Иас не мог сказать наверняка, терял ли он сознание. С момента обрушения в голове остались лишь обрывочные воспоминания, полные белых пятен: падение, невообразимая тяжесть тьмы и холод близкой смерти. Сейчас мрак кое-где разгоняло дрожащее пламя. Новых взрывов не происходило. Магистр почувствовал запах прометия, а в нескольких метрах справа увидел покореженные останки «Лэндрейдера». Машина спасла ему жизнь — приняла на себя удар камнепада и даже после гибели удерживала обломки, не давая им раздавить Ультрамарина.

— Всем капитанам Двадцать второго ордена, — заговорил он в вокс, — доложите обстановку.

Ответа не пришло.

Тогда Иас переключился на открытый канал и принялся вызывать любых выживших. Сначала по одному, затем группами, легионеры отзывались.

«Так мало?» — ужаснулся магистр.

— Все ко мне, — приказал Иас и подошел к поваленному монолиту.

Между его вершиной и потолком едва хватало места, чтобы стоять в полный рост, но ничего более похожего на возвышенность вокруг не наблюдалось. Из-под каменной глыбы сочилась орочья кровь. Иас слышал из темноты приглушенное рычание, но не видел ни одного зеленокожего — только их расплюснутые тела. Все немногие выжившие здесь были облачены в силовые доспехи.

«Но сколько же их всего осталось?»

— Локсиас, — вызвал по воксу Иас.

— Магистр, — голос технодесантника был полон боли.

— Где ты?

— Не могу определить. Так или иначе, я все еще в «Праксисе».

— Он уцелел?

— Никак нет.

— Понятно.

— Меня зажало, магистр. Нижняя половина моего тела недееспособна. Полагаю,

«Носорог» оказался под завалом. Возможно, мне удастся восстановить работу некоторых систем.

Через лабиринт завалов к Иасу пробирались тени — это выжившие из 221-й роты стягивались к его позиции.

— Что со связью? — спросил магистр ордена у Локсиаса.

Вокс-сигнал постоянно обрывался. Иас пробовал вызвать другие ордены, но слышал только тишину. Он подозревал, что смог установить контакт с остатками 221-й лишь благодаря непосредственной к ним близости.

— Работаю над этим.

— Есть вести от капитана Сирраса или кого-нибудь из 223-й? — и с ним Иас уже несколько раз безуспешно пытался связаться.

— Ауспик исправен, — сообщил Локсиас, — но я не отмечаю никаких признаков жизни над вашим сектором. Судя по всему, постройка разрушилась до основания.

— Благодарю, Локсиас. Если вы сумеете наладить связь с легионом...

— Вы об этом узнаете первым.

Иас окинул взглядом собравшихся перед ним легионеров. Их осталось меньше сотни. Только два отделения присутствовали в полном составе. Остальные заметно поредели.

— Братья, — обратился он к своим воинам, — мы понесли потери, но не стали от этого менее опасными. Мы приспособимся и доведем начатое до конца. Такова наша культура. Такова наша сила.

— Какие будут приказы, магистр? — спросил легионер в доспехе ветерана тактического отделения.

Иас покопался в памяти, вспоминая имя Ультрамарина.

— Бурр, — наконец сказал он, — будем пробиваться наружу и попробуем соединиться с другими орденами.

Ветеран кивнул.

— Куда пойдём?

Иас посмотрел вверх. С потолка, образованного нагромождением разбитых камней, на землю оседала пыль.

— Теоретически, — начал он, — если наверху не осталось никого живого, значит, пирамида сложилась полностью. Над нами миллионы тонн камня. Практически — единственным вариантом для нас остается искать путь дальше вглубь комплекса. Когда найдем более-менее целый участок сети, двинемся на юг.

— Мы с вами, магистр, — сказал Бурр и легонько ударил кулаком по нагруднику; следом за ним жест повторили остальные.

Иас вспомнил, что ветеран был уроженцем Терры. Он прилежно исполнял свой долг и беспрекословно следовал приказам, но его разочарование назначением Иаса было очевидно с самого начала. По оценке магистра, Бурр был из тех легионеров, кто не стремится к личной власти, но пользуется авторитетом у соратников и имеет собственное мнение о командире и его пригодности. Иас всего пару раз имел дело с ним лично, и чаще всего ветеран лишь молча слушал. Он никогда не выказывал неподчинения, но и не пытался скрывать своего недовольства магистром-чужаком.

Однако сейчас неприязни больше не было. Бурр задал вопрос искренне, и ответ его вполне устроил.

Иас развернулся. Со всех сторон выживших Ультрамаринов окружала мешанина теней в

давящем мраке. Ни одно направление не сулило ничего хорошего. Очевидного пути вниз не было.

«Теоретически, — подумал он, — учитывая обширность подземного комплекса и наше последнее местоположение в руинах, любая дорога рано или поздно выведет к шахте или нетронутому туннелю. Практически: выбирай путь и дальше его придержишься».

Он принял решение.

— Сюда, — Иас указал на восток; где-то там сражались их братья, и неважно, сколько до них придется добираться.

Он оказался прав. Уже через десять минут продирания по завалам воины наткнулись на небольшую шахту, в которой едва хватало ширины для космодесантника в полном силовом доспехе. Иас первым полез вниз.

Туда, откуда доносился дикий животный рев.

И звучал он все громче и громче.

7 Спасение Развертывание Выживание

Любое действие врага следует воспринимать как откровение. Каждая атака или маневр раскрывают его мотивы, намерения и средства. Даже если неприятельский удар окажется успешен, он подарит вам наиболее точное знание о тактике, оружии и силе противника. Но помните, что враг также учится у вас. И именно верное осмысление всей совокупности знаний становится решающим фактором на войне. Более сообразительный и смекалистый командир сумеет обратить силу соперника против него самого и в конечном счете одержать победу.

*Робаут Жиллиман «О герменевтике^[15] стратегии»,
96.34.iii*

Перед высадкой десанта «Громовые ястребы» пронесли над полем боя, обработав склон бортовыми пушками и кассетными бомбами. Жиллиман следил за обстрелом из открытой боковой двери десантного отсека. Орудия Ультрамаринов взметнули огромное облако пыли, а распускающиеся огненные шары взрывов подняли пламенную бурю обломков. На подступах к пирамиде разверзся подлинный ад, тогда как чуть западнее продолжался артобстрел. Среди орков царила суматоха, их наступление застопорилось. Жиллиман видел, как они разбегаются в разные стороны, толкаются, давят друг друга. Зеленый прилив взбурлил. Тысячи трупов устелили изуродованный пейзаж. Хорошее начало.

Но всего лишь начало.

Склон все равно кишмя кишел орками, которые подбирались к пирамиде, несмотря ни на что. С воздуха Робаут смог оценить весь масштаб повреждений. Большая часть западного крыла сооружения обрушилась. Обломки образовали насыпь, ведущую к дыре шириной в

сотни метров. Даже под мощным огнем штурмовых катеров зеленокожие упрямо взбирались на возвышенность, перескакивая по валунам, и прыгали внутрь, наводняя пирамиду.

— Пилоты запрашивают разрешение отбомбиться по входу, — доложил по воксу Гейдж.

— Отказано, — сказал Жиллиман. — Банзору с Эмпионом и так чертовски повезло, что пирамида устояла. Не будем сами валить ее им на головы.

— Вас понял.

— Еще один пролет на бреющем, — приказал Робаут пилотам катера, — а затем начинаем высадку. Ультрамарины, готовьтесь прыгать. Ударим на нисходящем заходе.

На борту «Копья Масали» находилась личная оружейная примарха. Из богато украшенного блестящего металлического контейнера Жиллиман вынул Длань Доминиона и, надев силовую перчатку, размял пальцы. Разряды энергии с треском заметались по багрово-голубому кулаку. Робаут специально выбрал именно это оружие — оно идеально подходило для той войны, которую ему предстояло вести. Но в своем решении он внял не только доводам разума, но и порыву эмоций — предварительно осмыслив его и сочтя подходящим ситуации. Жиллиман был сыт по горло орками и в особенности тем, как они своими дикими, бездумными действиями путали ему все планы, словно в кривом отражении выставляя его стратегию против него самого. Зеленокожим не победить. Он разобьет их. Сокрушит собственными руками.

Штурмовые катера пролетели вверх над склоном, поднимая за собой пелену дыма и пыли. Развернувшись, возглавляемая «Копьем Масали» эскадрилья с ревом устремилась обратно всего в паре метров над поверхностью. Установленные на спонсонах тяжелые болтеры расчищали путь от орков, выживших под бомбами и пушечным огнем. Орда все продолжала прибывать с севера, но теперь в ней образовалась брешь.

«Копье Масали» ворвался в темное удушливое облако и завис над землей. Полыхнули вертикальные бортовые сопла, вскружив пыль яростным вихрем. Жиллиман выпрыгнул через боковую дверь. Сыновья последовали за ним.

В считанные секунды тридцать Ультрамаринов ступили на каменный вал. Двигатели «Копья Масали» взревели и унесли штурмовой катер вверх и дальше на север. В это время другие «Громовые ястребы» уже высаживали остальных. Меньше чем за минуту весь пехотный состав Первого ордена оказался на земле. Авиация же возобновила бомбардировки на севере и востоке, за пределами зоны артобстрела, уничтожая орков еще на выходе из оголенного хитросплетения туннелей.

Ветер разогнал дым, вновь явив взглядам орков, бурлящей волной пронесившихся по каменистой земле. Громилы в первых рядах при виде стены Ультрамаринов неистово завопили, вызывая десантников на драку. Сородичи позади тут же подхватили их клич. В следующее мгновение уже весь раздробленный склон дрожал от всеобщего дикого ора, пуще прежнего разжигавшего в зеленокожих жажду резни. Этот протяжный, надрывный вой заглушал даже грохот бомбардировки. Таков был глас расы, что жила лишь ради упоения битвой.

«Именно поэтому, — подумал Жиллиман, — мы уничтожим всех этих животных до последнего».

Робаут поднял над головой Длань Доминиона и ответил на рев орков собственным. Он хотел, чтобы зеленокожие знали, с кем связались. Сыны вторили своему примарху. Многоголосие Ультрамаринов сложилось в глубокий, гулкий, могучий рык — звук благородной ярости, вестник конца первобытной дикости.

Прикрываемый с боков инвиктами, Жиллиман ринулся на врага. Справа от него, выше по склону, Гейдж повел в бой другой клин терминаторов. Остальные легионеры не отставали. Ультрамарины наступали на орков не волной, но стеной, могучим тараном. И когда они подошли ближе, видимость орков как единой сплошной массы развеялась.

Здесь рельеф местности препятствовал такой плотности боевых единиц, как на равнине и в туннелях. Довольно крутой и ненадежный склон был завален острыми и зазубренными каменными обломками всевозможных размеров — от щебенки до валунов, превышающих габариты штурмового катера. Жиллиман направился к разрозненной банде грузных бугаев. Едва завидев добычу, которая сама бежит в лапы, орки скучковались плотнее. Каждый монстр хотел первым забрать себе голову в качестве трофея. Робаут открыл огонь из Арбитра. Широкая очередь поразила сразу пятерых гигантов, расколов их несуразную броню. Один орк повалился на землю, когда реактивный снаряд пробил его глаз и взорвался в мозгу. Других же полученные раны привели в неистовство, окончательно их ослепившее. Истекая кровью, они бросились на Жиллимана, перескакивая бульжники.

Это оказалось верхом опрометчивости, ибо примарх встретил их выдержанным, стратегически выверенным гневом. Первый орк вырвался чуть вперед — ростом вдвое выше Робаута, он являл собой подлинное воплощение неконтролируемой ярости. Жиллиман ударил вожака Дланью Доминиона. Сжатая в кулак перчатка с лазурной вспышкой энергии врезалась орку в грудину. Словно метеорит, она насквозь пробила тело зеленокожего, испепеляя плоть, мышцы и кости. Жиллиман направил свой удар сверху вниз, отчего его рука практически полностью погрузилась в распадающуюся на атомы тушу зверя. Проломив позвоночник и вырвавшись из спины, кулак примарха попал по крупному валуну позади орка. В вечном полумраке гор вспышка энергии воссияла новым солнцем. Ударная волна разорвала на куски и камень, и орка, а оказавшегося поблизости другого зеленокожего плашмя швырнула наземь. Еще один оступился, и кровь фонтаном брызнула из его носа и ушей. Теперь он взревел уже от боли и схватился за голову. Жиллиман прекратил его мучения выстрелом из Арбитра.

Недобиток попытался подняться, и тогда Жиллиман впечатал его в склон Дланью Доминиона. Орк испарился вместе с кучей горной породы, а по земле во все стороны разошлась дрожь. Каменные глыбы покатались по склону. Некрепкая гранитная насыпь просела и поехала вниз, положив начало новому оползню. Грохочущие камни сбивали орков с ног, давили, навсегда обрывали их вопли.

Инвикты в это время сжигали зеленокожих залпами из плазменных пистолетов и рубили силовыми мечами любого, кто осмелится приблизиться. Клинки гудели и сверкали, а неугасающий ветер качал гребни на шлемах телохранителей. В их доспехах и оружии нашли отражение подлинная красота и изящество. Робаут высоко ценил искусство и понимал его значимость на поле боя. Воину, которому оказана честь владения предметом искусства, к тому же расширяющим его способности к убийству, оно дарит чувство величия, превосходства. Но выше любого искусства и любой красоты Жиллиман ценил точность, и с этой точки зрения силовые мечи были самым правильным оружием у самых достойных воинов. В руках инвиктов они являли собой подлинное искусство войны, выраженное в простой, но смертоносной форме.

Орки гибли. Яркие вспышки плазмы и ударные волны от силовой перчатки знаменовали все новые смерти, и треск раскальвающихся камней был подобен бою похоронного колокола. Огни служили также приманкой, и потоки зеленокожих действительно меняли

свое направление. Чудовищ, которые раньше торопились вкусить битвы в пирамиде, теперь влекло к более жаркой и, главное, близкой драке. Вопли уничтожаемых сородичей их вовсе не отпугивали, а, наоборот, раззадоривали.

Жиллиман видел перемены. Все больше врагов стягивалось к нему, как он того и хотел. «Теоретически: орки забудут о Банзоре, если подсунуть им более насущную цель. Практически: бей их изо всех сил и будь все время на виду».

План сработал. Воины Жиллимана и Гейджа нанесли первый удар. Робаут прибежал к той же тактике, что и во время битвы на равнине, вынудив орков сплотиться для отражения нападения Ультрамаринов, а затем вырвал у орды сердце. За ним следовал широкий строй легионеров, тепло встречая зеленокожих огнеметами, ракетами и болтерными очередями. Завывающие орки буквально захлебывались собственной яростью. Орда выступила против Первого ордена.

— Замечены передвижения позади, — сообщил Гейдж. — Часть врагов уходит от пирамиды сюда.

— Хорошо, — улыбнулся Жиллиман.

— Скоро мы попадем в окружение.

— Магистр Банзор, — вызвал по воксу примарх, — доложите обстановку.

— Давление начинает ослабевать.

— Сможете соединиться с Эмпионом?

— Еще как сможет, — раздался голос командира Девятого ордена. — Мы видим тебя, брат, — тут Клорд обратился уже к Эвидо.

— А дальше мы поможем вам на склоне, примарх, — сказал Банзор.

— Нет, — возразил Жиллиман. — Прорывайтесь на юг, к силам Атрея в следующей пирамиде. Помогите ему так же, как мы помогли вам, и покончите с войной на том фронте.

В разговор вклинился Хаброн. «Пламя Иллириума» кружило над полем боя и транспортировочных захватах «Громового ястреба», и технодесантник мог свободно применять сканеры «Искателя» с воздуха.

— Лорд Жиллиман, есть контакт с Двадцать вторым.

— На «Каваскоре»?

— Нет, из-под обвала. На связь вышел Локсиас из 221-й роты. Магистру Иасу и некоторым его воинам удалось выжить.

— До них можно добраться?

— В данный момент пытаюсь это определить. У меня нет прямого контакта с магистром. Локсиас транслирует сигнал, но сколько это сможет продолжаться, неизвестно.

— Делай все возможное. Постарайся найти для нас точку проникновения. — Переключившись на командную сеть, Жиллиман сообщил: — Двадцать второй орден все еще с нами. Ультрамарины, идем на север.

С этими словами он прибил Дланью Доминиона еще одного орка. Его последователи отпрянули от ударной волны, а после один за другим издохли, когда свое веское слово вновь сказал Арбитратор. Робаут почувствовал, как позади него сменился ритм болтерной стрельбы — легионерам приходилось давать отпор атакующим со стороны пирамиды. Под темным серым небом Тоаса, в свете звезд, которые никогда не исчезали, тысячи орков шли напролом через пламя артобстрела и воздушных налетов. Новая лавина плоти и ярости мчалась втоптать Жиллимана и его воинов в землю.

«Теоретически... — подумал Гиеракс и на этом остановился. — Теоретически...» — начал он снова.

В голове капитана все перемешалось. Мысли кружили, словно в водовороте, — сбивались, переплетались, расползались бесформенным туманом, уносились прочь, но снова и снова возвращались обратно. Одно-единственное слово исступленно металось в его мозгу. Гиеракс стоял в центре стратегиума спиной к столу тактикариума, отрешенно глядя на пикт-экран и не видя ничего, кроме расплывчатого калейдоскопа цветов.

«Теоретически...»

От повторений никакого толку. Подобно глухому раскатистому набату, они только леденили душу и одновременно разжигали внутри горечь и гнев.

Сирраса больше нет. Старый друг, товарищ, брат... погиб. Его вера в то, что Гиеракс стал бы достойным магистром ордена Немезиды, была абсолютной. Может статься, именно эта предвзятость в конечном счете и помutilа его рассудок.

В последние мгновения перед обрывом связи с Двадцать вторым Гиеракс слышал, как Иас требует от Сирраса прекратить огонь тяжелой техники. А затем пирамида попросту исчезла. Вокс умолк. Гора пала. Гиеракс оплакивал друга. С самого начала гнев капитана был направлен на Иаса, но как раз таки Нас все сделал правильно. Сир-рас сам навлек на себя беду.

«Теоретически: Сирраса подвело здравомыслие».

Мысли Гиеракса наконец вырвались из порочного замкнутого круга и обрели более-менее четкое направление.

«Практически: не позволяй себе уподобиться ему».

— Капитан?

Чужой голос вывел Гиеракса из задумчивости и заставил вновь сосредоточиться на окружающей действительности. Командир разрушителей посмотрел направо. В стратегиум вошел Клетос.

— В чем дело, легионер? — спросил Гиеракс.

— Вести, которые приходят с войны... Это правда?

Гиеракс мысленно задался вопросом, сколько же времени он провел в себе, если новости о катастрофе уже успели разлететься по кораблю.

— Да, — сначала спокойно подтвердил Гиеракс, но после, не в силах больше сдерживаться, рявкнул во весь голос: — Да! Позиии Двадцать второго ордена уничтожены. О выживших пока ничего не известно.

Клетос выругался.

— Нельзя было его делать нашим магистром! А нам следовало быть там, внизу! Если бы он не...

— Нас ни в чем не виноват, — сказал Гиеракс, и Клетос, осекшись, умолк. — Капитан Сиррас совершил ошибку, которой можно было избежать, следуй он в полной мере философии нашего примарха.

Он не кривил душой. Сиррас поступил самонадеянно. Он не подчинился прямому приказу. Гиеракс понимал, что только чрезвычайные обстоятельства могли толкнуть друга на такое своеволие, но не мог отрицать, что в своем решении тот явно поступился доводами рассудка.

— Неужели остались только мы? — спустя мгновение спросил Клетос.

— Возможно.

— Что прикажете делать?

— Я попробую связаться с примархом. Его приказы считать моими. Я...

Вдруг Гиеракс запнулся, зацепившись взглядом за пикт-экран, от которого его отвлек приход Клетоса. На него выводилась информация об отслеженных перемещениях и скоплениях орков. Топографическая карта региона обновилась несколько секунд назад с учетом последних событий на поверхности планеты. Несмотря на масштабные разрушения, орда зеленокожих в районе бывшей северной пирамиды практически не уменьшилась ни по плотности, ни по численности.

«Почему здесь?» — задумался Гиеракс.

— Капитан? — напомнил о себе Клетос.

Гиеракс указал на экран:

— Почему тут так много орков? Крупные орды атакуют наши войска и в других пирамидах, но именно здесь врагов больше всего.

— Совпадение? — предположил легионер.

Идее Клетоса трудно было отказать в праве на существование. Орки славились своей непредсказуемостью — во многом потому, что их действия зачастую определялись совершенно случайными событиями и явлениями. Пришедшийся к месту оползень вполне мог обратить буйство всей орды в другое русло. Но Гиеракс нутром чувствовал, что все далеко не так просто.

— Не думаю. С самого начала операции в этой области горной гряды отмечалась наиболее высокая численность орков. Должно быть, что-то влечет их туда.

Вдруг его глаза расширились. Проклиная все на свете, капитан развернулся к экрану на другом конце стратегиума и моментально нашел то, что искал.

— Смотри, — ткнув пальцем в монитор, сказал он Клетосу. — Уровни радиации в этом регионе аномально высокие.

— Вы видите здесь взаимосвязь?

— Во всяком случае, отмечаю совпадения.

— Но почему там так сильно фонит?

— Это вопрос номер один.

Следы радиации фиксировались по всей протяженности горной цепи, а из отчетов технодесантников следовало, что крепость пала в ходе давней войны. Выявленные повреждения насчитывали много сотен лет, но зашкаливающий радиационный фон вокруг северной пирамиды создавал впечатление, будто война там не закончилась до сих пор.

— Теоретически, — сказал Гиеракс, — где-то в этой области находится действующий источник излучения.

— Зеленокожие постарались?

— Вряд ли. Скорее всего, чем бы он ни был, именно он и привлекает орков.

Вдруг все встало на свои места. Догадка оформилась и налилась силой подлинной теории.

— Вокс! — капитан крикнул на мостик. — Мне нужно поговорить с лордом Жиллиманом!

Шахта вывела в новый туннель.

«Сколько же уровней в этом комплексе? — гадал Иас. — Неужто местные докопались до самого ядра?»

Эти ходы были уже и ниже тех, из которых Ультрамарины спустились. Многие обрушились. Отдельные повреждения выглядели древними, но большая часть возникла относительно недавно. Воздух все еще переполняла пыль, скрипевшая на зубах при каждом вдохе. Отовсюду доносилось эхо тяжелого топота и воплей орков, но на самом перекрестке под шахтой зеленокожих не оказалось.

Первым к магистру присоединился Бурр. Ветеран огляделся, внимательно прислушиваясь к отдаленным звукам.

— Мы окружены? — спросил он.

— Вполне возможно, — ответил Иас. — Эти твари заполонили туннели.

— Они ищут нас?

— Сомневаюсь. Не думаю, что они вообще про нас знают, иначе бы не заставили себя долго ждать.

— Что они вообще здесь делают? — Бурр отошел в сторону, уступая место спрыгивающим с лестницы легионерам.

— Возможно, направляются к другим боевым зонам. В конце концов, у них было время хорошо изучить эти туннели.

— Магистр Иас, — вызвал Локсиас. — Мне удалось наладить связь. Легион знает, что вы живы.

— Хорошо сработано, брат. Нам поступали приказы?

— Лорд Жиллиман хочет, чтобы вы выбирались.

— Мы и сами не против. Он в курсе ситуации?

— Так точно. Я пробую найти для вас путь.

— Твои сенсоры проникают так глубоко?

— С трудом. Но связка с авгурной сетью «Искатель» Первого ордена дает более-менее приемлемые результаты. — Локсиас затих. Его голос заметно слабел. С каждой паузой Иасу начинало казаться, что он уже ничего больше не услышит. Магистр даже собирался позвать технодесантника по имени, как вдруг Локсиас заговорил снова: — Кажется, нашел. Во время оползня открылась расщелина. Направление — юго-восток.

— Можно поточнее?

— Тут не туннели, а сущий лабиринт. Многие проходы завалило, отдельные участки все еще нестабильны. Получить более точные сведения о безопасных путях не представляется возможным. Могу сказать лишь, что расщелина довольно длинная, и если вы будете двигаться в заданном направлении, то рано или поздно наткнетесь.

— Ясно. Спасибо, брат. Отвага и честь.

— Отвага и честь, магистр.

Остатки 221-й роты взяли курс на юго-восток. Путь выдался нелегким. Туннели постоянно пересекались, уходили куда-то не в ту сторону или упирались в каменные завалы. Ультрамаринам часто приходилось в спешке возвращаться и искать другой маршрут. Отголоски вражеского воя звучали все громче. Рычащее эхо отскакивало от стен туннелей, многократно усиливаясь. Орки приближались, но невозможно было определить, сколько и откуда. Словно вирус, зеленокожие расползались по венам мира Тоас.

Иас вышел к перекрестку, расходящемуся на восток и запад. Магистр выбрал восток. И всего в трех десятках метров впереди увидел орков. Твари освещали себе дорогу грубыми прометиевыми факелами. Туннель насквозь пропах гарью и мускусной вонью зеленокожих. Эти орки не просто проходили мимо в поисках драки — они находились в данном секторе

долгое время. И у них на то явно должны были быть веские основания.

Орки увидели Ультрамаринов.

— Прочь с дороги, — бросил Иас.

Болтерный огонь ударил по зеленокожим. Две группировки устремились навстречу друг другу. Пронзая силовым мечом ближайшего ксеноса, Иас задумался, далеко ли удастся продвинуться ему и его ордену. О том, чтобы занять оборону и ждать помощи, речи не шло.

Ультрамарины либо продолжат наступление, либо погибнут.

— Я слушаю, — ответил Гиераксу Жиллиман, упираясь спиной в огромный валун.

Длань Доминиона врезалась в орка с такой силой, что зеленокожий взорвался, забрызгав окрестности смесью разжиженной плоти и испаряющейся крови. Не теряя ни секунды, примарх всадил по болту в грудь еще трем, оставив дыры размером с кулак. Он убивал автоматически и мог позволить себе потратить несколько секунд на то, чтобы выслушать капитана разрушителей.

— В вашем секторе зафиксированы аномально высокие уровни радиации вкупе с наибольшей концентрацией орков. Туннельная сеть пролегает гораздо глубже, чем мы предполагали, что лишает нас возможности сканирования. Мое предположение: источник излучения притягивает к себе зеленокожих. А комплекс, в свою очередь, является бывшим военным объектом. Теоретически — где-то неподалеку от вашей позиции находится крупный склад оружия.

— Что вы предлагаете, капитан?

— Высадить Вторую роту разрушителей для поиска и захвата оружия, а также помощи нашему магистру.

— Хорошо, — сказал Жиллиман, ясно представляя себе удивленное лицо Гиеракса. — Используйте десантные капсулы, высаживайтесь по координатам, которые вам передаст Хаброн. Ждите моего разрешения для спуска в комплекс.

— Вас понял. — Гиеракс отключил связь.

«Зачем ты согласился?» — спросил Робаут себя. Он развернулся и ударил силовой перчаткой по валуну за спиной. Взрыв разметал во все стороны крупные острые осколки, которые, словно шрапнель, пронзили тела окружающих орков. Жиллиман вышел на освобожденное пространство и уверенным шагом двинулся дальше на север. Инвикты вновь обступили своего господина.

«Я согласился, потому что того требует здравый смысл. Свежая рота значительно увеличит наши силы и обеспечит выживание остатков Двадцать второго ордена. Я согласился, потому что Гиеракс не обошел вниманием своего магистра. Я согласился, потому что Гиеракс предложил операцию спасения, а не уничтожения. Я согласился, потому что капитан Второй роты разрушителей способен рассуждать здраво. Его доводы прозвучали убедительно. Он хорошо теоретизировал.

Я согласился, потому что это необходимо».

Пули орков барабанили сзади по его доспеху. Жиллиман обернулся и увидел, как толпа диких тварей дружно набросилась на легионеров в тылу. Двое уже неподвижно лежали на земле. Еще трое отчаянно боролись за жизнь под ударами тяжелых цепных топоров. Робаут ринулся обратно, на бегу стреляя по нападавшим. Не доходя до схватки пару шагов, примарх с размаху врезал силовой перчаткой по земле. Во все стороны полетели обломки и грязь, а ударная волна сбила орков с ног. Этого хватило, чтобы легионеры успели подняться и

свершить свое возмездие.

«Почему ты пошел на поводу у Гиеракса?» — не унимался Жиллиман. Собственные ответы, пусть даже правдивые и правильные, его не устроили. Он вновь шагал по склону, поливая огнем зеленую орду.

«По наитию», — признал он.

Робаут понимал, что Гиеракс прав. Он не знал, что именно найдут Ультрамарины, но уже подозревал, что ничего хорошего ждать не стоит. И если там действительно окажется грозное оружие массового поражения, знания разрушителей будут очень кстати.

«Но почему?»

Им двигал глубинный инстинкт, подозрение, которое он до сих пор отказывался оглашать. Примарх чувствовал его — притаившись в самом темном уголке его разума, оно выжидало любого проявления слабости, чтобы из тумана полумыслей оформиться в нечто более конкретное и вырваться на волю.

Но пока Робауту удавалось держать его в узде. Подозрения бесполезны, если не становятся реальностью. А до тех пор осмысленных доводов в пользу развертывания Второй роты разрушителей было более чем достаточно.

Но неотступное подозрение упорно билось о стену, которую он возвел в своем разуме. Оно взывало к нему с другой стороны и требовало, чтобы его услышали.

«Тебе не понравится то, что ты увидишь внизу».

8

Сыновья и Разрушители

Точность

Последний спуск

Прописная истина гласит: война — это лишь средство, но никак не конечная цель. Должен заметить, весьма опасное утверждение. Только самые извращенные умы когда-либо развязывали войны ради самих войн. Впрочем, даже в таких случаях их вера в собственные убеждения вызывает сомнения. В какой-то момент я начал думать, что разрушения, учиненные Галланом, не имеют за собой никакой конкретной цели. Крах порядка на улицах Макрагг Цивитас поначалу наводил на мысли именно о конфликте ради конфликта. Однако доскональный и беспристрастный разбор действий Галлана показал обратное. Хотя его тактика противоречила здравому смыслу и строилась скорее на чувстве гнева, нежели на сколь бы то ни было точном анализе, консул поставил перед собой четкую задачу: подавить сопротивление правящему режиму и выкорчевать даже само желание выступить против него. В общем смысле это применимо к любому солдату. Война всегда имеет цель.

Однако более глубокое изучение произошедшего выявило крайне опасную обманчивость такой логики. Галлан преследовал свою цель, однако его тактика возымела эффект гораздо сильнее ожидаемого

и в итоге сработала против него самого. Он создал ситуацию, которая — если ее пустить на самотек — в итоге вылилась бы в бесконечный круговорот насилия. Ему пришлось бы и дальше держать людей в страхе и жестоко подавлять всякое сопротивление, реальное и мнимое.

Таким образом, любая война сопряжена с огромным риском. Если задействованная мощь достаточно велика, в какой-то момент она запросто может выйти из-под контроля и начать подпитывать саму себя. Изначально поставленные цели становятся всего лишь оправданиями бесконечной войны. Так, перспектива неизбежного завершения Великого крестового похода Отца ввергает некоторых моих братьев в уныние. Я понимаю и в какой-то мере разделяю их реакцию, но при этом достаточно научен горьким опытом, чтобы остерегаться ее. Напротив, мне приятно думать, что, выполнив свою работу, мы тем самым положим истинный конец всем войнам человечества, окончательный и бесповоротный.

Робаут Жиллиман «Размышления. Часть третья», xxxii

Пока войска Жиллимана двигались на север, штурмовые катера методично бомбили территорию дальше к югу. Между Ультрамаринами и пирамидой выросла огненная стена. Зеленая орда окончательно сменила направление. Орки из туннелей больше не стягивались к пирамиде, а те, кто лез из самой постройки, тут же попадали под огонь «Громовых ястребов». Дальнобойная артиллерия Жиллимана перенесла обстрел к подножию оголенного пика и теперь утюжила скопления врагов прямо на выходе из туннелей.

На связь вышел Гейдж:

— Мне кажется — или их наконец-то становится меньше?

— Похоже на то, — отозвался Робаут.

Склон все еще переполняли тысячи орков, но Гейдж был прав. Даже зеленокожие не обладали бесконечными резервами, и Ультрамарины наконец начали убивать ксеносов быстрее, чем к тем успевали подходить подкрепления.

А затем в сотне метров от обозначенной расщелины в землю вонзились десантные капсулы. Словно рукотворные метеориты, они ударили по склону, раздавив и испепелив десятки орков, карабкавшихся навстречу ударной группе Жиллимана. Боковые стенки распахнулись, и на поле боя вышла новая сила.

Банды орков, оказавшиеся зажатыми между пехотой Первого ордена и разрушителями Двадцать второго, не прожили и пяти минут. Две группировки Ультрамаринов маршировали навстречу друг другу по телам зеленокожих.

Когда последний зверь испустил дух, изрешеченный градом снарядов, Жиллиман взглянул на собравшихся перед ним легионеров. «Они тоже мои сыновья», — напомнил себе примарх. Ему постоянно приходилось это делать. Между ним и разрушителями всегда существовала определенная дистанция. Как боевое подразделение, они были необходимы, но слишком уж сильно выбивались из его видения XIII легиона. Их выделял даже цвет доспехов — черный. Благородная синева Ультрамаринов присутствовала лишь на наплечниках и в виде одиночной вертикальной полосы по центру шлема, больше нигде. Жиллиман видел

такой же подход к окраске в легионах Фулгрима и Корвуса. Не покидало ощущение, будто у разрушителей больше общего друг с другом, чем со своими братьями-легионерами. Потворствовать этому Робаут не собирался. Поэтому он и назначил новым магистром Двадцать второго ордена Иаса, считая, что лидер со стороны сможет привести своевольную Немезиду к согласию с остальными орденами.

Многие разрушители носили на поясе символ раптора. Изображение хищной птицы было еще одной их отличительной чертой. Оно служило напоминанием, что его владельцы произошли с Терры. Облик легиона постепенно преобразался, но в двух ротах разрушителей этот процесс шел куда медленнее.

Насколько Жиллиман мог судить, Гиеракс мобилизовал всю роту, за исключением отрядов поддержки с тяжелым вооружением. Одна из капсул даже доставила на поверхность дредноута Левия. От внимания Робаута не укрылось, что древний воитель убивал орков исключительно силовым кулаком.

«Чем же заряжена твоя пушка?» — невольно задался он вопросом.

Примарх видел множество видов оружия, которые вызвали у него отвращение. Так, он безошибочно определял, что ракеты в пусковых установках снабжены радиационными боеголовками. В этом крылась и вся суть разрушителей, и причина их существования. Робаут никогда не пытался распустить их или посадить под замок и выбросить ключ. Но он исключил их из стандартных тактических схем XIII легиона. Разрушители были крайней мерой. Адепты опустошения и истребления всего живого, они оставляли после себя лишь отравленные руины.

Но сейчас их радиационное и биоалхимическое оружие покоилось в кобурах либо висело за спинами воинов в черных доспехах. Они убивали орков из обычных болтеров. Жиллиман оценил проявленное ими почтение. Разрушители пришли исполнять свой долг, а не отстаивать личные интересы.

Гиеракс выступил перед своей ротой и, сняв шлем, предстал перед Жиллиманом.

— Ждем ваших распоряжений, — коротко доложил капитан.

— Добро пожаловать, — кивнул примарх. — Благодарю за помощь вашему магистру.

Войны оставили неизгладимый отпечаток на лице Гиеракса, но сейчас Робаут видел, как оно сияет от гордости и чувства долга.

— Нам не терпится присоединиться к нему, — сказал Гиеракс и взглянул за спину Жиллиману, — потому что здесь, как я вижу, до победы и так рукой подать.

Легионеры Первого ордена установили линию обороны на южном краю расщелины и сдерживали наступление орков. Шквал огня не прерывался ни на мгновение. От любого врага, посмеявшегося подойти с юга, моментально оставалась лишь бесформенная куча сочащегося кровью фарша. Гиеракс был прав. За последние несколько минут ряды орков заметно поредели. На склоне остались разрозненные банды. Они еще пытались атаковать, но больше не могли собраться для слаженного нападения. Лишь немногие умудрялись подобраться достаточно близко, чтобы легионерам пришлось воспользоваться мечом вместо болтера. Дальше на востоке поток орков, изливавшийся из оголенных туннелей, иссяк до жалкого ручейка. Битва на той стороне пирамиды фактически подошла к концу.

Жиллиман нахмурился. Примарх знал, сколько орков убили он и его сыновья. Недостаточно, чтобы их осталось так мало.

— Хаброн, — вызвал он по воксу, — какова ситуация на юге от нашей позиции?

— Другие ордены успешно закрепились и приступают к зачистке территории.

— Тогда куда подевались орки?

— Отдельные части орды отступают, — сообщил технадесантник.

— Стало быть, они уходят обратно под землю?

— Очевидно.

Жиллиман повернулся к Гиераксу:

— С каждой секундой твоя гипотеза выглядит все более правдоподобно. Орки бегут со склонов и возвращаются в туннели. И вряд ли их так манят выжившие из Двадцать второго — они не настолько лакомая добыча. Их влечет что-то еще.

Гиеракс заглянул в расщелину.

— Если отступление началось, когда мы заняли эту позицию...

Робаут кивнул:

— Они поняли, что мы собираемся спускаться вглубь подземного комплекса.

— Теоретически, — предположил Гиеракс, — орки отчаянно не хотят пускать нас вниз, потому что держат там что-то, представляющее для них огромную важность.

— Практически, — продолжил Жиллиман, — нам следует сделать то, чего они больше всего боятся.

Спуск начался через несколько минут. Примарх взял треть пехоты, оставив инвиктов руководить окончательным истреблением орков на поверхности. Легионеров Первого ордена повел Гейдж. Робаут шагнул вместе со Второй ротой разрушителей, оказав Гиераксу и его солдатам честь возглавить операцию по спасению разбитого Двадцать второго. Кроме того, они будут знать, что он наблюдает за ними.

«Они тоже мои сыновья. Они произошли от моей крови и тоже должны понимать, к чему это обязывает».

Расщелина отвесно уходила вниз, но чуть дальше, где она постепенно начинала расширяться, в результате обвала образовался пологий скат, которым и воспользовались Ультрамарины. Даже громоздкий и тяжеловесный Левий мог без опаски ступать по каменистой насыпи, силовым кулаком кроша в пыль крупные валуны на своем пути.

— Тебе удалось определить местоположение Двадцать второго? — в начале спросил Хаброна Жиллиман.

— Сигналы неточные, но могу сказать, что они находятся на уровне примерно половины глубины расщелины.

— Значит, там мы войдем в туннели и будем продвигаться, пока не поймем вокс-сигнал капитана Иаса.

— Он будет рад вашему скорейшему появлению, — сообщил технадесантник.

— Все настолько плохо?

— Судя по последнему сообщению, да.

Они уничтожили первую группировку орков, но всего через три перекрестка зеленокожие окончательно остановили продвижение уцелевших воинов Двадцать второго ордена. Иас не представлял, сколько еще оставалось до расщелины, но теперь это уже не имело никакого значения.

«Дальше нам хода нет».

На развилке сходились полдюжины узких туннелей, ведущих в разных направлениях. Орки валили валом изо всех сразу, и под каменными сводами разносился преисполненный неуголимой ярости рев. Битва для них перестала быть забавой.

Атаку возглавляли настоящие исполины — настолько высокие, что им приходилось нагибаться, чтобы не тереться головами о потолок. В лапах они сжимали огромные цепные топоры и секачи, которыми легко пробивали даже стены. Стремясь поскорее добраться до Ультрамаринов, они без оглядки топтали меньших сородичей.

Истошно ревущий монстр, походивший на дредноута из плоти и крови, ринулся на Иаса. Воин отпрыгнул назад от взмаха топора и в ответ нацелился на врага реактивными болтами. По всему телу зверя хлынула кровь, но это его не остановило. Он снова замахнулся топором — теперь снизу. Уклоняться Иасу было уже некуда, и магистр наотмашь рубанул силовым мечом. Сияющий клинок рассек лезвие топора, но сорвавшаяся цепь хлестнула по мечу, едва не вырвав его из руки воина. В результате топор ударил под углом, не разрубив, но сработав как молот — впечатал Иаса в стену, отколол кусок от его доспеха и пробил нагрудник. Затрещали ломаемые ребра. Кровь сверхчеловека смешалась с кровью орка.

Зверь зарычал и, рывком высвободив оружие, поднял топор над головой. Иас встрепенулся, сбрасывая шок, и вскинул меч. Сжигая воздух и плоть, окутанное энергией лезвие вошло зеленокожему в подбородок и вышло из затылка. Бешеные маленькие глазенки зверя потухли, но руки тряслись еще пару мгновений, словно мертвое тело силилось все-таки завершить свой последний удар. А затем грузная туша рухнула на землю.

Иас выдернул меч и отошел назад. Еще один гигант вырос на месте первого, другие за время поединка успели обойти его справа. Зеленокожие вытесняли Ультрамаринов из туннеля, могучими ударами сражая десантников одного за другим. На вгрызающиеся в их тела снаряды дикие чудовища не обращали никакого внимания, словно были големами, вытесанными из горного камня. В схватке с ними Бурр лишился левой руки. Рассыпая проклятия, ветеран зарубил орка цепным мечом. За его спиной другой зверь снес голову легионеру каменным молотом, который весил никак не меньше полутонны.

— Назад! — крикнул Иас. Сам он бросился вправо, уклоняясь от секача нового нападавшего, и пустил шесть снарядов в голову противника Бурра. — Двадцать шагов назад и на восток!

Чуть раньше Ультрамарины миновали участок, где одна на другую рухнули несколько стен, объединив соседние туннели в одну большую пещеру. Там было достаточно места, чтобы перестроиться и встретить орков сосредоточенным огнем.

Воины Немезиды отступили. Подгоняемые яростью орки неуклюже гнались за ними. Еще двое боевых братьев пали смертью храбрых. Вырвавшись в пещеру, Ультрамарины выстроились большим квадратом, каждая сторона которого состояла из двух рядов по дюжине легионеров. Первые шеренги припали на колена, вторые стояли в полный рост. Орки кружили около космодесантников, стараясь нащупать брешь в их обороне, и падали замертво, но другие все равно бросались сломя голову под очереди болтеров и струи огнеметов. Мелкие зеленокожие метались позади гигантов, истошно визжа от злости. Некоторые особо смелые пытались прошмыгнуть между чудовищами и погибали, но принимая на себя снаряды, они давали шанс верзилам подобраться ближе и нанести удар до того, как шквал разрывных болтов и пылающего прометия сметет и их.

— Кажется, мы чем-то очень сильно их расстроили, — отстреливаясь, прошипел сквозь сжатые зубы Бурр.

Опустившись на колена позади Иаса, ветеран закрепил цепной меч на бедре и держал болтер одной рукой. Обрубок другой больше не кровоточил.

— Похоже, наше присутствие что-то спровоцировало, — сказал Иас и активировал

вокс. — Чувствуете, братья? Чуете запах зеленокожих? Это отчаяние!

— Если они так отчаянно хотят, чтобы мы ушли, — сказал Бурр, — могли бы просто разойтись и уступить дорогу.

Иас невесело усмехнулся.

— Перезаряжаюсь, — сказал он, и Бурр выпустил длинную очередь, прикрывая магистра ордена.

Легионеры заняли выгодную позицию и могли некоторое время сдерживать натиск орков. Но не более того. Дальше им не продвинуться — только не против орды таких размеров. В душе Иас смирился с тем, что это место станет для Двадцать второго ордена могилой. Он попытался вызвать Локсиаса. Ответом ему была тишина.

Магистр почувствовал перемены еще до того, как они нагрянули. Потоки орков сменили направление, а сами зеленокожие словно обезумели. Началась неразбериха.

Ревущий водоворот рассыпался на встречные течения — часть ксеносов ринулась из пещеры обратно в туннели.

Неожиданно ожил вокс.

— Магистр Иас? — произнес знакомый голос.

Этот голос... Глубокий, звучный, спокойный голос подлинного аристократа и непобедимого стратега. Иас на себе испытал все тяготы правления лжекороля Галлана. Он видел, как преисполненные амбиций гордецы пытаются возвыситься над своим народом и тем самым порочат себя, обрекая на вечное презрение. Истинное благородство не нужно выставлять напоказ. Если оно есть, то это неоспоримо, как орбиты планет и величие звезд.

— Лорд Жиллиман, — выдохнул Иас, не до конца веря своим ушам — в хаосе диких воплей, злобного рева и грохота стрельбы могло послышаться что угодно.

Но голос заговорил снова, и он был настоящим.

— Мы спешим к вам, магистр, — сообщил Жиллиман. — Думаю, не стоит спрашивать, вы ли так разозлили зеленокожих?

— Мы очень старались.

— Держись, Элеон. Помощь близко.

— Легионеры Двадцать второго! — ухмыльнувшись, вызвал Иас. — Наш примарх уже на подходе. Отвага и честь!

— Отвага и честь!

Иас готов был поклясться, что после этих слов даже болтерные снаряды начали разить врагов с большей силой. Огромные тела взрывались, окровавленные куски вонючей плоти плюхались на стены и пол, камень содрогался. Чудовища ревели во весь голос, охваченные яростью и отчаянием. А спустя несколько мгновений Иас услышал череду гулких, грохочущих толчков. Орки тоже обратили на них внимание. Даже самые крупные твари обернулись на звук. Великий колокол звонил по зеленокожим.

Толчки приближались, сбивая пыль с потолка. За ними слышались и оружейные выстрелы, и резкие взрывы гранат. Звук шел с юга, из прохода слева от Иаса. И, словно внемя ему, менялся звук самой орды орков. Их отчаяние достигло новых высот, а ярость затмила последние крупинки здравомыслия.

— Они... паникуют? — недоумевающе спросил Бурр.

Иас подумал о том же, хоть и сомневался, что орки вообще подвержены панике — во всяком случае, так, как люди. Но если это не паника, то как тогда описать происходящее, магистр не имел ни малейшего понятия. Грозный вой перерос в истошный визг, настолько

пронзительный и вездесущий, что ни одна глотка, казалось бы, не должна была выдержать подобного напряжения.

Два зеленокожих верзилы в нескольких шагах от Иаса уставились сначала на него, а затем обернулись на юг и трянули своим оружием — цепными топорами с настолько толстыми обухами, что они легко могли сойти за молоты. Твари взревели, и меньшие бугаи под их началом словно разом забыли о Двадцать втором ордене.

Но у орков не было ни единого шанса уйти. Толчки настигли их. Жиллиман настиг. Примарх вынырнул из тьмы туннеля, неся свет и смерть. Стволы его комбиболтера вспыхивали, выпуская на волю разрывную смерть, а левый кулак был окутан переливающейся лазурнобагровой энергией. Он ударил ближайшего гиганта. Иасу казалось, что примарх касается головой потолка, но орк возвышался над Жиллиманом. Монстр изумленно уставился на врага сверху вниз, чтобы через долю секунды испариться в разряде силовой перчатки.

Жиллиман был неукротим, но поразило Иаса другое. Он безоговорочно верил в Имперскую Истину и философию чистого разума, исповедуемую примархом, и сейчас, глядя, как тот сражается, видел абсолютную точность в каждом движении. Удар, отход вбок, выстрел, поворот вокруг падающего тела с последующим новым выпадом... Каждое действие было продиктовано разумом. Иас лицезрел совершенство точности и неожиданно для самого себя как никогда ясно понимал упрямую тягу смертных верить во что-то божественное.

Не прошло и десяти секунд, как Жиллиман убил последнего из орков-гигантов. Мелкие зеленокожие вопили в ужасе, но все равно бросались на примарха, умирая еще быстрее. Следом за Жиллиманом в пещеру, словно на крыльях ночи, ворвались разрушители. Они не сдерживали себя, шквалом снарядов буквально сметая врагов и обращая их тела в кровавую кашу. Орки оказались в ловушке между бойцами Иаса, Жиллиманом и ротой Гиеракса.

К моменту прибытия легионеров Первого ордена во главе с Марием Гейджем убивать уже было некого.

Гиеракс подошел к Иасу, снял шлем и отдал честь:

— Рад, что с вами все в порядке, магистр.

— Рад слышать это от вас, капитан. — Иас не упустил случая поддеть Гиеракса и увидел, как тот вздрогнул.

— Я сожалею о тех, кого лишился наш орден.

— Я тоже, — сказал Иас. — Но мы почтим память павших.

Гиеракс опустил голову в печальном согласии:

— И учтем их ошибки.

— Вы так считаете?

— Когда ошибка приводит к настолько тяжким последствиям, нельзя позволить ей повториться впредь.

Иас хлопнул Гиеракса по наплечнику:

— Как и нельзя позволить одной ошибке перечеркнуть целую жизнь, отданную службе. «Имя Сирраса не станет синонимом безрассудной глупости», — подумал Иас.

— Благодарю, магистр, — кивнул Гиеракс.

Внезапно за плечом капитана возник примарх. Гиеракс отошел в сторону.

— Легионер Бурр сообщил мне, что орки проявили нехарактерное для них упорство, отчаянно пытаясь остановить вас, — сказал Жиллиман Иасу.

— Так точно.

— Они начинали стараться усерднее, если вы выбирали какое-то конкретное направление?

Иас прокрутил в голове прошедшую битву.

— Да, — вспомнил он. — Когда мы двигались на юго-восток отсюда.

— Показывайте, — распорядился Жиллиман.

Они нашли рампу через сотню метров от того места, откуда орки вытеснили Двадцать второй орден. За большой развилкой южный проход заметно расширился, практически сравнявшись размерами с ходами у верхних уровней пирамид. Дорога уходила вниз довольно круто, но с расчетом на то, чтобы техника все же могла по ней перемещаться. Северная ветвь, заваленная каменными обломками, шириной не уступала южной, и Жиллиман подозревал, что если бы путь был свободен, то вывел бы их на поверхность.

Дорога резко поворачивала через каждые несколько сот метров, ложась колоссальной спиралью, уходящей к подножию гор. Из глубин доносились отголоски орочьего рева. Издалека звук казался низким утробным рокотом грома.

— Теперь понятно, куда они подевались, — сказал примарх, подозвав к себе командиров. Он, Гейдж, Иас и Гиеракс вместе шагали во главе колонны.

— Сюда, должно быть, есть ходы и со склонов, — предположил Иас. — Нам показалось, что в какой-то момент орда дрогнула.

— Похоже, — согласился Жиллиман. — Вопрос в том, что там такого важного для орков. — Примарх повернулся к Гиераксу: — У тебя была гипотеза, капитан. Говори.

— Оружие, — сообщил Иасу командир разрушителей. — Это объясняет и сильный радиационный фон в данном регионе, и повышенный интерес орков. И это тоже, — Гиеракс жестом обвел дорогу. — Простой и надежный способ быстрой переброски чего-либо под землей.

— Интересно, почему для этого создатели туннелей не пользовались своими же шахтами? — спросил Гейдж.

— Для транспортировки, к примеру, оружия в больших количествах такой вариант подходит больше. По этой дороге могли перемещаться целые конвои.

Минуту спустя Иас решил уточнить:

— Оружия какого рода?

— Боюсь, я могу только гадать.

— Попробуй, — кивнул Жиллиман.

Сам он уже знал ответ и подозревал, что Иас тоже. По своим местам все расставила остаточная радиация. Но примарх хотел, чтобы Гиеракс вслух произнес сделанный вывод. Воины должны быть едины в своих предположениях.

— Рад-ракеты или что-то в этом роде, — сказал Гиеракс. — Как минимум.

— Какой от них толк оркам? — спросил Иас. — Зеленокожие никогда бы не додумались, как запустить их.

— Верно, — поддержал магистра Робаут. — Но это не исключает вариант катастрофического несчастного случая.

— Почему рад-ракеты? — пробормотал Гейдж, обращаясь скорее к себе, нежели к кому-то из окружающих. — Против кого? До сих пор мы не нашли ни единого свидетельства того, что создатели этой крепости с кем-то воевали.

Все промолчали. Жиллиман нутром чуял, что ответ ждет их внизу. Если там действительно хранится оружие, значит, не только выцветшие фрески пережили исчезновение местной цивилизации. А раз уцелели одни артефакты, возможно, удастся найти и другие.

«Тебе не понравится ответ». Этот голос мрачной интуиции, что отвергала все здравые доводы, упорно разъедал разум примарха изнутри.

Сто метров вперед. Поворот. Еще сто метров. Рампа спускалась все дальше и дальше — на километр, два, три. Животные вопли орков летели навстречу Ультрамаринам. Тысячи тварей охраняли то, чем никак не могли воспользоваться.

«Вот сердце вашей империи, — хотел сказать им Робаут. — Именно за это вы будете бороться. Истребив вас, мы проявим милосердие, ибо вы живете впустую».

Дорога закрутилась в последний раз, а через пару сотен метров выровнялась и резко свернула в огромный зал. Во всем комплексе Жиллиман не видел ничего просторнее и величественнее. Все помещение заливал неравномерно пульсирующий тусклый багровый свет. Здесь их и поджидали орки. Они хлынули через ворота, и от их ярости задрожали стены. Зеленая волна превратилась в сплошную стену.

— Сыновья мои! — провозгласил Жиллиман. — Пора покончить с этой войной!

9

Сокровище

Трон

Туман

Могли мы предвидеть? От этого вопроса нам никогда не отделаться. Даже те из моих братьев, кто может безоговорочно ответить «нет», все равно снова и снова к нему возвращаются. Способен ли я был предвидеть это? Должен был. В свое время Галлан уже преподавал мне урок, и я обязан был понимать последствия Монархии. Предпосылок было полно — оставалось лишь сделать правильные выводы. Но я ничего не увидел. Истинная природа моей слепоты все еще остается для меня загадкой. Соблазнительно думать, что тщательный анализ позволит нам в будущем избежать еще одной подобной трагедии, но я не поддаюсь, ибо знаю, что это не так. Другой такой уже никогда не будет. Все самое худшее уже произошло, все лучшее потеряно навеки.

Из дневника Робаута Жиллимана, 120.М31

Жиллиман насквозь пробил Дланью Доминиона тело орка перед собой и расплыл на атомы бугая сразу за ним. Без промедления он выстрелил из Арбитра в дыру, разорвав ее еще больше. Прорубаясь к центру зала, Робаут буквально расколол стену орков. Позади него Ультрамарины уверенно теснили врага, уничтожая всю ксеносскую плоть на своем пути. В этой пещере воины легиона не могли позволить себе стремительный рывок или беспорядочный огонь.

Именно здесь точность стала превыше всего остального. Орки атаковали сломя голову,

даже не задумываясь о том, что сражаются в своей обители, которую так рьяно пытались защитить. В колонне Ультрамаринов они видели цель для своих самодельных пушек. Легионеры же стойко принимали на себя удары, не пытаясь искать укрытия. Его здесь все равно не было.

«Теоретически: возможность случайной детонации крайне мала, иначе бы здесь все давно-давно взорвалось. Практически: не стоит проверять эту гипотезу».

Потолок пещеры находился в трех сотнях метров над головами противников. Покрывавшие его фрески настолько почернели от дыма, что их почти невозможно было разобрать. На каждом этаже колоссального зала орки понаставили свои наспех сделанные металлические статуи — если к ним, конечно, вообще подходило это слово. Перекошенные гротескные морды возвышались над Ультрамаринами, и пламя факелов колыхалось в их распахнутых челюстях. Кучи мусора и обломков в высоту достигали пятнадцати метров, а местами и того больше. Одни воюющие орки скакали по ним и отстреливались сверху, другие металась между ними и истошно визжали, охваченные яростью. А навстречу космодесантникам неуклюже бежали массивные громилы, как те, что прижали Иаса и выживших из Двадцать второго ордена, всерьез настроенные удержать то, что опрометчиво считали своим.

Сокровища орков опоясывали зал по периметру — пирамидальные штабелы ракет, выложенные на выступающих из стен платформах, снаряды и бомбы в алмазиевых контейнерах, составленных один на другой башнями по десять метров... Самые крупные ракеты размерами не уступали «Смертельным ударам», а снаряды вполне подошли бы танкам «Гибельный клинок».

Символика на оружии была незнакома Жиллиману, но его форма о многом говорила примарху. На Тоасе некогда пользовались Стандартными Шаблонными Конструкциями. Сами СШК могли давно исчезнуть, но чудовищное наследие пережило кончину цивилизации. И алые метки, еще различимые под орочьей мазней, однозначно служили предупреждениями.

В первые минуты штурма пещеры Димас, техnodесантник Второй роты разрушителей, подтвердил опасения Робаута. Его ауспик уловил в воздухе следы целого ряда специфических химических элементов. За долгие столетия кошмарное оружие загрязнило свое хранилище, словно распространяя вокруг себя тьму, которую таило внутри.

— Излучение зашкаливает, — сообщил Димас. — Здесь собрано радиационное оружие всех известных типов. Снаряды преимущественно фосфесные, некоторые — биоалхимические. То же самое можно сказать и про ракеты.

— Можете определить тип? — уточнил Жиллиман.

— Никак нет. Показания очень странные. Теоретически — это оружие может сочетать в себе характеристики сразу нескольких типов.

Набирая скорость, Жиллиман выстрелил снова, расчищая себе путь. С его лица не сходила гримаса отвращения. Оружие, применявшееся только в самых крайних случаях, хранилось здесь в таком количестве, будто местной цивилизации оно служило излюбленным средством решения всех проблем. Нежеланное подозрение оказалось верным Робауту совсем не понравилось то, что он увидел в этой пещере.

«И эту культуру я своими руками впишу в историю Империи?»

Орки не могли воспользоваться здешними технологиями, но безошибочно чуяли сокрытую в них колоссальную разрушительную мощь. Причем за тот век или два, пока

зеленокожие властвовали на Тоасе, они умудрились каким-то чудом сохранить оружие в целости, словно видели в нем нечто особенное, ниспосланное свыше. Вокруг штабелей снарядов звери возвели свои то ли мастерские, то ли алтари. Орки поклонялись невероятному оружию и пытались собрать свое собственное. Батареи наспех сделанных ракет и кучи снарядов громоздились перед чудовищными прототипами.

«Похоже, зеленокожие всерьез верят, — подумал Жиллиман, — что их творения впитают таинственную силу древних реликвий, если их просто расставить поблизости».

Однако орки не просто пытались подражать находкам, но и пользоваться ими — пусть и тщетно. Впрочем, упорства тварям было не занимать, и результат их стараний Жиллиман сейчас видел перед собой, прямо в центре пещеры. В центре всей орочьей империи.

Сердце безумия. Варварскую душу.

Трон разрушения затмевал собой все в подземном зале. Орки в буквальном смысле сложили его из боеприпасов. Патроны, снаряды, ракеты, бомбы — в дело пошло все. У зеленокожих получился даже не столько трон, сколько курган — гора внушающей ужас пылающей смерти, и на вершине ее восседал император орков. Хотя с первого взгляда казалось, что оружие навалено совершенно бездумно, Жиллиман понял, что правящий зеленокожий приспособил курган под свое грузное тело. И без того огромную, бугрящуюся мышцами тушу чудовища словно распирала изнутри неуголимая дикая жадность. Широкий, как дредноут, он был вдвое выше любого орка, каких только Робауту довелось видеть на Тоасе, и носил корону, собранную из смертоносных снарядов. Железную броню с поршневыми усилителями окутывали клубы пара, а из труб над головой вырывались струи пламени. Ноги и руки тоже были сплошь увешаны боеприпасами, а шкура — покрыта шрамами и ожогами.

«Трон империи», — подумал Жиллиман. Упиваясь сдерживаемой в металлических корпусах яростью оружия погибшей цивилизации, орк считал, что достиг пределов могущества. Робаут смотрел на уродливое существо, правившее разоренной империей с вершины горы из орудий смерти. Все это необходимо уничтожить.

Полностью.

— Капитан Гиеракс, — вызвал по воксу Жиллиман. — Ликвидируйте зеленокожих любыми средствами. Вы меня поняли?

— Так точно, лорд Жиллиман.

Орк поднялся, когда увидел Робаута. Широко распахнув пасть, он взревел, бросая примарху вызов, и сделал два грузных шага вниз от своего трона.

Жиллиман прорубался сквозь последний заслон зеленокожих, отделявший его от гигантского кургана. Окружающая орда ревела, но никто не посмел броситься за ним, когда примарх начал подниматься на рукотворный холм.

Ставя ногу на склон, Робаут ожидал, что снаряды разъедутся и покатаются, но гора оказалась на удивление устойчивой. Присмотревшись, он увидел, что снаряды, бомбы и ракеты приварены друг к другу — должно быть, для того, чтобы трон не развалился под тяжестью правителя.

«Это безумие, — пронеслось в голове Жиллимана, — или, быть может, проявление веры».

Идеальный пример равнозначности этих двух понятий.

Поднимаясь на курган, Робаут снял Длань Доминиона. Здесь ее использовать нельзя. Если он ненароком заденет оружие, энергетическое поле перчатки может повредить

оболочку боеприпасов и запустить цепную реакцию, чего оркам каким-то чудом удалось избежать. Нет, он не доведет безумие здешней цивилизации до апогея. Поэтому примарх закрепил Длань Доминиона на поясе и вновь взялся за гладий Инкандор.

«Точность, — думал он, — здесь это единственный путь к победе». Каждый удар должен быть идеально выверен. Ошибок быть не может.

Орк-император ринулся вниз по склону, сжимая в руках огромный молот с уродливым бесформенным набалдашником, вокруг которого с визгом кружились многочисленные цепи. Примарх смерил оружие взглядом и представил, что оно может натворить, если попадет туда, куда не надо.

«Практически: стратегических потерь будет не избежать».

Жиллиман прыгнул навстречу своему врагу. Они столкнулись посреди горы. Орк одной рукой взмахнул молотом. Робаут выстрелил по набалдашнику оружия. Снаряды Арбитра прорвали рваные дыры в металле. Одна из цепей лопнула и, словно зубчатый хлыст, полоснула по лицу императора, открыв широкую рану от его левого глаза до правого края нижней челюсти. Орк взревел от боли и левым кулаком врезал Жиллиману в бок, впечатывая его в набалдашник молота. Удар выбил весь воздух из легких примарха и боль вспыхнула во всем теле.

Но Робаут был готов и уже скорректировал свой следующий удар, вложив в него больше сил для компенсации шока и травмы. Инкандор разрубил каркас брони орка и сухожилия на его левой руке. Конечность повисла. Зверь злобно зарычал. Предавшись какой-то своей дикой гордости, он ударил в ответ именно поврежденной рукой. Жиллиман не стал блокировать. Сервоприводы доспеха жалобно заскулили, но даже в сочетании с недюжинной силой примарха не смогли удержать его на ногах. Робаут рухнул спиной на оружие. Сварка не выдержала, и теперь снаряды действительно сдвинулись. А орк между тем сделал шаг вперед и навис над примархом.

Жиллиман понял, каким должен быть его следующий ход. Он не стал подниматься, позволяя орку сделать то, чего он хотел. Император обеими руками поднял молот высоко над головой, приготовившись нанести смертельный удар.

Замах стоил ему нескольких драгоценных секунд.

Жиллиман стремительно взвился и бросился направо и вверх по рассыпающемуся склону из боеприпасов. Покатившиеся ракеты и бомбы предвещали пугающую лавину. Молот опустился и врезался глубоко в тронный курган. Близлежащие снаряды взорвались, обдав примарха и императора огнем и фонтаном шрапнели. Согнувшийся орк дернул на себя застрявший молот, и в этот момент Жиллиман прыгнул на врага и вонзил Инкандор в правый глаз зверя. Тот взвыл и резко мотнул головой, сосступил на шаг вниз по склону и, все-таки сумев высвободить оружие, яростно взмахнул им.

Случайности, шансы, удача — все это, словно рак, губит любую рациональную стратегию. И в этот момент они обратились на пользу орку. Молот ударил Жиллимана в миг приземления — попал в плечо и буквально утопил в оружейном кургане. Доспех Робаута треснул. Позвоночник прожгла адская боль. Как назло, поверхность не выдержала таких издевательств и сдалась окончательно, лишив опоры правую ногу примарха. Жиллиман перенес свой вес на левую и сумел удержаться, орк же восстановил равновесие и нацелил в него новый удар.

У Робаута не оставалось выбора. Он не мог позволить врагу в этот раз достичь цели. Жиллиман отступил влево. Молот отколол еще несколько снарядов. Весь курган встряхнуло.

Вибрации от каждого удара расходились по конструкции, ломая и без того не самую прочную сварку. Примарх и орочий император стояли на спине левиафана, который медленно пробуждался к жизни.

Внизу зеленое море ксеносов накрыл огненный вихрь болтерных очередей. Двадцать второй и разрушители методично сокращали поголовье врага.

Жиллиман переметнулся в слепую зону орка, намереваясь провести выпад Инкандором. Он держал Арбитратор наготове, но выстрелил только тогда, когда был абсолютно уверен в попадании. Реактивные снаряды покрыли взрывами броню императора, срывая железную обшивку, но зверь был слишком ослеплен ненавистью, чтобы это заметить.

Разъяренный гигант изготовился для нового двуручного удара сбоку.

«Анализируй».

Микросекунда ушла на то, чтобы оценить траекторию приближающегося оружия, вложенную силу и возможные последствия.

«Не принимай удар. И не дай ему попасть по кургану».

Жиллиман ринулся на орка и врезался плечом ему в торс. Зверь был слишком крупным и массивным, чтобы его таким образом повалить, но зато теперь он не мог поразить подобравшегося вплотную примарха молотом. Император отбросил оружие и, схватив Робаута обеими когтистыми лапами, вздернул его в воздух. Триумфально взревев, он поднял врага над головой. Даже с поврежденной примитивной броней раненому орку хватило бы сил, чтобы раздавить соперника в лепешку.

Монстр знал, что победил. Он держал примарха как трофей, смакуя мгновения перед жестоким убийством. Не двигался. Не уклонялся.

Это были мгновения, так необходимые Жиллиману.

Мгновения, которые он предвидел.

Его руки были свободны, и Робаут, вскинув Арбитратор, выстрелил врагу прямо в лицо. Оставшийся глаз лопнул. Челюсть исчезла. Голова откинулась, и корона из снарядов упала на курган. Жиллиман не снимал палец со спускового крючка. Реактивные болты вгрызались в огромную тушу и разрывались внутри, но не добивали до сваленной горой амуниции.

Хватка орка ослабла, но он все равно держал Робаута еще почти пять секунд, после того как его голова превратилась в студенистую массу. Но в конце концов его руки опали, и Жиллиман рухнул на склон кургана. Снаряды снова покатались, увлекая за собой огромную тушу мертвого зверя. Гора оружия начала расползаться по пещере.

При виде своего убитого императора орки впали в отчаяние. Они вопили от боли и смятения. Жиллиман сошел с разваливающегося трона, выпуская перед собой реактивную смерть. Уцелевшие зеленокожие бросились врассыпную.

Орда хлынула из пещеры. Орки напрочь забыли и о своих статуях, и о так и не приготившихся им сокровищах. Они жались друг к другу и рвались к выходу из зала, который Гиеракс заблаговременно оставил для них открытым.

Жиллиман шагал через пещеру, расстреливая убегающих врагов и представляя, что сейчас творится в туннеле. На подъездной дороге уже собрались, должно быть, тысячи орков. Ярость не даст им сбежать — наоборот, она подстегнет их, заставит развернуться и атаковать снова.

То есть поступить именно так, как от них хотел Гиеракс.

«Любыми средствами, — вспомнил Робаут собственные слова. — Я сам так постановил. Я принял это. Они тоже мои сыновья».

Жиллиман подошел к входу ровно в тот момент, когда автопушка на руке Левия выпустила длинную очередь радиоактивных снарядов по передним рядам. Пока орда захлебывалась кровью, разрушители запустили несколько ракет из тех, что орки так долго считали своими. Зеленокожим наконец представился шанс воочию увидеть всю мощь, сокрытую в древнем оружии.

Ракеты взорвались над ордой, выпустив облако фосфекса. Опускаясь на головы орков, бело-зеленый туман вспыхнул. Пламя извивалось подобно раненому животному. Орки завопили в агонии. Орду охватила паника. Зеленокожие толкались и пытались разбежаться, но быстрые движения лишь разносили фосфекс все шире. Металл испарялся. Плоть сгорала на костях. Твари исчезали в голодном огне.

Жиллиман наблюдал за тем, как расползается всепоглощающая смерть. Орда горела долго. Там, где осел туман, земля уже никогда не очистится. Этот сектор руин навеки станет абсолютно не пригодным для жизни или промышленного использования.

Но Робаут неожиданно понял, что мысль о безвозвратной потере наследия Тоаса больше его не тревожит.

И потому совсем не удивился, когда из вокса раздался голос Гейджа:

— Вам стоит на это взглянуть.

Эпилог

Уничтожение

В дальнем конце главной пещеры находился еще один зал, поменьше. Его обнаружили пехотинцы Первого ордена, добывавшие последних сопротивлявшихся орков. По всей видимости, заваленное обломками помещение зеленокожих совсем не интересовало, а вот Гейдж заметил за грудями покореженного металла невредимую фреску и приказал его расчистить.

Гейдж, Иас и Гиеракс ожидали у порога. Жиллиман вышел в центр зала и, медленно поворачиваясь, во всех подробностях разглядывал изображение.

— Я не понимаю, — подал голос магистр-примус. — Образы напоминают те, что мы видели у южных пирамид, но композиция совершенно иная.

— Слабо сказано, Марий, — поправил Жиллиман. — Она диаметрально противоположная.

Да, здесь явно угадывался тот же воинственный стиль с теми же героическими типажам. Но человеческие фигуры были изображены в униформе с изысканными ярко-фиолетовыми поясами и перевязями. Они торжествующе стояли на трупах своих врагов, которые носили цвета героев, запечатленных в другой части комплекса. Пальцы Робаута непроизвольно сжались в кулаки.

— Мы все думали, от кого эти люди хотели защититься, — сказал примарх, — но даже не предполагали, что враги уже могли быть внутри. — Он обернулся к двум магистрам орденов и капитану. — Цивилизация на Тоасе давно сгинула в пламени междоусобной войны. Эта крепость — все, что от нее осталось.

— Следы бомбардировки на юге... — догадался Гейдж.

Жиллиман кивнул:

— Стреляли отсюда. Похоже на биоалхимическое оружие, учитывая отсутствие загрязнения.

— Использовать такое оружие практически у себя под боком — сущее безумие, — заявил Гиеракс.

— Именно, — согласился Жиллиман. — И вот результат.

Гиеракс подобрал очень верное слово. Отгремевшую здесь войну иначе как безумием было не назвать, равно как и невозможно было придумать для цивилизации конец более мерзкий и презренный. Еще совсем недавно Робаут ступил на землю Тоаса в надежде увидеть в развалинах следы героической борьбы против инопланетных захватчиков. Вместо этого он нашел останки народа, в своем помешательстве зашедшего так далеко, что не хватало слов, чтобы выразить свое омерзение.

— Капитан Гиеракс, вы с вашей ротой займетесь оружием в этой пещере, — распорядился примарх. — Извлеките его и добавьте к нашему арсеналу.

Следующим он обратился к Гейджу:

— Как только мы очистим Тоас от орков и убедимся, что они больше ниоткуда не повазятся, руины следует разбомбить с орбиты. Сотрем их с лица планеты. Будущим поселенцам об истории этого места знать не стоит. Здесь не было культуры — лишь одно большое недоразумение, порожденное человеческой глупостью и безрассудством. И памяти о нем нет места в Империи моего Отца.

Иас и Гиеракс отсалютовали и удалились. Гейдж остался.

— В чем дело? — спросил Жиллиман.

— Мы не видели здесь ничего гражданского, только военные объекты.

— Верно.

— Теоретически — если эта крепость и туннели олицетворяют то, во что превратилась культура Тоаса, значит, местная цивилизация всецело посвятила себя войне. Такой уклад нежизнеспособен.

— На обособленной планете — ни в сколь бы то далекой перспективе, — согласился Робаут. — Что в итоге и подтвердилось. — Он взглянул в обеспокоенное лицо Гейджа. — Но ты имел в виду не только это, правда?

— Я задумался о том, сколько ресурсов Империя уже тратит на войну.

— Именно поэтому так важно довести Великий крестовый поход до конца. Близок день, Марий, когда такие, как мы, станут не нужны, и мысль об этом греет мне душу.

С этими словами примарх вышел из зала.

Гейдж задержался у входа, глядя на воспевавшую безумие роспись на стене.

— Как они докатились до такого? — вслух огласил он свои мысли.

— Практически — тут много не надо. Духовная нищета, мелочность, скудоумие... Человечество давно все это оставило позади. И память об этом мы обратим в пепел вместе с орками.

Гейдж понимающе кивнул и следом за примархом направился к выходу из катакомб, что стали для зеленокожих крематорием. Тревога так и не покинула его.

Жиллиман обернулся лишь однажды и окинул взглядом скопления чудовищного оружия. Задержавшись на орочьем троне, силуэт которого выхватывало из темноты мерцающее пламя, он, примарх XIII легиона и сын Императора, неожиданно почувствовал себя полным слепцом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net